

HSSB

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES BULLETIN

2022 | TOM 3, № 2 | VOL. 3, № 2

ВЕСТНИК ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2687-0320
16+

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76509 от 02.08.2019

Журнал основан в 2019 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 650056, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Ворошилова, д. 22а

ISSN 2687-0320

Адрес редакции и издателя:

650056, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Ворошилова, д. 22а,
Тел/факс: (3842) 73-27-75,
e-mail: vogn@kemsma.ru

Адрес типографии:

650024, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Сибирская, д.35а, ООО «Принт», тел. (3842) 35-21-19

Периодичность: 4 раза в год.

Подписано в печать 01.10.22 г.
Дата выхода в свет 07.10.22 г.

Печать офсетная.
Тираж 900 шт.
Заказ № 987.

Полная версия журнала в электронном виде доступна на сайте Российской электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Распространяется по подписке.

Подписной индекс П3593 в каталоге «Почта России», 80843 в каталоге «Роспечать».

© КемГМУ, 2022
© Авторы научных статей, 2022

Все статьи проверены с помощью системы «Антиплагиат». Публикуются в авторской редакции.

Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Цена свободная.

ВЕСТНИК ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Научный журнал

Главный редактор

- Шиллер Вадим Викторович, к.и.н., доцент (Россия, Кемерово)

Редакционная коллегия

- Абытов Байболот Капарович, д.и.н., профессор (Кыргызстан, Ош)
- Арапина Светлана Владимировна, к.и.н., доцент (Россия, Санкт-Петербург)
- Бадаев Евгений Васильевич, к.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Базаров Борис Ванданович, д.и.н., профессор, академик РАН, заслуженный деятель науки Республики Бурятия (Россия, Улан-Удэ)
- Барсуков Александр Михайлович, к.полит.н. (Россия, Новосибирск)
- Батиевская Вероника Богдановна, к.э.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Бирюков Сергей Владимирович, д.полит.н., профессор (Германия, Потсдам) (заместитель главного редактора)
- Белозерова Марина Витальевна, д.и.н., профессор (Россия, Сочи)
- Боровикова Злата Владимировна, к.и.н. (Россия, Кемерово)
- Бородин Александр Юрьевич (Россия, Кемерово) (переводчик)
- Ван Хайянь, старший советник Китайского института международных стратегических исследований
- Валиуллина Евгения Викторовна, к.псих.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Вильяр Барросо Оскар Хулиан, доктор исторических наук, профессор (Куба, Гавана)
- Горбатов Алексей Владимирович, д.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Грунина Людмила Петровна, к.ф.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Гукина Людмила Владимировна, к.ф.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Дзермант Алексей Валерьевич, к.филос.н. (Республика Беларусь, Минск)
- Дмитриева Софья Игоревна, к.и.н., доцент (Россия, Воронеж)
- Дронов Михаил Юрьевич, к.и.н., научный сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН (Россия, Москва)
- Ефремова Ольга Николаевна, к.ф.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Желтов Виктор Васильевич, д.филос.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Жиброва Татьяна Валерьевна, к.и.н., доцент (Россия, Воронеж)
- Звягин Сергей Павлович, д.и.н., доцент (Россия, Кемерово) (научный редактор)
- Иванова Наталья Александровна, д.филос.н., доцент (Россия, Новокузнецк)
- Казьмина Маргарита Васильевна, д.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Ким Лидия Густовна, д.ф.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Коппенал Александр Яковлевич, политолог и публицист (Нидерланды, Лейден)
- Красиков Владимир Иванович, д.филос.н., профессор (Россия, Москва)
- Кремер Раймунд, немецкий политолог и главный редактор журнала Welt Trends, (Германия, Берлин)
- Кудряшова Ирина Анатольевна, д.э.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Курас Леонид Владимирович, д.и.н., профессор (Россия, Улан-Удэ)
- Ладислав Земанек, русист, доктор философии, Карлов университет (Чехия, Прага)
- Ламин Владимир Александрович, д.и.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, Новосибирск)
- Леденева Виктория Юрьевна, д.соц.н., профессор (Россия, Москва)
- Маркедонов Сергей Мирославович, к.и.н. (Россия, Москва)
- Межуев Борис Вадимович, к.филос.н., доцент (Россия, Москва)
- Новиков Павел Александрович, д.и.н., доцент (Россия, Иркутск)
- Омеличкин Олег Викторович, д.полит.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Осадчий Михаил Андреевич, д.ф.н., профессор (Россия, Москва)
- Палин Алексей Владимирович, к.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Порхачев Василий Николаевич, к.филос.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Радченко Олег Анатольевич, д.ф.н., профессор (Россия, Москва)
- Ростова Наталья Николаевна, к.ф.н., доцент (Россия, Кемерово) (заместитель главного редактора)
- Рязанова Олеся Евгеньевна, д.э.н., профессор (Россия, Москва)
- Садовой Александр Николаевич, д.и.н., профессор (Россия, Сочи)
- Силантьев Роман Анатольевич, д.и.н., профессор (Россия, Москва)
- Старостин Алексей Николаевич, к.и.н., доцент (Россия, Екатеринбург)
- Стоякин Василий Александрович, политтехнолог, политэксперт, директор Центра политического маркетинга (Украина, Киев)
- Суркова Ирина Юрьевна, д.соц.н., профессор (Россия, Саратов)
- Темаев Тимур Вадудович, д.соц.н., профессор (Россия, Саратов)
- Толвайшис Леонас, PhD, профессор политологии (Сербия, Белград)
- Цуй Хен, профессор Восточно-Китайского педагогического университета (КНР, Шанхай)
- Чирун Сергей Николаевич, д.полит.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Шабашев Владимир Алексеевич, д.э.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Шапкина Елена Владимировна, к.полит.н. (Россия, Кемерово) (заместитель главного редактора)
- Эльзенханс Хартмут, PhD в области экономических наук, профессор (Германия, Лейпциг)

Registration certificate:

PI NO. FS77-76509 dated
02.08.2019, issued by
the Federal service of
Roskomnadzor

Journal was founded in 2019.

Founder: Kemerovo State
Medical University,
22a, Voroshilova Street,
Kemerovo, Kemerovo Region,
650056, Russian Federation

ISSN 2687-0320

Editorial/Publisher Address:
22a, Voroshilova Street, Keme-
rovo, Kemerovo Region, 650056,
Russian Federation
Phone: +7 (3842) 73-27-75,
e-mail: vogn@kemsma.ru

Printing House Address:
35a, Sibirskaya Street,
Kemerovo, Kemerovo Region,
650024, Russian Federation,
LLC "Print",
phone: (3842) 35-21-19

The Journal is published
quarterly.

Signed and confirmed for
publication on 2022/01/10
Published on 2022/07/10

Offset printing, 900 copies.

Order № 987.

The Journal is entirely available
at the official site of Scientific
Electronic Library
(www.elibrary.ru)
Subscription-based
distribution.

Subscription index
P3593 (Russian Post catalogue),
80843 («Rospechat» catalogue).

© KemSMU, 2022

© Authors of scientific articles,
2022

All articles are checked using
the "anti-Plagiarism" system.
Published in the author's
edition.
The authors' point of view may
not coincide with the opinion of
the editorial Board.

Free Price

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES BULLETIN

Chief editor

- **Shiller Vadim Viktorovich**, Ph.D of Historical Sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)

Editorial board

- **Abytov Bajbolot Kaparovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor (Kyrgyzstan, Osh)
- **Arapina Svetlana Vladimirovna**, Ph.D of Historical Sciences, associate Professor (Russia, St. Petersburg)
- **Badaev Evgeny Vasilyevich**, Ph.D of Historical Sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Bazarov Boris Vandanovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor, Fellow of Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Republic of Buryatia (Russia, Ulan-Ude)
- **Barsukov Aleksandr Mikhailovich**, Ph.D of Political science (Russia, Novosibirsk)
- **Batievskaya Veronika Bogdanovna**, Ph.D of Economic Sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Biryukov Sergej Vladimirovich**, Advanced Doctor in political science, Full Professor (Germany, Potsdam) (Deputy Chief Editor)
- **Belozeroval Marina Vitalyevna**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor (Russia, Sochi)
- **Borovikova Zlata Vladimirovna**, Ph.D of Historical Sciences (Russia, Kemerovo)
- **Borodkina Alexandra Yurievna** (Russia, Kemerovo) (translator)
- **Valiullina Evgeniya Viktorovna**, Ph.D of Psychological sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Wang Haiyan**, Senior Advisor, China Institute of International Strategic Studies (China, Shanghai)
- **Vilyar Barroso Oskar KHulian**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor (Cuba, Havana)
- **Gorbatov Alexey Vladimirovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Grunina Lyudmila Petrovna**, Ph.D of Philological sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Gukina Lyudmila Vladimirovna**, Ph.D of Philological sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Dzermant Alexey Valerievich**, Ph.D of Philosophy sciences (Belarus, Minsk)
- **Dmitrieva Sofya Igorevna**, Ph.D of Historical science, associate Professor (Russia, Voronezh)
- **Dronov Michail Jurjewitsch**, PhD in Historical sciences, Researcher at the Department of East Slavic Studies, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)
- **Efremova Olga Nikolayevna** PhD in Philosophy science, Associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Zheltoz Viktor Vasilyevich**, Advanced Doctor in Philosophy sciences, Full Professor (Russia, Kemerovo)
- **Zhibrova Tatyana Valeryevna**, Ph.D of History Sciences, Associate Professor (Russia, Voronezh)
- **Zvyagin Sergej Pavlovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Associate Professor (Russia, Kemerovo) (scientific editor)
- **Ivanova Natalia Aleksandrovna**, Advanced Doctor in Philosophy sciences, associate Professor (Russia, Novokuznetsk)
- **Kazmina Margarita Vasilievna**, Advanced Doctor in historical sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Kim Lidiya Gustovna**, Advanced Doctor in Philological sciences, Full Professor (Russia, Kemerovo)
- **Koppenol Aleksandr Yakovlevich**, political scientist and publicist (Netherlands, Leiden)
- **Krasikov Vladimir Ivanovich**, Advanced Doctor in Philosophy sciences, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Kremer Rajmund**, German political scientist and Editor in Chief of the journal Welt Trends, (Germany, Berlin)
- **Kudryashova Irina Anatolyevna**, Advanced Doctor in Economic science, Associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Kuras Leonid Vladimirovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor (Russia, Ulan-Ude)
- **Ladislav Zemanek**, russianist, Doctor in Philosophy sciences, Charles University (Czech Republic, Prague)
- **Lamin Vladimir Alexandrovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Republic of Tyva and Honored Scientist of the Republic of Buryatia (Russia, Novosibirsk)
- **Ledeneva Viktoria Yurievna**, Advanced Doctor in Sociological science, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Markedonov Sergej Miroslavovich**, Ph.D of History Sciences (Russia, Moscow)
- **Mezhuev Boris Vadimovich**, Ph.D of Philosophy, Associate Professor (Russia, Moscow)
- **Novikov Pavel Alexandrovich**, Advanced Doctor in historical sciences, associate Professor (Russia, Irkutsk)
- **Omelychkin Oleg Viktorovich**, Advanced Doctor in Political sciences, Full Professor (Russia, Kemerovo)
- **Osadchy Mikhail Andreyevich**, Advanced Doctor in Philological sciences, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Palin Alexey Vladimirovich**, Ph.D of Historical sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Porkhachev Vasily Nikolaevich**, Ph.D of Philosophy sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Radchenko Oleg Anatolyevich**, Advanced Doctor in Philological sciences, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Rostova Natalya Nikolaevna**, Ph.D of Philosophy, Associate Professor (Russia, Kemerovo) (Deputy Chief Editor)
- **Ryazanova Olesya Evgenyevna**, Advanced Doctor in economic science, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Sadovoj Aleksandr Nikolaevich**, Advanced Doctor in Historical science, Full Professor (Russia, Sochi)
- **Silantyev Roman Anatolievich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Starostin Vasily Nikolaevich**, Ph.D of Historical science (Russia, Yekaterinburg)
- **Stoyakin Vasily Alexandrovich**, political strategist, political expert, Director of the center of political marketing (Ukraine, Kiev)
- **Surkova Irina Yurievna**, Advanced Doctor in Sociological science, Full Professor (Russia, Saratov)
- **Temaev Timur Vadudovich**, Advanced Doctor in Sociological science, Full Professor (Russia, Saratov)
- **Tolvašis Leonas**, PhD, Professor of Political science (Serbia, Belgrade)
- **Cui Hen**, Professor, East China Normal University (China, Shanghai)
- **Chirun Sergei Nikolaitch**, Advanced Doctor in Political science, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Shabashev Vladimir Alekseevich**, Advanced Doctor in Economic science, Full Professor (Russia, Kemerovo)
- **Shapkina Elena Vladimirovna**, Ph.D of Political sciences (Russia, Kemerovo) (Deputy Chief Editor)
- **Ehlzenkhans Khartmut**, PhD of Economic sciences, Full Professor (Germany, Leipzig)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	с. 5
ИСТОРИЯ	
ЗВЯГИН С. П. ОБУЧЕНИЕ ЧИНОВ МИЛИЦИИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919 ГГ.)	с. 6
МАКАРЧУК С. В., ЗВЯГИН С. П. ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГРУППА АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ В 1907–1910 ГГ.	с. 13
ФИЛОСОФИЯ	
ОМЕЛИЧКИН О. В. МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА	с. 21
СОЦИОЛОГИЯ	
ВОЛКОВ А. Н. О НЕКОТОРЫХ ЭТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕНАТАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ	с. 31
ПСИХОЛОГИЯ	
ВАЛИУЛЛИНА Е. В. ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ КРЕАТИВНОСТИ: ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ АЛЕКСИТИМИИ	с. 39
ЭКОНОМИКА	
КУДРЯШОВА И. А., ХАРЛАМПЕНКОВ Е. И., СУДАРЬЯНТО ЯНТО МЕДИЦИНА КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ УГЛЕДОБЫВАЮЩЕГО РЕГИОНА	с. 45
ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА, ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
ГРУНИНА Л. П. МОТИВ ДОРОГИ В ЛИРИКЕ Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА	с. 52
ГУКИНА Л. В. НАБЛЮДАЕМОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЯЗЫКЕ: ГЛАГОЛЫ С ДЕЙКТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ	с. 58
ЭССЕ, ПУБЛИЦИСТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
AHMAD Mulyadi DAS REGIME DER NEUEN ORDNUNG, WARUM UND WIE KONNTE ES MEHR ALS 3 JAHRZEHNTE DAUERN?	с. 66

TABLE OF CONTENTS

EDITORIAL	p. 5
HISTORY	
ZVYAGIN S.P. TRAINING OF MILITIA OFFICERS OF THE ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS OF SIBERIA DURING THE CIVIL WAR (1918–1919)	p. 6
MAKARCHUK S. V., ZVYAGIN S. P. EXTREMIST POLITICAL GROUPS IN THE EAST OF RUSSIA: THE FAR EASTERN GROUP OF ANAR- CHIST COMMUNISTS IN 1907–1910	p. 13
PHILOSOPHY	
OMELICHKIN O. V. MORAL QUALITIES OF A MEDICAL WORKER	p. 21
SOCIOLOGY	
VOLKOV A.N. ON SOME ETHICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF MODERN PRENATAL DIAGNOSTICS	p. 31
PSYCHOLOGY	
VALIULLINA E.V. PERSONAL ASPECTS OF CREATIVITY: THE INFLUENCE OF THE LEVEL OF ALEXITHYMIA	p. 39
ECONOMY	
KUDRYASHOVA I.A., KHARLAMPENKOV E.I., SUDARYANTO YANTO MEDICINE AS A DRIVER OF THE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECONOMY OF THE COAL MINING REGION	p. 45
PHILOLOGY, LINGUISTICS	
GRUNINA L.P. THE MOTIF OF THE ROAD IN THE LYRICS OF R.I. ROZHDESTVENSKY: LINGUISTIC AND STYLISTIC ASPECT OF ANALYSIS	p. 52
GUKINA L. V. OBSERVABLE SPACE IN LANGUAGE: VERBS WITH DEICTIC SEMANTICS	p. 58
ESSAYS, JOURNALISM, REVIEWS	
BY AHMAD MULYADI THE REGIME OF THE NEW ORDER, WHY AND HOW COULD IT LAST MORE THAN 3 DECADES?	p. 66

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Увидел свет очередной номер научного журнала «Вестник общественных и гуманитарных наук». В него вошли статьи в области истории, философии, социологии, психологии, экономики, лингвистики, а также политологическое эссе. По уже сложившейся традиции авторы представлены как российскими учеными, так и исследователями из Индонезии и Германии.

Круг изучаемых в публикациях вопросов отражает не только исторические реалии России первой четверти XX в. и политологические аспекты анализа «режима нового порядка», но и морально-этические проблемы медицины и медицинских кадров, психологические аспекты креативности, оценку статуса медицины с позиций экономического анализа и рассмотрение вопросов лингвистического характера.

Большой практический интерес представляют статья ученых-историков С. П. Звягина и С. В. Макаrchука, посвященная проблемам изучения экстремистских политических группировок восточной части России в 1907-1910 гг. и текст ученых Кемеровского государственного медицинского университета И. А. Кудряшовой и Е. И. Харлампенкова, написанный совместно с профессором Государственного университета им. Бравиджая (Индонезия) Сударьянто Янто и посвященный анализу медицины как драйверу развития региональной экономики угледобывающего региона. Авторы делают аргументированный вывод, согласно которому медицинский драйвер позволит создать новые рабочие места, повысить качество жизни в Кузбассе в целях ускорения социально-экономического развития региона.

Журнал продолжает развиваться в соответствии с меняющимися требованиями в области улучшения качества и повышения уровня статей, публикуемых в научных изданиях, ужесточения требования к рецензиям и рецензентам.

Приглашаем всех заинтересованных исследователей из числа историков, политологов, философов, религиоведов, социологов, филологов, лингвистов, языковедов, педагогов, психологов, экономистов, этнологов, а также представителей других отраслей научного знания, интересующихся вопросами гуманитарных и общественных наук, публиковаться в нашем журнале, который выходит четыре раза в год.

С уважением,
главный редактор журнала
Шиллер В. В.

УДК 94(571.1/5)“1918/1919”
Звягин С. П.

ОБУЧЕНИЕ ЧИНОВ МИЛИЦИИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919 гг.)

Аннотация

Предметом исследования в данной работе является изучение процесса установления законности и правопорядка, обеспечение законных прав и интересов гражданина в условиях Гражданской войны в Сибири. Важную роль здесь играют правоохранительные органы. Большая нагрузка ложится на милицию как силовую структуру, наиболее приближенную к населению. Для реализации столь ответственной задачи нужны были квалифицированные кадры милиционеров, которых не хватало. Поэтому было принято решение об их подготовке. Статья впервые в отечественной практике написана с использованием широкого круга источников. В частности речь идёт о шести архивах, в т. ч. одном федеральном (Москва), четырёх субъектов Российской Федерации (Барнаул, Чита, Иркутск, Улан-Удэ) и одном городском (Шадринск). Были изучены публикации в 27 газетах тех лет, а также исследовательские работы отечественных историков, проанализированы важные проблемы этого процесса. Отличительной особенностью данного исследования является

населённость текста сведениями о чиновниках омского правительства, руководителях губерний и областей, деятелях местного самоуправления, чинах милиции.

Использованные материалы были подвергнуты анализу с применением традиционных методов исторического исследования: сравнительного, историко-генетического, хронологического, компаративного, ретроспективного.

Полученные данные могут быть использованы в преподавании таких учебных дисциплин, как «Гражданская война в Сибири (1918–1920 гг.)», «История органов внутренних дел России».

Ключевые слова: Гражданская война (1918–1922 гг.), Сибирь, милиция, повышение профессионального уровня, учебный процесс, защита законных прав и интересов, местное самоуправление, государственная власть, население, массовые нарушения законности.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источник финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Звягин С.П. Обучение чинов милиции антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 2. С. 6–12.

Статья поступила в редакцию 18.05.2022 г.

HISTORY

Zvyagin S. P.

TRAINING OF MILITIA OFFICERS OF THE ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS OF SIBERIA DURING THE CIVIL WAR (1918–1919)

Annotation

The subject of research in this work is the study of the process of establishing law and order, ensuring the legitimate rights and interests of a citizen in the conditions of the Civil War in Siberia. Law enforcement agencies play an important role here. A large burden falls on the police, as the power structure closest to the population. To implement such a responsible task, qualified police personnel were needed,

which were not enough. Therefore, it was decided to prepare them. The article is for the first time in domestic practice, written using a wide range of sources. In particular, we are talking about six archives, including one federal (Moscow), four subjects of the Russian Federation (Barnaul, Chita, Irkutsk, Ulan-Ude) and one city (Shadrinsk). Publications in 27 newspapers of those years were studied, as well as the research works of domestic historians, and important

For citation: Zvyagin S.P. Training of militia officers of the anti-Bolshevik governments of Siberia during the Civil War (1918–1919) // Bulletin of Social and Humanitarian Sciences. 2022. Vol. 3. No. 2. P. 6–12.

problems of this process were analyzed. A distinctive feature of this study is the population of the text with information about officials of the Omsk government, heads of provinces and regions, local government figures, police officers.

The materials used were analyzed using traditional methods of historical research: comparative, historical-genetic, chronological, comparative, retrospective.

The obtained data can be used in teaching such academic disciplines as « Civil War in Siberia (1918-1920)», «The History of the internal Affairs bodies of Russia».

Keywords:

Civil War (1918-1922), Siberia, police, professional development, educational process, protection of legal rights and interests, local self-government, state power, population, mass violations of the rule of law.

Conflict of interest:

None declared

Source of funding:

There was no funding for this project

Результаты работы

После свержения власти большевиков в Сибири весной-летом 1918 г. перед их противниками, пришедшими к власти, встали большие и важные проблемы. Важно было установить законность и порядок. Эта задача легла на плечи милиции, деятельность которой вызывала много нареканий.

Эта тема ещё не стала предметом внимания исследователей. Так, в монографии В. И. Василевского «Забайкальская белая государственность» об этом нет ни слова [4, 182 с.]. Вместе с тем мне удалось выявить в федеральном (Москва) и региональном (Чита) архивах много документов по этой проблеме.

Тогда в центре (Омске – авт.) и на местах стали принимать меры по профессиональной подготовке милиционеров. Мне удалось выявить несколько форм такой работы.

Первая – 8 октября 1918 г. начальник Челябинской городской милиции поручик И. И. Мушинский был направлен для инструктирования работы милиции в города Шадринск, Камышин и их уезды [53, 8 окт.].

Вторая – в начале февраля 1919 г. достоянием гласности стал приказ начальника Иркутской городской милиции. Он предписывал всем начальникам районов или их помощникам давать словесные консультации, которые знакомили чинов милиции с их обязанностями. Занятия проходили с 8-00 до 8-30 утра. В ближайшем времени ожидалась проверка. Недочеты в подготовке заключались в недобросовестности милиционеров [39, 18 февр.].

Третья – в некоторых городах уделяли большое внимание строевой подготовке. Так, в Барнауле, в июле 1918 г. начальник Барнаульской милиции В. В. Шеин проводил строевые занятия подчиненных в полном составе [28, 11 июля]. Газета «Иркутские губернские ведомости» 23 ноября 1919 г. известили жителей города о том, что начальник Иркутской уездной милиции Кульвановский проводил в конном отряде строевые занятия. Ими руководил начальник отряда прапорщик Моргин [35, 23 нояб.].

Во второй половине февраля 1919 г. для повышения большей безопасности личный состав каждого участка милиции Томска представлял в строевом отношении взвод. Помощники начальника участка знакомили мили-

ционеров с оружием и учили умело им владеть. Четыре человека каждого взвода должны были уметь бросать гранаты. Конный отряд составил эскадрон из трех взводов [47, 22 февр.].

Четвёртая – в приказе начальника Читинской городской милиции от 13 июля 1918 г. содержалось много замечаний чинам милиции. Было решено начать учебные занятия с постовыми. Ответственными были классные чины (офицеры – авт.) Милиционеры были обязаны посещать занятия. Тем, кто этого не делал, грозило увольнение. Занятия включали «движение», «отдание почестей». Предполагалось снабдить участки милиции лошадьми [10, Л. 186–186 об.]. Уже 5 октября 1918 г. тот же начальник приказал провести испытание кандидатов на чин младшего милиционера с последующим обучением [10, Л. 150].

По сведениям А. Н. Никитина, предпринимались попытки организовать месячные занятия с личным составом по теме «Обнаружение и исследование преступлений». На курсах в Тургайской области была прочитана специальная тема «Охрана безопасности» [43, С. 41]. На 1 августа 1918 г. начальник Барнаульской уездной милиции Н. И. Горкунов назначил съезд всех чинов уездной милиции для ознакомления с должностными инструкциями и лицами прокурорского надзора. Мероприятие было запланировано в доме Поскотникова, что «за речкой Барнаулкой» [2, 28 июля; 41, 28 июля]. 15 сентября 1918 г. начальник Шадринской милиции доложил Шадринскому уездному комиссару о том, начальник уездной милиции инструктирует старших и младших милиционеров. Для участковых начальников милиции и их помощников предполагалось провести особое совещание-собеседование по вопросам современной служебной тактики и технике. Первое занятие было назначено на 20 сентября 1918 г. [24, Л. 60].

19 ноября 1918 г. Иркутский губернский комиссар П. Д. Яковлев провёл совещание об устройстве школы по программе из 10 предметов для урядников, как служащих, так и желающих поступить. Лекторы уже были назначены. Они готовили учебные программы [26, 21 нояб.].

Пятая – отмечены действия местных властей по созданию специальных курсов. 10 ноября 1918 г. по предписанию Тобольского губернского комиссариата в уездном комиссариате состоялось совещание. Участие в нём приняли чины судебного ведомства, податные инспекторы, городской врач, казенный ветеринарный врач и некоторые другие лица. В пользу курсов высказались все. Присутствующие согласились взять часть лекторских часов на себя. Местом для курсов было выбрано помещение магазина А. И. Дерягина по Троицкой улице около церкви. Курсантами могли стать все желающие. Предусматривалось 3 месяца обучения для классных чинов и 2 месяца для всех остальных. По окончании предполагалось проведение экзаменов и выдача свидетельства. Вскоре был составлен учебный план [37, 10 нояб.].

Эта встреча имела продолжение. В конце декабря 1918 г. в Тобольске, Тюмени и Кургане Тобольской губернии было решено организовать курсы. В Тобольском губернском комиссариате состоялось совещание, на котором приняли программу курсов, утвердили перечень учебных предметов и назначили день занятий [50, 21 дек.].

6 февраля 1919 г. управление Приморской области издало «Положение о курсах». Было учреждено два отделения: для классных чинов и милиционеров. К участию в занятиях были привлечены: 30 милиционеров, 47 классных чинов, 6 начальников участков, 7 их помощников, а также 34 офицера. Курсанты учились бесплатно, но должны были впоследствии прослужить три месяца за каждый месяц обучения. Продолжительность курсов предполагалась в 4–6 месяцев. Те курсанты, которые окончили обучение и успешно прошли испытания, служили три месяца за 1 месяц обучения и получали аттестат. Нерадивых надлежало исключать с курсов и увольнять со службы. На время учебы курсанты проживали в общежитии [17, Л. 37].

Шестая – мною выявлено желание классных чинов написать письменные пособия для подготовки личного состава. Так, 25 мая 1919 г. газета «Тобольское народное слово» известило о том, что начальник Пермской уездной милиции Н. К. Шабалин составил и издал «Инструкцию для руководства старшим милиционерам». В брошюре были подробно описаны обязанности [10, Л. 1] по охране правопорядка, обнаружении и расследовании преступлений, формы постановлений, протоколов, сообщений, соответствующих статьям законодательства. Объем инструкции составил 61 страницу [36, 25 мая.]

В октябре 1918 г. был подписан циркуляр МВД № 3551 об организации курсов первоначальной подготовки и обучения чинов милиции [43, С. 40]. В начале ноября 1918 г. челябинская газета так прокомментировала этот документ: «Необходимость создания такого заведения уже чувствуется давно, и мы можем только

приветствовать эту идею МВД». В статье кратко сообщалось о том, чему будут учить милиционеров [7, 3 нояб.].

Однако реальные шаги по профессиональному обучению милиционеров были сделаны после прихода к власти А. В. Колчака. В конце ноября 1918 г. он как Верховный правитель России заявил, что порядок и закон в его глазах являются неразрывными спутниками. Он выразил решимость бороться с насилием и произволом [44, 20 нояб.; 48, 30 нояб.].

В декабре 1918 г. в МВД был учрежден Департамент милиции. Его директором был назначен бывший депутат IV Государственной думы В. Н. Пепеляев. Вскоре министр внутренних дел А. Н. Гаттенбергер и В. Н. Пепеляев представили в канцелярию Совета Министров проект закона о подготовительных курсах для чинов милиции. Документ был в 18 экземплярах и включал две копии протокола межведомственной комиссии от 22 февраля 1919 г. Кроме этого, была объяснительная записка. В ней говорилось о стремлении к организации милиции, отмечалось, что лиц подготовленных почти нет. Выражалась решимость улучшить состав, организовав курсы с минимальными затратами. Расходы на год предусматривались в размере 30 тыс. руб. [17, Л. 1–3].

Был принят во внимание и опыт российской императорской полиции. Ещё в 1910 г. в Государственной думе говорили о том, что чины полиции требуют специальной подготовки [5, С. 411].

13 марта 1919 г. Совет министров принял постановление об организации подготовительных курсов для чинов милиции. В документе говорилось: 1). предоставить право МВД открывать курсы там, где оно сочтёт необходимым; 2). организацию курсов и общее руководство возложить на управляющих губерниями и областями в соответствии с инструкцией МВД; 3). утвердить расписание должностей и окладов содержания; 4). отпустить единовременно МВД на первоначальное обзаведение курсов (книги, учебные пособия) 30 тыс. руб., на личный состав, хозяйственные нужды и канцелярские принадлежности по смете.

Расходы были детализированы. Оплата сотрудников составляла: заведующий курсами – 200 руб. в месяц, делопроизводитель (один – авт.) – 100, лектор (по надобности – авт.) – 1125 руб. в месяц или по 15 руб. за лекцию. На канцелярские товары выделялось 50 руб., на книги и учебные пособия единовременно 1000 руб. [45, 27 авг.].

28 марта 1919 г. было опубликовано сообщение о том, что МВД решило создать подготовительные курсы для чинов милиции для организации милиции, отвечающей своему назначению, и учитывая трудность привлечения к делу лиц, знакомых со службой [51, 28 марта].

Примерно в это же время, в декабре 1918–марте 1919 гг., прошли съезды управляющих уездами «белой» Сибири.

На их заседаниях обсуждали и решали различные вопросы. Их участники признали необходимость обучения чинов милиции. 8 февраля 1919 г. в беседе с сотрудником газеты «Земля и труд» управляющий Курганским уездом М. В. Алексеев сообщил, что на съезде управляющих уездами в Тобольске ещё в декабре 1918 г. ставил об этом вопрос. Реакция собравшихся, по его словам, была «вроде бы положительной» [33, 8 февр.].

26 января–8 февраля 1919 г. в Семипалатинске проходило совещание комиссии по организации в области курсов для милиционеров. Присутствовали управляющий областью И. А. Самойлов, председатель окружного суда Ф. К. Станкевич и др. Был зачитан циркуляр МВД № 3551 от 5 октября 1918 г. о создании курсов. Собравшиеся признали, что «личный состав по своему развитию и прежней служебной практике не готов» и предложили свою программу подготовки. Об этом они 10 апреля 1919 г. доложили министру МВД [15, Л. 67, 70].

1–2 и 4 февраля 1919 г. во Владивостоке работал съезд управляющих уездами Приморской областью. Его участники также высказались за организацию курсов для милиционеров [21, Л. 6; 24, 8 февр.; 52, 9 февр.].

2 февраля 1919 г. на съезде управляющих уездами Томской губернии было предложено в скорейшем времени открыть курсы для милиционеров и их резерва [22, Л. 16].

8–9 февраля 1919 г., выступая на съезде управляющих уездами Пермской губернии, временно исполнявший обязанности начальника Челябинской уездной милиции Б. А. Вангаз высказался за создание основных и повторных курсов для милиционеров [20, Л. 11 об.].

В марте 1919 г. предложение управляющего Нерчинским уездом Г. М. Юринского на съезде управляющих уездами Забайкальской области о создании таких курсов встретило положительный отклик, ибо уровень профессиональной подготовки чинов милиции был охарактеризован, как низкий [11, Л. 34–34 об.]. Таким образом, инициатива департамента милиции о создании подобных курсов встретила широкую поддержку на «местах».

Заведующими курсами назначали офицеров в чинах, соответствующих местным возможностям. Так, 7 февраля 1919 г. во Владивостоке на эту должность получил назначение помощник управляющего Приморской областью полковник С. Н. Козеко [52, 7 февр.]. Приказом управляющего Енисейской губернией П. С. Троицкого от 6 июня 1919 г. курсы возглавил поручик Селинский [27, 14 июня].

Власти придавали значение внешней стороне организации и проведения курсов. Так, 24 июня 1918 г. в Петропавловске были открыты трехмесячные курсы для милиционеров после молебна в Народном доме. Среди почетных гостей были управляющий уездом, городской голова, «администрация» милиции [17, Л. 37].

9 мая 1919 г. в городе Ирбит Пермской губернии состоялось торжественное открытие милицейской школы [34, 9 мая].

Следует обратить внимание на состав преподавателей подобных курсов. Уже 20 февраля 1919 г. в здании Томского окружного суда открылись краткосрочные курсы для помощников участковых начальников милиции [9, 21 февр.]. Занятия проходили ежедневно в послеобеденное время. В этом случае возможности губернского центра сочетались с наличием в городе университета. Занятия вели: товарищи (заместители – авт.) прокурора Томского окружного суда Б. Л. Покровский (кража, разбой, грабеж), С. А. Рождественский и И. С. Авраменко (подделка денежных знаков, подлог, мошенничество, присвоение и растрата), В. З. Аранович (телесные повреждения, изнасилование, клевета, обида), Л. Н. Агафонов (должностные преступления), Б. Н. Соколов (убийство, поджог), «эвакуированный» прокурор Сарапульского окружного суда В. И. Шкляев (Устав уголовного судопроизводства и практические занятия по производству дознания), мировой судья Д. Н. Попов (Устав о наказаниях, налагаемых мировым судом), приват-доцент П. М. Караганов (судебная медицина). Занятия проходили в течение месяца и закончились в субботу, 22 марта 1919 г. [47, 27 марта]. Здесь активную и положительную роль сыграли сотрудники Томского окружного суда.

Подготовленных преподавателей удалось привлечь к проведению курсов и в Омске. Они открылись 6 июня 1919 г. в помещении 5-го участка. Занятия проходили ежедневно с 11–12 часов и с 18 до 20 часов. В учебном плане значились: 1). гимнастика и военный строй (преподаватель – капитан Четыркин), 2). полицейский устав (начальник 5-го участка Землевич), 3). уголовный процесс (судебный следователь по особо важным делам Исаенко), 4). медицина и ветеринария (доктор Билль), 5). государство и гражданское право (вице-директор Министерства юстиции Петухов), 6). устав о воинской повинности (капитан Ральков), 7). уголовное право (чиновник МВД Воздвиженский), 8). акцизный устав и финансовое право (ревизор Министерства финансов Дементьев) [49, 29 июня]. Чиновники размещённых в Омске правительственных учреждений стали опытными преподавателями для чинов милиции.

Есть отрывочные сведения о преподавателях «специальных» дисциплин. 4 июля 1919 г. в Благовещенске преподавателями гимнастики назначили Яниоса, а военного строя – штабс-капитана Ясинского [3, 4 июля]. Что касается утверждения преподавателей, то в начале февраля 1919 г. управление Приморской области сообщило о том, что это делает управляющий областью [24, 6 февр.].

Организация и работа курсов встречали трудности, связанные с «текущим моментом», т. е. Гражданской

войной. Во-первых, мешала повседневная занятость личного состава выполнением служебных обязанностей. Так, 11 июля 1919 г. управляющий Тобольской губернией В. В. Пигнатти сообщил в департамент милиции МВД о напряженной работе милиционеров. Поэтому руководитель губернии приостановил открытие курсов в Тобольске и Тюмени [16, Л. 42]. Во-вторых, в январе 1919 г. в ряде мест программа курсов первоначальной подготовки и обучения милиционеров, утвержденная в октябре 1918 г. циркуляром МВД № 3551, была признана «излишне сложной». Это, в частности, затягивало её исполнение в Семипалатинской области и в Приуралье [43, С. 40].

В-третьих, подготовку милиционеров срывали действия красных. Исполнявший обязанности управляющего Уфимской губернией 10 июля 1919 г. рапортовал в департамент милиции МВД о том, что Златоустовский уезд находится под властью красных, поэтому соответствующие курсы там не открыли [17, Л. 47]. Эта проблема касалась не только прифронтовой полосы. 3 июня 1919 г. управляющий Тургайской областью доложил в департамент милиции МВД о том, что сейчас милиция – это бывшие военные. Поэтому ей надо «организоваться» из-за мятежа красных. В связи с этим решено перенести открытие курсов [17, Л. 28].

Управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий 11 июня 1919 г. доложил в департамент милиции МВД о том, что в Канске партизаны и нет соответствующих кадров. Руководитель губернией спрашивал: «Можно ли курсы открыть только в Красноярске?». 27 июня 1919 г. и.о. директора департамента милиции Крыжановский известил: «Препятствий не встречается» [17, Л. 33, 39].

В июле 1919 г. управляющий Амурской областью И. И. Прищепенко известил департамент милиции МВД о том, что из-за успокоения красных не смог открыть курсы для милиционеров [17, Л. 44].

Вскоре началась работа по организации курсов для милиционеров. Газета «Сибирская жизнь» в номере от 27 мая 1919 г. известила о том, что управляющий Томской губернией Б. М. Михайловский предложил открыть курсы для милиционеров в «самое непродолжительное время» [47, 27 мая]. Управляющий Иркутской губернией П. Д. Яковлев доложил в департамент милиции МВД, что курсы открыты 15 июня 1919 г. На них записаны 35 человек из Иркутской городской милиции [16, Л. 41].

Одна из газет 3 июля 1919 г. написала о двухразовых в неделю строевых занятиях с личным составом Барнаульской городской милиции. Курсы были рассчитаны на три месяца [29, 3 июля; 1, 20 июля].

Больше времени потребовалось для организации подобных курсов в Забайкалье. 14 июля 1919 г. управляющий Забайкальской областью С. А. Таскин сообщил

директору департамента милиции МВД о том, что в Чите начальник городской милиции полковник Каменев пока не может из-за отсутствия надлежащего помещения открыть курсы. На днях в Верхнеудинске управляющий уездом действительный статский советник Л. В. Корвин-Пиотровский, сообщалось в документе, примет участие в открытии названных курсов. Занятия начнутся 1 августа 1919 г. [17, Л. 9, 63]. Однако уже в конце августа 1919 г. при управлении Читинской милиции предполагалось открыть курсы милиционеров. Они должны были получить элементарные знания по своим служебным обязанностям [8, 22 авг.]. Только 15 октября 1919 г. начальник Верхнеудинской уездной милиции доложил в управление Верхнеудинского уезда, что согласно отданному им распоряжению от 6 октября 1919 г. в Читу на курсы против большевиков командированы 6 милиционеров [40, Л. 122].

Обучение милиционеров предусматривало финансирование. Этот процесс проходил непросто. Можно привести характерный пример. Директор департамента милиции МВД 9 мая 1919 г. сообщил управляющему Забайкальской областью о том, что на указанные цели Вам перечислено 8850 руб. [13, Л. 1-1 об., 3]. Управляющий Забайкальской областью 20 мая 1919 г. направил в Забайкальскую казенную палату письмо с просьбой перечислить 8550 руб. для финансирования курсов [13, Л. 1-1 об., 3].

Начальник Верхнеудинской уездной милиции 16 июля 1919 г. обратился к управляющему Забайкальской областью по вопросу выдачи суточных 59 чинам милиции, находящимся на курсах. Занятия проходили в Чите на Батарейной площади. В качестве общежития использовалась казарма [13, Л. 13, 14, 22]. Управляющий Верхнеудинским уездом доложил управляющему Забайкальской областью о том, что ещё 5 июля деньги были переведены телеграфом [13, Л. 13, 14, 22]. Таким образом, из-за бюрократических проволочек выдача денежного содержания курсантам была задержана на два месяца. Представляет интерес программа подобных курсов. Об этом дает представление таблица № 1.

Была проделана большая работа по подготовке учебных пособий для чинов милиции. Об этом даёт некоторое представление таблица № 2.

Руководство департамента милиции МВД следило за процессом организации курсов. 20 июня 1919 г. и.о. директора департамента Крыжановский запросил подведомственные органы власти о выполнении распоряжения министра внутренних дел об открытии курсов. Следовало сообщить о том, сколько их всего открыто, причем в городах и уездах отдельно. Если курсы не открыты, то надо было указать причину этого [17, Л. 30].

Во второй половине 1919 г. были получены некоторые результаты обучения милиционеров. В приказе

Таблица № 1, составлена по [19, Л. 46-48].

№ №	Предмет	Содержание	Часов в неделю
1.	Гимнастика и военный строй.	Вольные упражнения; гимнастические приемы; ходьба; бег; строевые упражнения; разбор оружия.	6
2.	Сведения по полицейскому уставу.	Дисциплина дежурства на постах; охранение общественного порядка, спокойствия и благочиния; охранение личной безопасности; обязанности при пожаре; сопровождение арестованных; дежурство на часах; надзор милиции; применение оружия; подчинение обязательным постановлениям. Исключительные положения.	6
3.	Сведения по уголовному праву и процессу.		5
4.	Сведения по государственному праву, гражданскому праву, Уставу о воинской повинности, финансовому праву, акцизному уставу, медицине, ветеринарии.		По одному часу в неделю
.	Всего		на одну неделю приходилось 24 учебных часа.

Таблица № 2, составлена по [18, Л. 43].

№№	Название предмета	Объем в страницах
1.	Государственное право	20
2.	Уголовное право и процесс	108
3.	Финансовое право	20
4.	Акцизный устав	16
5.	Военный строй и гимнастика	110
6.	Анатомия и физиология	32

управляющего Забайкальской областью С. А. Таскина от 7 сентября 1919 г. были подведены итоги проверки курсов, которую проводил помощник управляющего областью А. В. Волгин. Его оценки: смотр в рассыпном строю – блестяще, движение – отлично. Вид милиционеров – бодрый молодежавый. По итогам проверки заведующему курсами подпоручику Подскоцкому объявили благодарность [13, Л. 56].

30 сентября 1919 г. в Иркутске окончились подобные курсы. На подведении итогов выступили управляющий губернией П. Д. Яковлев и чины прокурорского надзора. Среди наиболее отличившихся курсантов были отмечены Матчук и два брата Ивановы. Все они имели среднее образование и были признаны кандидатами на «высшие» должности [46, 30 сент.].

Однако в целом курсы не обеспечили существенного роста профессиональной и моральной подготовки чинов милиции. Об этом говорится в циркуляре департамента милиции МВД Российского правительства от 20 сентября 1919 г. на имя управляющих губерниями и областями. Руководство этого ведомства признавало, что подчиненные ему милиционеры сами совершают преступления: насилия над личностью (порки, истязания и даже расстрелы); произвольные аресты и обыски; лихоимство и вымогательство; присвоение вверенного и изъятых имущества; незаконное вмешательство в дела

местного самоуправления; недостойное поведение [9, Л. 32; 14, Л. 138; 42, 17 окт.].

В качестве красноречивого примера можно привести инцидент в Щегловской уездной (Томская губерния – авт.) милиции, руководство которой за массовые беззакония было арестовано чехословаками [32, С. 24–27; 31, С. 46–53; 30, 116 с.].

Современник писал о милиционерах Тарского уезда Тобольской области (правильно: губернии – авт.), как о проходимцах, поступающих в милицию из-за возможности получать взятки [38, С. 63].

Выводы

Архивные документы свидетельствуют о том, что созданные курсы не «очень помогли» повысить профессионализм и моральные качества чинов милиции [23, Л. 121]. Однако власти в Омске и на местах проделали большую организационную работу. Они пытались в условиях Гражданской войны силами милиции защитить законные права и интересы физических и юридических лиц. Были созданы и начали работать различного рода курсы по повышению правовой, физической и моральной подготовки милиционеров. Подробно разобраться в этой проблеме помогут дальнейшие архивные поиски. Нужно продолжить анализ исследовательской литературы, в которой эта тема недостаточно освещена.

Источники и литература / Sources and references

1. Алтайская мысль (Барнаул). 1919.
2. Алтайский луч (Барнаул). 1918.
3. Амурское слово (Благовещенск). 1919.
4. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность: кр. очерки истории. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
5. Вестник полиции (Спб.). 1910. № 16.
6. Вестник Томской губернии (Томск). 1919.
7. Власть народа (Челябинск). 1918.
8. Восточный курьер (Чита). 1919.
9. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.235. Оп.1. Д.50.
10. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 95. Оп. 1. Д. 159.
11. ГАЗК. Ф. 334. Оп. 2. Д. 70.
12. ГАЗК. Ф. 334. Оп. 2. Д. 93.
13. ГАЗК. Ф. 334. Оп. 3. Д. 39.
14. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.245. Оп.1. Д. 5.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 147. Оп. 1. Д. 13.
16. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 43.
17. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 47.
18. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 1.
19. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 14. Д. 4.
20. ГАРФ. Ф. 148. Оп. 4. Д. 8.
21. ГАРФ. Ф. 148. Оп. 4. Д. 10.
22. ГАРФ. Ф. 148. Оп. 4. Д. 15.
23. ГАРФ. Ф. 4631. Оп. 1. Д. 17.
24. Голос Приморья (Владивосток). 1919.
25. Городской архив Шадринска (ГАСШ). Ф. 766. Оп. 1. Д. 208.
26. Дело (Иркутск). 1918.
27. Енисейский вестник (Красноярск). 1919.
28. Жизнь Алтая (Барнаул). 1918.
29. Жизнь Алтая. 1919.
30. Звягин С. П. Кузбасс в годы гражданской войны. Омск: Омская академия МВД России, 2007. 116 с.
31. Звягин С. П. Новые сведения о скандале в щегловской милиции в 1919 г. // Балибаловские чтения: Мат. Седьмой научно-практ. конф., посвящ. 95-летию городского статуса Кемерово, июнь 2013 г. / ред. кол. Н. С. Бледнова, З. Ф. Волкова, Е. С. Генина и др. Кемерово: ООО «Примула», 2013. С. 46–53;
32. Звягин С. П. Ревизор щегловской милиции в 1919 г. В. И. Шкляев // Балибаловские чтения: Мат. научно-практ. конф., посвящ. 80-летию городского статуса Кемерово, июнь 1998 г. / ред. кол. С. В. Макачук, В. А. Сергиенко, Л. Ф. Кузнецова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. С. 24–27.
33. Земля и труд (Курган). 1919.
34. Ирбитские уездные ведомости (Ирбит). 1919.
35. Иркутские губернские ведомости (Иркутск). 1919.
36. Кунгурский вестник (Кунгур). 1919.
37. Курганское свободное слово (Курган). 1918.
38. Малыгин А. Я., Степанов М. М. Правоохранительные органы белых правительств. М.: ЮИ МВД РФ, 1999. 169 с.
39. Мысль (Иркутск). 1919.
40. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 506. Оп. 1. Д. 2.
41. Народная свобода (Барнаул). 1919.
42. Наша деревня (Иркутск). 1919.
43. Никитин А. Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью: уч. пособие. М.: Моск. ин-т МВД РФ, 1995. 77 с.
44. Правительственный вестник (Омск). 1918.
45. Правительственный вестник. 1919.
46. Свободный край (Иркутск). 1919.
47. Сибирская жизнь (Томск). 1919.
48. Сибирская речь (Омск). 1918.
49. Сибирский листок (Тобольск). 1919.
50. Тобольское народное слово (Тобольск). 1918.
51. Уральский маяк (Верхнеуральск). 1919.
52. Уссурийский край (Никольск-Уссурийский). 1919.
53. Утро Сибири (Челябинск). 1918.

Информация об авторе:

Звягин Сергей Павлович, д. и. н., профессор кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: whitesiberia@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-5831-0939.
Вклад в статью: текст в полном объеме написан автором.

Author information:

Zvyagin Sergey Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Kemerovo State Medical University. E-mail: whitesiberia@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-5831-0939.
Contribution to the article: the text in full is written by the author.

УДК 9. 93/94. 930.2 (908)
Макарчук С. В., Звягин С. П.

ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГРУППА АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ В 1907 – 1910 ГГ.

Аннотация

Предметом исследования является Дальневосточная группа анархистов-коммунистов, возникшая в российской Полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД – авт.) на территории северо-восточного Китая (Маньчжурии – авт.) в городе Харбине и просуществовавшая с 1907 по 1910 гг. Основываясь на цивилизационной методологии и применяя современные общенаучные и исторические методы исследования, авторы изучили имеющуюся литературу и впервые вводимые в научный оборот архивные исторические источники и получили новые результаты на основе которых сделали доказательные выводы о закономерностях и особенностях развития конкретного институционального образования анархистов.

Доказано, что Дальневосточная группа анархистов-коммунистов действительно была в рассматриваемое время крупнейшей и наиболее действенной анархистской организацией на Дальнем Востоке. Обоснован в основном радикально-революционный, экстремистский характер её политического действия, основанного на пропаганде в нелегальной печати и конкретном практическом совершении террористических актов и экспроприаций. Прослежены связи изучаемой группы с подоб-

ными формированиями в Сибири и на Дальнем Востоке, а также принципы взаимоотношений анархистской группировки с политическими образованиями других социалистических партий – социал-демократов и социалистов-революционеров. Показаны особенности тактики и отличия в партийном строительстве анархистов и других социалистов. Рассмотрены формы и методы борьбы государственных органов с антигосударственной, террористической группой, приведшие к её ликвидации. Сделан вывод о невозможности применяемыми Дальневосточной группой анархистов-коммунистов террористическими методами достичь заявленной ею политической цели – построения социалистического общества.

Ключевые слова: Дальневосточная группа анархистов-коммунистов, Харбин, Дальний Восток, Сибирь, Маньчжурия (Северо-восточный Китай), Полоса отчуждения КВЖД, анархисты, социал-демократы, социалисты-революционеры, экспроприации, террор, пропаганда, нелегальная печать.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования:

Данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Макарчук С. В., Звягин С. П. Экстремистские политические группировки на востоке России: дальневосточная группа анархистов-коммунистов в 1907-1910 гг.// Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 2. С. 13–20.

Статья поступила в редакцию 10.07.2022 г.

HISTORY

Makarchuk S. V., Zvyagin S. P.

EXTREMIST POLITICAL GROUPINGS IN THE EAST OF RUSSIA: THE FAR EASTERN GROUP OF ANARCHIST-COM- MUNISTS IN 1907 – 1910.

Abstract

The subject of the study is the Far Eastern group of anarchist-communists, which arose in the Russian «alienation zone of the CER» in the territory of northeastern China (Manchuria) in the city of Harbin and existed from 1907

to 1910. Based on civilizational methodology and applying modern general scientific and historical research methods, the authors, having studied the available literature and archival historical sources introduced into scientific circulation for the first time, obtained new results on the basis of which they

For citation: Makarchuk S. V., Zvyagin S. P. Extremist political groups in the East of Russia: the Far Eastern Group of Anarchist Communists in 1907-1910.// Bulletin of Social and Humanitarian Sciences. 2022. Vol. 3. No. 2. P. 13–20.

made demonstrative conclusions about the patterns and features of the development of a particular institutional formation of anarchists. It has been proven that the Far East Communist Anarchist Group was indeed at the time in question the largest and most effective anarchist organization in the Far East. The fundamentally radical revolutionary, extremist nature of its political action, based on propaganda in the illegal press and the concrete practical commission of terrorist acts and expropriations, is substantiated. The connections of the studied group with similar formations in Siberia and the Far East, as well as the principles of the relationship of the anarchist group with the political formations of other socialist parties - social democrats and socialist revolutionaries are traced. The features of tactics and differences in the par-

ty building of anarchists and other socialists are shown. The forms and methods of struggle of state bodies against an anti-state, terrorist group, which led to its liquidation, are considered. It is concluded that the terrorist methods used by the Far Eastern group of anarchist-communists cannot achieve its declared political goal - building a socialist society.

Keywords: Far Eastern group of anarchist-communists, Harbin, Far East, Siberia, Manchuria, Alienation zone of the CER, anarchists, social democrats, socialist revolutionaries, expropriations, terror, propaganda, illegal press.

Conflict of interest:

None declared.

Sources of financing:

There was no funding for this project.

Введение

Всестороннее изучение исторического опыта политического экстремизма представляется актуальным для современной международной и российской социальной практики, когда возрождаются радикальные теории и организации, ставящие перед собой конкретные экстремистские политические цели и задачи. Неоанархистские направления играют в этом движении не последнюю роль. К выводу об особом значении теории и практики анархизма для современности пришёл его исследователь К. А. Фрумкин в статье «Актуальность анархизма», опубликованной в журнале «Новый мир» [30].

Для уяснения феномена русского анархизма важно изучить значение исторического опыта его проявления не только в различных регионах России, но и среди российских эмигрантов, в т. ч. зарубежных анклавах, каким являлась в рассматриваемое время Полоса отчуждения Китайско-Восточной железной дороги.

Россия построила КВЖД, которая соединяла Читу с Владивостоком и проходила по территории Маньчжурии (Северо-Восточный Китай – авт.). Это была концессионная территория, «полоса отчуждения» с центром в Харбине. Она, по сути, была российским регионом, тесно связанным с Восточной Сибирью и Дальним Востоком.

В фундаментальном труде Д. А. Рублёва «Российский анархизм в XX веке» подробному разбору подвергаются теоретические основы различных направлений анархизма, в т. ч. возникшего и распространившегося в Восточной Сибири «махаевского» направления. Уделяется значительное внимание распространению анархизма в эмигрантской среде Европы. Гораздо меньше свидетельств о деятельности анархистов в азиатских странах, включая северо-восточный Китай [28].

Специально анархистскому движению первой четверти XX в. в Сибири посвятил докторскую диссертацию и монографию омский исследователь А. А. Штырбул [33,

34]. В дальнейшем вышла ещё одна его монография, определившая место и роль анархизма в системе многопартийности и политической культуры Сибири [35]. Стоянию историографии анархистского движения в Сибири посвящена статья М. В. Шиловского в энциклопедическом словаре «Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX века» [32, с. 12–14]. Однако названные работы не касаются проблем анархизма на Дальнем Востоке России, тем более в «полосе отчуждения КВЖД».

Многотомный коллективный труд «История Северо-Восточного Китая» также не ставил задачи исследования состояния анархизма [16]. В работе А. А. Хисамудинова по энциклопедическому осмыслению российской эмиграции в Китае хронологические рамки нашей проблемы касаются в основном 1917–1950-х гг., в пределах которых представлено движение анархизма в Маньчжурии в период Гражданской войны и в последующие годы [31]. То же характерно для докторской диссертации Н. Е. Абловой о международных и политических аспектах истории КВЖД и российской эмиграции в Китае, в которой лишь одна небольшая глава из пяти касается вопросов дореволюционного периода [1]. Специально вопросы движения анархистов на Дальнем Востоке, в т. ч. «полосе отчуждения», затронуты в статьях одного из соавторов данной работы. Изучены совместные экстремистские действия радикальных политических группировок эсеров, социал-демократов и анархистов, включая анархистов Харбина [17, 18].

Рассмотрены нелегальная издательская деятельность харбинских анархистов и начальный этап становления Дальневосточной группы анархистов-коммунистов [19]. Однако, в отличие от Сибирского региона, партийно-политическая сфера Дальнего Востока дореволюционного периода и связанные с ней структуры Полосы отчуждения КВЖД нуждаются в дальнейшем изучении, прежде

всего в форме обобщающих монографических и диссертационных работ. В связи с этим научно актуальными становятся конкретно-исторические исследования, затрагивающие отдельные слабо изученные элементы данной темы, к которым относятся, в частности, группировки различных политических партий, в т. ч. одна из крупнейших и действенных организаций анархистов – Дальневосточная группа анархистов-коммунистов.

Целью представленной статьи стало всестороннее изучение на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов закономерностей и особенностей деятельности конкретной группы анархистов, возникшей в Харбине в 1907 г., которая и определена в качестве предмета исследования, а его объект – анархистское движение и его институционное оформление в восточных регионах России, к ходу политических процессов в которых тесно примыкала Полоса отчуждения КВЖД.

При написании статьи авторы придерживались цивилизационной методологии и применяли утвердившиеся в исторической науке общенаучные и конкретно-исторические принципы и методы исследования: принципы объективности, историзма, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, методы периодизации, ретроспективного и перспективного анализа, локальный метод.

Вокзал Харбина

Результаты исследования

Для начала анархистского движения на востоке России характерна некоторая «запоздалость» не только по сравнению с центром страны, но и с другими социалистическими направлениями – социал-демократами и социалистами-революционерами. Основные кружковые формирования анархистов на востоке страны стали складываться в годы революции 1905–1907 гг. Они, как правило, создавались на короткое время с определённой целью – совершении теракта или денежной экспроприации. Экстремистская направленность деятельности организаций анархистов вела к нестабильности их существования, отсутствию внутренней структуры, руководящих органов и комитетов. Отрицание анархистами любых форм власти над собой приводило к аморфности их объединений, отсутствию в них иерархии и дисциплины. Принципы партийного строительства анархистов намеренно оставались на уровне «кружковщины», которой сторонились и осуждали все подпольные революционные социалистические партии.

Период наибольшей активности анархистов в Сибири, по справедливому мнению А. П. Толочко, приходится на 1907–1908 гг. [29, с. 27]. Всего, по данным А. А. Штырбула, с момента начала движения до февраля 1917 г. в Сибири существовало не менее 46 анархистских организационных образований с приблизительным количеством участников около 800 членов [34, с. 124]. Движение анархистов всегда оставалось рассредоточенным и распылённым. На востоке России пытались действовать группировки анархистов-индивидуалистов, анархистов-мстителей, анархистов-синдикалистов. В Чите в 1907–1908 гг. оформилась даже «Сибирская группа анархистов-индивидуалистов», хранившая оружие и рассылавшая купцам ультимативные требования пополнения партийной кассы [9, л. 2–5.; 11, л. 8].

Но наиболее организованными и сильными в Сибири и на Дальнем Востоке являлись группировки анархистов-коммунистов. Иркутская группировка анархо-коммунистов объявила себя «Сибирской группой анархистов-коммунистов». Агентура сообщала о намерениях членов группы устроить ряд экспроприаций, в т. ч. в конторе правительственного телеграфа и об изготовлении для этой цели снарядов [7, л. 52–54].

В дальнейшем группа объединилась с организацией «анархистов-коммунистов ссыльных Сибири» в «Федерацию сибирских групп анархистов-коммунистов» [7, л. 165; 3, л. 4]. Благодаря налаженным связям со ссыльными анархистами и достаточной организационной сплочённости иркутские анархо-коммунисты оказывали влияние на однопартийцев всех сибирских и дальневосточных регионов, а также на эмигрантские элементы в странах Востока.

На Дальнем Востоке России организованные группы анархо-коммунистов сформировались к 1907–1908 гг.

Архивные документы свидетельствуют об установлении их тесных связей между собой. По всему региону в 1908–1909 гг. распространялся литографированный журнал «Затишье» – орган Благовещенского союза анархистов-коммунистов, а также газета «Анархист» – орган Дальневосточной группы анархистов-коммунистов в Харбине. В 1909 г. в особый отдел Департамента полиции поступали сведения об анархистах Никольска-Уссурийского и их связях с анархистами-коммунистами Харбина [12, л. 28]. Ежегодно составляемый судебными властями «Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1908 год» сообщал, что группа анархистов-коммунистов Харбина поддерживала сношения со своими единомышленниками в Благовещенске, Чите и других городах Дальнего Востока [22, с. 64].

Всего на Дальнем Востоке России (вместе с Полосой отчуждения КВЖД), по нашим подсчётам, в рассматриваемое время действовали 5 анархо-коммунистических групп (Благовещенск, Владивосток, Хабаровск, Никольск-Уссурийский, Харбин), в которых вели работу не менее 47–50 анархистов. Крупнейшей из них была Харбинская группа А-К, насчитывающая до 25 членов и сумевшая, кроме многочисленных терактов и экспроприаций, организовать выпуск анархистской газеты и, как минимум, пяти листовок.

Впервые группа заявила о себе 26 августа 1907 г. захватом типографии и выпуском в ней прокламации с призывом к «покушениям» на власть имущих и применением к ним «динамитных бомб» [21, с. 201–202]. В дальнейшем террористическо-экспроприаторская деятельность как главная направленность работы группы продолжала отмечаться в отчётах о революционном движении в зоне Пограничного окружного суда, входившего в округ Иркутской судебной палаты: «Деятельность а-к (анархистов-коммунистов Харбина – авт.) по прежнему выразилась по преимуществу в террористических актах и экспроприациях, причём отмечено несколько случаев участия одних и тех же лиц в деятельности партий, как анархистов, так и социалистов-революционеров» [22, с. 32].

Совместные действия анархистов и эсеров вылились в организацию взрыва 4 марта 1908 г. магазина компании швейных машин Зингер в Харбине в знак протеста против увольнения 18 забастовавших работников. Причём его хозяин получил угрожающие письма с оттиском печатей «Харбинской социал-революционной группы» и «Харбинской группы анархистов-коммунистов». После уничтожения магазина в Харбине была распространена прокламация анархистов-коммунистов, имевшая девиз: «Дух разрушения – созидаящий дух» с призывом: «Долой государство и частную собственность. Да здравствует социальная революция. Да здравствует Анархия» [19, с. 63; 24, л. 52].

Своими призывами и действиями анархисты вызвали критическую реакцию к себе со стороны другой социалистической группировки – Харбинской группы Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). В передовой статье печатного органа организации – газете «Маньчжурский рабочий» № 1 от 9 апреля 1908 г. были проанализированы идейные установки и тактика местных анархистов-коммунистов. Выступая против одиночных действий анархистов, социал-демократы утверждали, что главное дело социалиста – сделать существующий строй ненавистным всем: «Надо чтобы большинству он стал мачехой, чтобы стал переживать самого себя, плодить недовольство и ненависть против себя, размножать и объединять пролетариат в ту великую армию, которой суждено победить старый и осуществить новый (социалистический – авт.) мир» [20, 9 апр.].

В этой же статье газета заявляет, что в борьбе за новый мир «... нет места охоте на отдельных правителей и капиталистов, нет места отдельным выстрелам, бомбам, единичному террору». Газета называет «детскими мечтаниями» стремление анархистов убийством «100–1000 царских опричников» изменить существующий порядок. Он может быть изменён только в результате осознания трудящимися себя гражданским обществом, организованным в союзы. Анархисты же «вторгаются своими бомбами в экономические конфликты предпринимателей с организованными в союзы рабочими и служащими, внося этим в жизнь союзов вредные, дезорганизующие тенденции». Газета призывала понять, что задача пролетариата состоит не в развлечении «эффектными фейерверками», а в организации в «стройную великую армию освобождения».

6 июля 1908 г. в Харбине вышел № 1 газеты «Анархист», который местная группа анархистов-коммунистов представила уже как «орган Дальневосточной группы анархистов-коммунистов» [2, 6 июля]. К названию группы «дальневосточной» имелись все основания, так как она действительно к тому времени стала самой крупной и заметной организацией на Дальнем Востоке, насчитывающей в своих рядах более 20 человек и, по мнению прокурора Иркутской судебной палаты, являющейся «центральным комитетом анархистов-коммунистов всего Дальнего Востока» [24, л. 88]. Было выпущено всего два номера «Анархиста», но № 2 не удалось разыскать в архивах, хотя упоминания о нём содержатся в жандармских и судебных документах.

Анализ первого номера анархистской газеты показывает её неудовлетворённость тактикой социал-демократов и социалистов революционеров за их «умеренность». Газета призывает перейти к тактике «насильственных мер», главной в которой является террор, причём приемлемыми объявляются все его формы – аграрный, промышленный, массовый террор. Идее большинства соци-

алистов о государстве, опирающемся на организованное гражданское общество, газета противопоставила идеал полного уничтожения государства. Призыв не слушать «патентованных социалистов» звучал и со страниц издаваемых анархистами Харбина листовок, в частности в изданной Дальневосточной группой анархистов-коммунистов 20 июля листовке «К солдатам» [22, с. 35].

Дальневосточная группа А-К располагала складом взрывчатки. В конце 1908 г. её члены напали на мукомольную мельницу. В марте 1909 г. группа направила письма к монтеру Костоусову с требованием от него 800 рублей, а бывшая член группы Петухова была даже приговорена к смертной казни за отказ продолжить работу в группе [19, с. 65].

В конце 1908 – начале 1909 гг. радикально-экспроприаторская работа стала преобладать над пропагандистской. Прокурор Пограничного окружного суда сообщал о группе: «... социалистическая же окраска её по всем возникшим по этой партии делам являлась почти сомнительной, экспроприации, совершаемые членами этой партии, называющей себя «Дальневосточной» в некоторых случаях носили характер обыкновенных разбоев, замаскированных политическим флагом» [4, л. 45].

В это время численность группы увеличилась до 25 человек (15 мужчин и 10 женщин – авт.). Во главе группы стоял неизвестный жандармерии «бывший студент», а большинство её членов состояло из рабочих Главных железнодорожных механических мастерских [26, л. 17].

Ввиду «недостаточности местных сил» для подготовки ликвидации группы анархистов-коммунистов в Харбине начальником Иркутского Губернского жандармского управления в распоряжение Жандармского полицейского управления КВЖД был послан филёрский отряд, состоящий из двух филёров и двух унтер-офицеров, несущих филёрские обязанности [10, л. 1].

Осуществляющие наружное наблюдение над членами группы филёры сделали своё дело. В результате большая часть группы была арестована. 14 марта 1909 г. бежали от конвоя 7 арестантов, обвиняемых в экспроприациях и принадлежности к Харбинской группе А-К: Егоров, Касенков, Обламский, Фёдоров, Панфилов, Шафировский, Белошицкий [23, л. 21; 27, л. 17]. Вскоре их поймали. По группе был нанесён значительный удар.

Однако к концу года Дальневосточная группа А-К оправилась от мартовской «ликвидации». Она насчитывала в своём составе 14 членов и сохраняла связи с анархистами Читы [10, л. 6]. По агентурным данным, в декабре 1909 г. в Харбин приехал неизвестный анархист из Лондона «для завязки связей» с зарубежными центрами анархизма [6, л. 15]. По тем же сведениям в это время читинский анархист А. Кузнецов совместно с иркутскими анархистами группы Н. А. Каландаришвили намеревались выехать в Харбин для осуществления здесь экспро-

Железнодорожные мастерские Харбина

приации, но их «следы» в городе не были обнаружены ни филёрами, ни агентурой.

В 1910 г. в Харбине, по сведениям жандармского управления, функционировали «две в высшей степени опасные революционные организации» – группа анархистов-коммунистов и группа объединённых социалистов (ОС). Группа ОС ставила цель – ниспровержение государственного строя путём единичного и массового террора. Она возникла из «слияния некоторых социально-революционных элементов с социал-демократическими» [9, л. 89, 115]. Нами не обнаружено свидетельство о вхождении анархистов в группу объединённых социалистов. Они стремились проводить террор и осуществлять экспроприации собственными силами. Для этого был сформирован «летучий отряд» боевой организации анархистов-коммунистов, от имени которого в мае 1910 г. отпечатана и распространена по городу прокламация «К обывателям г. Харбина», заявившая об образовании отряда и его главном орудии – терроре [8, л. 55].

Другой отпечатанной в подпольной типографии Дальневосточной группы А-К листовкой была первомайская прокламация «Товарищи», выявленная нами в нескольких архивах [4, л. 20.; 8, л. 54.; 25, л. 66]. В ней провозглашалась «месть беспощадная всем паразитам, всем кулакам, дармоедам». Время, переживаемое страной, характеризовалось политической реакцией и затишьем: «Тихо кругом... Всё замерло... Враг торжествует». Здесь же призыв: «К оружию, товарищи. К оружию!».

Но экстремистские призывы не находили понимания. Группа «таяла» день ото дня. В конце 1910 г. лишь единичные анархисты попадали в поле зрения агентуры. В частности, из оставшихся членов когда-то многочисленной группы в городе проживала В. Коновалова [5, л. 16]. На станции Маньчжурия в 1911 г. проживала Таисия Черных, которая, «проживая в Харбине, являлась членом местной группы анархистов-коммунистов» [15, л. 2]. Её квартиру посещали железнодорожные солдаты. Но, в целом, анархистская работа в «полосе отчуждения КВЖД» замерла вплоть до революционных событий 1917 г.

Выводы

Территория «полосы отчуждения КВЖД» являлась, по сути, российским анклавом, в котором действовало законодательство Российской Империи и органы её управления. Общественно-политические процессы на этой, отторгнутой у Китая, территории были тесно связаны с российскими регионами, прежде всего Дальнего Востока и Сибири. Революционным движением здесь «вели» Иркутское охранное отделение и Иркутская судебная палата, поэтому основные исторические документы, связанные с революционным прошлым края сохранились в российских региональных и центральных архивах.

Действующие в анклав революционные политические группировки возникли благодаря эмигрирующим сюда, часто скрывающимся от политических преследований в России революционерам, которых привлекал более сво-

Группа анархистов

бодный и менее террористический режим, проводимый руководством края и позволяющий даже представителям революционных партий действовать, по сути дела, полулегально. Это во многом объясняет, что именно в Харбине возникла крайне радикальная революционная группа анархистов, которая стала самой многочисленной и деятельной на Дальнем Востоке, правомерно заявив о себе как о Дальневосточной группе анархистов-коммунистов.

Она одна из немногих на Дальнем Востоке и в Сибири группировок анархистов сумела организовать не только печатание листовок, но и выпуск газеты. Анализ их содержания показывает, что Дальневосточная группа анархистов-коммунистов, как и её соратники в России, во главу своей политики ставила террор и экспроприации, а пропагандистские призывы к обречённому на по-

ражение в период реакции вооружённому восстанию не нашли поддержки не только других групп социалистов, но и рядовых сторонников анархизма. Поэтому сильная региональная группа анархистов, поддерживающая связи со многими подобными себе организациями перестала существовать.

Её уроки показывают, что экстремистскими методами невозможно достичь политических целей, тем более связанных с движением широких народных масс к новому, социалистическому обществу. Террор любых политических групп не поддерживается подавляющим большинством населения и вызывает ответные террористические действия со стороны правящих структур, часто приводящие к ликвидации источника террора насильственными действиями.

Источники и литература / Sources and references

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.); автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 47 с.
2. Анархист. 1908.
3. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 243. Оп. 5. Д. 231.
4. ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1497.
5. ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 1288.
6. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 409.
7. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 838.
8. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1224.
9. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. ДП. ОО. 1907 г. Ед. хр. 12ч63ла.
10. ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1908 г. Ед. хр. 12ч17.
11. ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1909 г. Ед. хр. 5ч63.
12. ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1909 г. Ед. хр. 9ч86ла.

13. ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1909 г. Ед. хр. 12ч17ЛА.
14. ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1910 г. Ед. хр. 9ч43.
15. ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1911 г. Ед. хр. 12ч43ЛБ.
16. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. В 5-ти кн. Кн. 1. Маньчжурия в период феодализма (XVII – начало XX вв.). Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1987. 422 с.
17. Макаrchук С. В. Экстремистские действия радикальных политических группировок на Дальнем Востоке в 1907-1914 гг. // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия: сб. мат. междунар. научно-практ. конф. 28-29 сентября 2000 г. Ч. 1. Омск: ОмГПУ, 2000. С. 194-201.
18. Макаrchук С. В. Анархисты и политический терроризм в Сибири после третьенюньского переворота 1907 г. // Социальные конфликты в истории России: мат. Всерос. науч. конф. Омск, 22 октября 2004 г. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. С. 130–135.
19. Макаrchук С. В. Движение анархистов на Дальнем Востоке в 1907-1914 гг. // Сибирь: XX век: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4 / отв. ред. С. В. Макаrchук. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 60–66.
20. Маньчжурский рабочий. 1908.
21. Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 гг. СПб., 1908.
22. Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1908 год. СПб., 1909.
23. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1405. Оп. 530. Д. 247.
24. РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 693.
25. РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 772.
26. РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 533.
27. РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 538.
28. Рублёв Д. И. Российский анархизм в XX веке. М.: Родина, 2019. 704 с.
29. Толочко А. П. Непролетарские партии в Сибири. 1905 – февраль 1917 г.: уч. пособие. Омск: ОмГУ, 1995. 83 с.
30. Фрумкин К. А. Актуальность анархизма // Новый мир. 2014. № 5. С. 136–149.
31. Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Владивосток. ун-та, 2002. 360 с.
32. Шиловский М. В. Анархистского движения историография // Ананьев Д. А., Бочанова Г. А., Звягин С. П. и др. Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX–начале XX в.: Энциклопедический словарь / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2019. 398 с.
33. Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири (первая четверть XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск: ОмГПУ, 1997. 45 с.
34. Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 1 (1900–1918). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 203 с.
35. Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая четверть XX века). Ч. 1 (конец XIX века – февраль 1917 года). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. 244 с.

Информация об авторах:

Макаrchук Сергей Владимирович, д. и. н., профессор. Независимый исследователь. E-mail: makarchuk-sv@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8448-7556.

Вклад в статью: разработка концепции исследования, получение и интерпретация части данных, работа с источниками, анализ и утверждение окончательной версии статьи, её написание.

Звягин Сергей Павлович, д. и. н., доцент, профессор кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: whitesiberia@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-5831-0939.

Вклад в статью: получение и интерпретация части данных, подборка и изучение литературы, работа с источниками и написание части статьи, редактирование.

Authors information:

Makarchuk Sergey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor. Independent researcher. E-mail: makarchuk-sv@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8448-7556.

Contribution to the article: development of the research concept, obtaining and interpreting part of the data, working with sources, analyzing and approving the final version of the article and writing it.

Zvyagin Sergey Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History, Kemerovo State Medical University. E-mail: whitesiberia@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-5831-0939.

Contribution to the article: obtaining and interpreting part of the data, selecting and studying the literature, working with sources and writing part of the article, editing.

УДК 17.01

Омеличкин О. В.

МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА

Аннотация

Предметом исследования являются моральные характеристики медицинского персонала, оказывающие большое влияние на уровень медицинского обслуживания населения. Они имеют нормативный характер и позволяют выстроить деонтологическую модель в биоэтике. В статье используется аксиологический метод, объясняющий ценностные ориентации и принципы работы сотрудников. В содержании его выделяется этика добродетели. Она предполагает этическое отношение к пациентам на основе милосердия, сострадания и моральной ответственности. Результаты исследования состоят в выявлении нравственных аспектов медицинской деятельности и необходимых для нее добродетелей. Предлагается классификация медицинских работников (врачей) и определяются их основные функции. Большое внимание уделяется проблемам эмоционального выгорания и профессиональной деформации работников. Выделяются причины подобных явлений

и специальные меры, направленные на их преодоление. К выводам работы относится утверждение о необходимости наличия особых моральных качеств для определения профессиональной состоятельности медика. В этой связи говорится о формировании новой стратегии профессионального развития медицинских работников (включая вопросы специального образования и подготовки), в которой наряду с компетентностью и экономической заинтересованностью значительную роль будут играть моральные компетенции работников.

Ключевые слова: здравоохранение, мораль, медицинский работник, моральные качества, добродетель, совесть, милосердие, сострадание, ответственность, выгорание, профессиональная деформация.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источник финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Омеличкин О. В. Моральные качества медицинского работника // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 2. С. 21–30.

Статья поступила в редакцию 26.06.2022 г.

PHILOSOPHY

Omelichkin O. V.

MORAL QUALITIES OF A MEDICAL WORKER

Abstract

The subject of the study is the moral characteristics of medical personnel which have a great impact on the level of public medical care. They are normative in nature and allow us to build a deontological model in bioethics. The research resorts to an axiological method that explains the employees' value orientations and principles. In its content, the ethics of virtue is given a special emphasis. It presupposes an ethical attitude towards patients based on mercy, compassion and moral responsibility. The results of the study consist in identifying the moral aspects of medical practice and the virtues necessary for its implementation. A classification of medical workers (doctors) is proposed and their main functions are defined. Much attention is given to the problems of emotional burnout and professional deformation of employees.

The causes of such phenomena and special measures aimed at overcoming them are highlighted. In conclusion, the paper formulates a statement about the need for particular moral qualities to assess the professional solvency of a medic. In this regard, the author proposes the formation of a new strategy for the professional development of medical workers (including issues of special education and training), in which, along with skills and economic motivation, moral competencies of employees will play a significant role.

Keywords: healthcare, morality, medical worker, moral qualities, virtue, conscience, mercy, compassion, responsibility, burnout, professional deformation.

Conflict of interests: None declared.

Source of financing: There was no funding for this project.

For citation: Omelichkin O. V. Moral qualities of a medical worker // Humanities and social sciences bulletin. 2022. Vol. 3. № 2. P. 21–30.

Введение

Совершенствование отечественного здравоохранения зависит не только от укрепления его материальной и организационной инфраструктуры, оснащения современным оборудованием и технологиями, но и от развития личности медицинских работников, их особых качеств и умений. Медицина не может быть безличной, поскольку за всеми процессами и отношениями здесь стоят люди. Поэтому проблема человека (медика, пациента) является центральной в биоэтике. Это несколько не преувеличение. Все события и процессы в медицинской сфере должны оцениваться с точки зрения того, насколько они соответствуют представлениям о свободе и достоинстве граждан, их праве на здоровую и полноценную жизнь. Нравственная суть данной профессии заключается в служении обществу и исполнении своего долга и обязанностей по защите здоровья людей. В этой сфере особенно ярко действует «золотое правило» морали, согласно которому к людям следует относиться как к самим себе, проявлять заботу, сострадание и милосердие. На этом строится медицинская деятельность.

Мы считаем, что наличие или отсутствие определенных моральных качеств должно определять профессиональную пригодность человека к медицинской работе и являться частью его компетентности. Подобный подход направлен против функционального редукционизма, сводящего профессиональное поведение медицинского работника к упрощенной схеме выполнения служебных обязанностей и решению исключительно прикладных задач. Но и абсолютизация моральных аспектов деятельности малопродуктивна. Общее представление о медицинском работнике должно быть комплексным и включать в себя как прагматические, так и моральные компоненты. Ведь результаты его работы должны приносить несомненную пользу здоровью людей и поддерживать их достоинство и мотивацию к полноценной жизни. Поэтому главной задачей биоэтики является содействие формированию такого типа медицинского работника, который бы отличался высоким профессионализмом и моральной готовностью к служению обществу и конкретным людям.

В деонтологической модели биоэтики содержится требование этического отношения медика к людям, оказания им необходимой помощи на основе уважения, сострадания и компетентности. Для этого необходимы особые моральные и деловые качества. Медицинская деонтология (термин «деонтология» ввел И. Бентам) рассматривает модели должного поведения медицинских работников на основе этического регулирования процесса выполнения ими непосредственных профессиональных обязанностей. Главными ее составляющими являются понятия врачебной совести, ответственности, долга как перед обществом в целом, так и перед пациентами. При этом

сами этические нормы и правила разрабатываются в рамках общечеловеческой нравственности, согласуются с общественным мнением и только после этого становятся безусловными и непреложными в медицине. В этом проявляется некоторая ограниченность данного подхода, поскольку объективные риски и возможные тяжелые последствия предпринятых действий могут быть непредвиденными и перечеркнуть благие намерения участников. Поэтому некоторые положения носят вариативный характер, их применение зависит от различных обстоятельств. Однако важнейшие этические ценности – правда, справедливость, сострадание, взаимопомощь и др. – не подлежат корректировке или отмене. Ложь, равнодушие, эгоизм всегда будут хуже. Они препятствуют установлению доверия и сотрудничества между врачом и пациентом. Знание всех обстоятельств дела и согласие участников с методами лечения дает лучшие результаты, чем их неведение и пассивность [См. также: 10, с. 83–84].

В литературе по биоэтике широко используются понятия медицинской деонтологии и врачебной этики. Существуют различные подходы к выяснению их содержания и соотношения. Не включаясь в дискуссии, отметим, что они предполагают организацию работы медицинского персонала в соответствии с принципами профессиональной чести и достоинства. При этом содержание медицинской (врачебной) деонтологии, по мнению специалистов, включает в себя моральный долг врача перед обществом и пациентами. В нее входят нормативные принципы поведения врача, определенные в профессиональных уставах и кодексах. Они регламентируют его деятельность и отношения с участниками лечебного процесса. Определен и комплекс условий, обеспечивающих профессиональное достоинство медицинских работников. В то же время вызывает сомнения встречающаяся в работах идея рассмотрения деонтологии в узком смысле и ее дифференциация применительно к различным специальностям (деонтологии терапевта, хирурга, онколога и т. д.). [8, с. 239]. Моральные нормы и принципы должны быть общими для всех.

Медицинские отношения связаны с необходимостью создания системы квалифицированной защиты здоровья и жизни граждан. Помимо технологических вопросов (диагностика, методы лечения и т. д.) они включают в себя нравственный компонент, который обусловлен человеческим фактором отношений. Этические нормы и представления участвуют в регулировании социальных отношений и обеспечивают приоритет гуманистических ценностей. Это связано с экзистенциальным характером проблемы жизни и смерти, которые составляют предельное выражение процессов, происходящих в сфере здравоохранения. Огромное значение здесь имеют категории долга, ответственности, блага, добра, милосердия и т. д., которые наполняют нашу жизнь высшим смыслом и че-

ловечностью. Они влияют на уровень взаимопомощи и доверия между людьми. Благодаря данным принципам обеспечивается высокое качество медицинского обслуживания.

Объектом настоящего исследования является деятельность медицинских работников по оказанию соответствующей помощи населению. Предметом – моральные качества медицинского персонала, имеющие нормативный характер и позволяющие выстроить определенную деонтологическую модель с общей структурой и сущностными характеристиками. Используемый в работе *аксеологический метод* позволяет рассматривать ценностные установки медицинских работников в единстве общесоциальных, личностных и профессиональных свойств. При этом встречающиеся противоречия и несоответствия между принятыми ролями и ожиданиями не отменяют *принципа целостности личности*. В значительной степени данное единство и возможные трансформации сознания и поведения медиков обеспечиваются общими нравственными основаниями и представлениями, принятыми в здравоохранении. Изучение нравственных аспектов профессиональной деятельности медицинских работников (врачей, медицинских сестер и т. д.) позволяет создать общую нормативную модель и выявить разнообразные типы, отличающиеся внешними характеристиками, поведенческими особенностями, установками и стереотипами.

Содержательные возможности предложенного метода реализуются через описанную еще Аристотелем этику добродетели. Ее отличает от прочих «фокусировка не на стратегии выбора этического решения, а на самой добродетели морального характера». Поскольку добродетельный человек сам является субъектом лучшего морального выбора. Им руководит не расчет, а невозможность поступить по-другому. В своих поступках он стремится к общему благу, добру, справедливости. При этом для мышления, основанного на добродетелях, медицинская этика более тесно связана с идеалом медицинской практики, чем с деонтологическим или утилитарным мышлением. В отличие от них этика добродетели очень тесно связана с персонифицированными моральными авторитетами. Такова традиция отечественной медицины, в которой биографические повествования о легендарных врачах находятся в приоритете над формальной этической аргументацией или обсуждением кейсов, как на Западе. Однако подобная установка имеет и ряд недостатков и требует рациональной проверки [10, с. 89–92]. Тем не менее, этика добродетели прекрасно работает и объясняет поведение медицинских работников.

Существует множество исторических интерпретаций добродетели. А. Макинтайр проанализировал, по крайней мере, три различные концепции добродетели: добродетель как качество, которое позволяет индивиду вы-

полнять свою социальную роль (Гомер); добродетель как качество, позволяющее индивиду двигаться по направлению к специфически человеческой цели, естественной (общественное благо у Аристотеля) или сверхъестественной (благодать в виде божественного откровения у Ф. Аквинского); добродетель как качество, которое полезно в достижении успеха или утилитарных целей (Б. Франклин) [5, с. 252]. Выделяются и другие трактовки добродетели: как некоего морального самоограничения, необходимого для обуздания человеческих страстей (Д. Юм), как реализации республиканских идеалов свободы, равенства, братства (во французской революции), как желания действовать в соответствии с моральными принципами (Дж. Ролз) и др. Наконец, вслед за В. С. Соловьевым, можно говорить о добродетели как выражении нравственных чувств человека – стыда (по отношению к низшему), жалости (по отношению к другим людям и ко всему живому), благоговения (перед высшим).

Говоря о коренной концепции добродетели, автор выделяет три стадии в ее логическом становлении, которые позволяют идентифицировать ее сущностные характеристики. Первая касается добродетелей как качеств, необходимых для достижения благ, внутренних по отношению к различным практикам; вторая стадия требует рассмотрения их как качеств, вносящих вклад в благо целой жизни; на третьей они соотносятся с существующей в обществе моральной традицией. Каждая стадия предполагает предыдущую, но не наоборот [5, с. 254, 368].

Такой подход позволяет определить важнейшие черты добродетели: она направлена на достижение внутренних, а не внешних благ, поскольку связана с самосовершенствованием человека и приносит ему особого рода наслаждения; ее реальные проявления представляют благо для всего общества, а не принадлежат только одному лицу; она всегда опирается на достижения прошлого и авторитет социальной традиции; ее самоценное действие проявляется без оглядки на возможные последствия или ожидания вознаграждения в виде различных благ [5, с. 259, 264, 269]. Она позволяет найти моральную идентичность в принадлежности человека к какому-либо обществу и культуре.

Можно сформулировать следующее определение добродетели. *Это неотъемлемые качества личности, образующие внутренний механизм, заставляющий ее сознательно вести себя этически правильно в конкретных отношениях и жизненных ситуациях. Она означает способность решать жизненные проблемы в рамках общих моральных представлений и норм о добре и справедливости.* В человеке можно найти множество добродетелей, среди которых часто называют честность, стойкость, ответственность, доброту, терпимость и т. д. Они позволяют ему жить в соответствии с общественными правилами и моральными традициями. Однако нередко мы

сталкиваемся со сложными ситуациями, для которых нет четких рецептов и предписаний. И тогда добродетели позволяют человеку принимать решения в соответствии с его представлениями о морально должном и общественно необходимым. В то же время очевидно, что человек не состоит из одних совершенств. Следование моральным принципам реализуется им в практической деятельности с различной степенью полноты и последовательности.

В этой связи необходимо поговорить о нравственных характеристиках медицинских работников.

Результаты исследования

Медицинская работа регулируется, в том числе, и этическими правилами и нормами. Они позволяют принимать верные и гуманные решения в самых сложных жизненных ситуациях. На их основе возможно конструирование деонтологической модели «идеального» медика, воплощающего в себе лучшие черты представителей данной профессии. Подобный образ создавался еще в трактатах Гиппократов и других великих врачей прошлого, а также фиксируется в современных международных и отечественных документах и профессиональных стандартах.

Очевидно, что моральные качества медицинского работника не только помогают ответственно относиться к своим профессиональным обязанностям, но благодаря доброжелательности, состраданию, искренности, твердости и самоотверженности оказывают благотворное влияние на пациентов, способствуют доверию и соучастию. При этом сам набор человеческих качеств, отмечают специалисты, варьируется в зависимости от характера деятельности. Так, врачу, помимо эрудиции, специальных знаний, наблюдательности, необходимы эмоциональная устойчивость, коммуникативные умения, ответственность за результаты лечения. Для среднего медицинского персонала особое значение имеют способность к сочувствию, доброта, внимательность, заботливость и т. п., так как они непосредственно общаются с пациентами по процедурным и бытовым вопросам.

В отечественной литературе выделяют ряд добродетелей, необходимых для данной деятельности. Условно эти добродетели разделяют на четыре группы: добродетели характера (мужество, милосердие, надежность, честность, эмпатия); добродетели компетентности (полное владение медицинскими знаниями и методами в той или иной области, коммуникативность в общении); добродетели совести (самоотдача, самокритика, чувство ответственности, саморазвитие); общие моральные качества (наличие высоких нравственных ценностей, уважение к пациенту, коллегам, скромность, доброжелательность). Все перечисленные добродетели имеют место и в других профессиях, но, по мнению авторов, в медицинской практике их значимость в большей степени усиливается

спецификой самой деятельности, высшей ценностью которой являются собой жизнь и здоровье человека [4, с. 212].

В. Н. Левина предлагает несколько иную классификацию качеств личности врача, под которыми понимает профессионально значимые для осуществления целей врачебной деятельности устойчивые характеристики личности врача, проявляющиеся в процессе лечебного взаимодействия и сотрудничества с пациентами. При этом положительные качества выражаются в способности правильно осуществлять подобное взаимодействие и сотрудничество для успешного выполнения поставленных целей. Автор определяет и негативные качества личности врача [3, с. 5–6].

Выделяются следующие виды личностных качеств, которые в совокупности позволяют реализовать этический компонент врачебного профессионализма. В позитивном плане к ним относятся: волевые качества врача (дисциплинированность, решительность, самообладание, трудолюбие, терпение, целеустремленность и др.), интеллектуальные качества (компетентность, логичность, мудрость, проницательность, профессионализм и т. д.), эмоционально-нравственные качества (добродетели) – альтруизм, милосердие, героизм, моральная ответственность, честность и т. п. Последние качества характеризуют способность врача согласовывать свои личные интересы с интересами пациентов таким образом, как на это ориентируют принципы и нормативы врачебной этики, а также идеалы и нормы общественной морали. При отсутствии нравственных качеств личность не обладает ни внутренними психологическими механизмами, которые бы побуждали следовать общечеловеческим принципам и заповедям, ни способностями делать это [3, с. 7, 17–18, 27–28]. Отметим только неправомерное, на наш взгляд, отнесение автором к нравственным добродетелям таких качеств, как вежливость, приветливость, рачительность и пр., свидетельствующих в большей степени о внешнем соблюдении профессионального этикета.

Если говорить о конкретных чертах нравственного облика медика, то одним из первых к данной проблеме обратился Гиппократ. В трактате «О благоприличном поведении» он отмечает близость медицины и мудрости и сравнивает врача-философа с богом. По его мнению, их объединяет «презрение к деньгам, совестливость, скромность, простота в одежде, уважение, суждение, решительность, опрятность, изобилие мыслей, знание всего того, что полезно и необходимо для жизни, отвращение к пороку, отрицание суеверного страха перед богами, божественное превосходство. То, что они имеют, они имеют против невоздержанности, против корыстолюбивой и грязной профессии, против непомерной жадности приобретения, против алчности, против хищения, против бесстыдства» [1, с. 111].

Рассмотрим некоторые моральные качества подробнее. К большому сожалению, в обширной литературе по

медицине и биоэтике не находится место для такого важного и сложного этического качества, как *совесть* (и, как производное, стыд). А ведь она связана со строгими и категоричными моральными установками, которым человек обязан следовать, чтобы остаться верным самому себе. В личностном плане совесть может иметь большее значение, чем мнение окружающих или требование закона. При этом она не ведет к вседозволенности и не отвергает внешние обязательства медицинского работника перед обществом и отдельными людьми.

В сфере медицины вполне возможен конфликт между совестью и служебными обязанностями работников. На практике могут нарушаться права и свободы личности (врача и пациента), нравственные принципы и правила ее жизни. Так, вполне возможны противоречия между нравственными убеждениями индивида и необходимостью выполнять ошибочные с его точки зрения решения. В этом случае возникает внутренний конфликт и необходимость морального выбора. Разумеется, медицинская деятельность не может основываться только на соображениях совести. Но она должна принимать во внимание ее требования и учитывать их повелительный характер. Поэтому нельзя безапелляционно вторгаться административным образом в вопросы совести или религиозных взглядов людей. Это их личное дело. Но и общие, нередко, абстрактные требования совести не должны подменять собой необходимость трезвого анализа того или иного медицинского случая и практических выводов. Ведь медик стоит на защите жизни и здоровья людей и должен руководствоваться поиском наилучшего решения этих задач. А совесть играет важную роль только в ситуациях принципиального выбора, когда технические аспекты дела уже определены.

Можно сказать, что совесть является внутренним контрольным механизмом проверки действий медиков на их соответствие общечеловеческим нормам и моральному долгу. Важнейшие решения должен принимать сам человек, а не передавать их каким-либо инстанциям. Ее требования постоянны, абсолютны и не допускают сделок и компромиссов. Совесть уравнивает людей в их отношениях к своим обязанностям и поведению. Поэтому она остается для человека высшим внутренним руководством в жизни, определяет ее направленность, меру свободы и ответственности. При этом совесть не освобождает, а усиливает ответственность человека за его деяния, особенно когда они затрагивают жизнь или права других людей. В то же время формирование совести зависит от внешнего окружения, воспитания, общественных условий. Общество может устанавливать альтернативные формы поведения, исполнения гражданских и профессиональных обязанностей, не противоречащих нравственным убеждениям личности.

Одними из важнейших качеств медицинского работника являются гуманизм, доброта, сострадание, забота, *милосердие*. Его отличает любовь и уважение к людям, желание помочь им, облегчить их страдания и поддержать стремление к полноценной жизни. Это высокое служение людям. Равнодушие несовместимо с данной профессией. Следует подчеркнуть присущее ей бескорыстие, умение сотрудников медицинских учреждений подчинять себя интересам больного, их самоотверженность, способность отказаться от собственных благ ради пациентов и их здоровья. Эти нравственные качества составляют суть данной профессии. Их нельзя имитировать, тем более обманывать окружающих или использовать в целях манипулирования ими. Чувство жалости, стремление помочь составляет нравственную основу врачевания. Причем делать это надо максимально тактично и деликатно. К сожалению, некоторые специалисты в наше время не считают их наличие обязательным условием, упоывая исключительно на профессионализм и четкое выполнение контрактов. При этом надо признать, что предъявляемое ими требование привести в соответствие затраты физических и психических сил медицинских работников и вознаграждение за их труд имеет основание. Порой от людей требуется настоящий героизм при выполнении врачебных обязанностей в условиях эпидемий, природных и техногенных катастроф, военных действий. Подобные обстоятельства представляют серьезную угрозу для жизни и здоровья самих медиков.

Для медицинского работника важно умение поставить себя на место пациента, чуткость, отзывчивость к чужой боли. Это не просто сочувствие человеку, а приобщение к его переживаниям, проникновение, вживание в его состояние. То есть это особый способ эмоционального познания другого и его личного драматического опыта. *Эмпатия* означает понимание правомерности и обусловленности чувств пациента, его переживаний и тревог, связанных с возможной потерей здоровья. В этом смысле пациент становится не объектом эмоциональных реакций, а субъектом, формирующим определенное настроение и отношение к возникшей ситуации. Эмпатия медика в этом случае является побудительным механизмом для оказания действенной поддержки и помощи нуждающимся людям. В ее содержании присутствуют эмоциональные и когнитивные элементы, которые обеспечивают понимание между медработником и пациентом, способствуют росту взаимного доверия и сотрудничества между ними. Тем самым она способствует эффективности процесса лечения и дополнительной мотивации его участников к положительному результату. Разумеется, открытость и искренность отношений не может быть использована во вред пациенту.

Чуткость тесно связана с *толерантностью*, то есть с терпимостью, снисходительностью, с которой медицин-

ский работник должен относиться к людям, переживающим сложный период своей жизни. Он должен проявлять заинтересованное внимание к мнениям пациентов и коллег, даже если считает их ошибочными. Толерантность – это сознательная моральная установка на равноправное общение и сотрудничество с другими субъектами, признание их права на самостоятельность и желание самим участвовать в принятии жизненно важных решений. Гуманный характер медицинских отношений предполагает отказ от недоверия, предубеждений и враждебности по отношению к различным социальным (национальным, религиозным, политическим и т. д.) группам и отдельным индивидам. Никакие формы дискриминации в медицине не допустимы. Однако сама терпимость не должна приводить к равнодушию, абсолютной всеядности и вседозволенности. В обществе существуют определенные ценности, нормы, наконец законы, нарушения которых недопустимы под предлогом свободного выбора образа жизни. Эти ограничения устанавливаются в ходе длительной медицинской практики и основаны на серьезных научных изысканиях и накопленном коллективном опыте. Поэтому справедливым представляется существование определенных моральных границ и правил в назначениях, экспериментах и поиске новейших медицинских методов и технологий.

Наряду с толерантностью большое значение имеет твердость, принципиальность, решительность медика, верность данному слову и обязательствам. Данные качества имеют волевую природу, но в силу своей позитивной направленности могут быть отнесены к нравственным. Они позволяют создать положительную эмоциональную атмосферу, способствуют взаимному доверию участников и коллективности их действий. Благодаря их наличию подбираются правильные методы, последовательно осуществляется избранная тактика лечения, достигаются желаемые результаты даже в сложных или критических ситуациях, опасных для жизни и здоровья людей. Эти качества важны как в условиях катастроф, массовых эпидемий, так и в самых рядовых медицинских случаях. Стойкость, мужество, смелость медицинских работников проявляются в способности мобилизовать свои силы, знания и умения для оказания помощи пациенту в критических или нестандартных ситуациях. Они означают такую моральную позицию, в которой человек готов принять какие-то личные потери ради высших целей, способен на самопожертвование. Такая позиция позволяет побороть сомнения, пережить временные затруднения, негативные эмоции, сохранять веру в успех лечения и контролировать весь лечебный процесс. Она выражается в готовности к возможным конфликтам в ответственные моменты и к обоснованным профессиональным действиям, приносящим пользу пациентам.

В этом проявляется *моральная ответственность* ме-

дицинского работника, стремящегося выполнить свои профессиональные обязанности наилучшим образом. Она предполагает честность, добросовестность, способность предвидеть возможные последствия лечения и минимизировать их негативные эффекты. Она допускает не только внутренний, но и внешний контроль над профессиональной деятельностью и возможность санкций или наказаний за нарушения существующих правил. В основе данной добродетели лежит представление о чести и достоинстве личности медработника. Оно зависит от осознания человеком своего гражданского долга перед обществом и от его стремления к профессиональной самореализации. Если долг заключается в оказании действенной медицинской помощи людям, то честью для медработника является стремление к хорошему выполнению профессиональных обязанностей и получение положительной оценки его труда со стороны пациентов и коллег. Достоинство же связано с ростом самоуважения работника, расширением его возможностей, обретением нового социального статуса или освоением новых ролей. Оно сочетается с таким качеством, как скромность. Плохое выполнение профессиональных обязанностей в моральном сознании связано с чувством стыда или вины, если в результате неправильных действий был нанесен ущерб здоровью пациента. При этом порицание со стороны общества дополняется моральным самоосуждением самого медика [См. также: 3, с. 29].

Подобный список добродетелей можно продолжить. Например, стоит отметить коммуникативные умения (слушать, понимать, убеждать) и т. д., позволяющие поддерживать моральный авторитет медицинского работника. В этой связи в научной литературе предпринимаются попытки создания образа идеального врача или сотрудника. Так, большое распространение получили различные профессиональные этические кодексы (клятва Гиппократова у медиков, воинская присяга в армии и т. д.). Можно вспомнить и предпринимавшиеся ранее попытки создания обобщенного идеального образа гражданина. Многим людям памятен Моральный кодекс строителя коммунизма. Подобное стремление сконструировать идеальный образ медика представляет определенный интерес, но не стоит преувеличивать практическое значение подобных упражнений. Все предлагаемые идеальные модели имеют общие недостатки. В них реализуется исключительно нормативный подход, поэтому представляемая картина носит абстрактный характер, подчас весьма далекий от реальности. Медицинский работник выглядит в ней всегда однообразно (стандартно) реагирующим на предлагаемые вызовы в рамках установленного регламента. Здесь нет вариативности, возникающей необходимости морального выбора. Все медицинские ситуации, с которыми сталкивается медик, также инвентаризируются, их перечень обычно ограничен и неизменен. Наконец,

сам медицинский работник выглядит запрограммированным на реализацию исключительно прагматических интересов и целей. Его решения и последующие действия представляются рациональными и точными, в них отсутствуют эмоции, сомнения, ошибки. Все это достаточно далеко от реальных отношений. Поэтому, не отрицая необходимости создания нормативной модели образа медика, мы относимся к ним как условным обозначениям возможных приближений к идеалу. В этой деонтологической модели, наряду с этической составляющей, должны присутствовать высокий профессионализм, знание и неукоснительное соблюдение юридических норм и административных предписаний, необходимые психологические качества, коммуникативные навыки, высокий культурный уровень и т. д.

Вместе с тем определенный интерес представляют предлагаемые в литературе различные классификации медицинских работников (чаще всего врачей). Так, многие авторы выделяют *традиционный тип* врачей. Они характеризуются достаточно высоким профессиональным уровнем, ориентацией на расширение личного опыта, используют проверенные на практике рекомендации и способы лечения. Такие врачи ответственно выполняют свои обязанности, внимательны к пациентам, разделяют их чувства, но при этом относятся к ним патерналистски, полагая, что решающее слово всегда должно принадлежать им. Исследования показывают, что доля этой группы выше других. Врачи *инновационного типа* более демократичны в отношениях с пациентами. Они ориентируются на сотрудничество и активное участие заинтересованных лиц в процессе лечения. При этом большое внимание уделяется постоянному повышению квалификации, овладению новыми знаниями и умениями, изучению отечественного и зарубежного опыта. Особое внимание уделяется новейшим научным разработкам и технологиям. Доля таких врачей с развитием медицины неуклонно растет. Наконец, можно выделить некий *отстраненный тип* врача, для которого выбранная профессия не является призванием. Такие врачи имеют достаточный уровень профессиональной подготовки, действуют строго в рамках своих служебных обязанностей. У них отсутствует стремление к повышению уровня своей квалификации, к овладению новыми методами лечения. Отношения с пациентами носят безэмоциональный, во многом формальный характер. Полагаем, что такие врачи составляют меньшинство среди всего корпуса медицинских работников.

В своей типологии мы исходим из того, что во взаимоотношениях с пациентами медицинские работники выполняют различные функции: информационную (предоставление необходимых сведений), интерпретационную (разъяснение, убеждение в необходимости лечения), совещательную (обсуждение хода лечения, совместный по-

иск решений), организационно-распорядительную (назначение исследований, препаратов и процедур). На этой основе можно выделить несколько типов врачей: «безучастный», дистанцирующийся от пациента и ограничивающийся сугубо медицинскими вопросами; «сопереживающий», отличающийся эмоциональной отзывчивостью и состраданием; «партнерский», обсуждающий проблемы лечения с самим пациентом и добивающийся его согласия; «административный» (командный) тип, пользующийся исключительно языком приказов и предписаний. Как и другие, подобная классификация носит приблизительный, условный характер.

Проводившиеся опросы врачей (здесь 200 человек) показали, что большинство из них сталкивались с несоблюдением этических норм при осуществлении профессиональной деятельности. При этом большинство (80,5%) считает, что этические нормы не соблюдаются пациентами и являются основной причиной конфликтов и жалоб, неудовлетворенности качеством медицинской помощи. И только 9,0% отмечают нарушения в отношении самих пациентов. Диспропорция обусловлена тем, что значительная часть респондентов (93,5%) убеждены, что соблюдение этических норм является важной и обязывающей составляющей профессии врача. Однако надо учитывать, что деятельность медицинских работников характеризуется эмоциональными перегрузками, частыми стрессовыми ситуациями, высокой частотой и интенсивностью межличностного взаимодействия. В связи с этим нарушения этических норм 52,7% респондентов связывают с эмоциональным выгоранием, 27% – с поведением пациентов (агрессией, низким уровнем культуры), 12,7% – со сложными условиями труда (нагрузкой, оплатой труда), 3,2% – с низким уровнем информированности о нормативно-правовом регулировании этико-деонтологических взаимоотношений [6].

По роду своей деятельности медицинские работники часто сталкиваются с моральными проблемами и эмоциональными перегрузками. Им приходится иметь дело со страданиями людей, нередко со смертью. Приходится принимать решения в условиях постоянной ограниченности времени, при высокой интенсивности и нерегулируемости процесса общения, реальной опасности ошибок, непредсказуемости возможных результатов. На медиках лежат огромная ответственность и напряжение в ходе лечения. Все это происходит на фоне тяжелого графика работы, риска заразиться, низкой оплаты труда. Отсюда у работников медицинских учреждений нередко возникают раздражительность, настроения тревоги и депрессии. Такое состояние получило название «синдром эмоционального выгорания». Так обозначается психологическое переутомление, связанное с эмоциональным истощением, выражающееся в безразличии к пациентам и потере интереса к работе в целом. Утра-

чивается чувство сострадания, доброжелательность, растут равнодушие, цинизм. Иногда причина заключается в том, что нравственные ценности человека не совпадают с правилами и традициями организации или в завышенных ожиданиях от своей профессиональной деятельности. Все это снижает качество медицинского обслуживания.

Необходимы специальные меры, предотвращающие или локализирующие данное явление. Ведь выгорание – это сигнал, защитная реакция на неблагоприятное воздействие окружающей среды. Прежде всего, медработнику необходим периодический душевный и физический отдых от рутинных забот и обязанностей. В профилактике выгорания важную роль играет создание дружественной атмосферы в коллективе, профессиональная помощь более опытных коллег, перераспределение функций и постановка новых задач, расширение возможностей для повышения квалификации и т. д. В результате врач, медицинская сестра научаются управлять своим эмоциональным состоянием, дозировать степень расхода энергии, правильно выстраивать процесс общения с окружающими. Специалисты отмечают, что высокая эмоциональная включенность особенно необходима на первом этапе взаимодействия с пациентом для его успешной адаптации к новым условиям или к сложным назначениям, содержащим медицинские риски. В других случаях процесс общения может происходить в более спокойном режиме. В результате накопленного практического опыта медицинский работник приобретает общий позитивный настрой, психологическую устойчивость, эмоциональную стабильность, готовность к стрессовым ситуациям и перегрузкам, а также у него формируются развитые психологические умения, обеспечивающие успешную коммуникацию и компенсацию.

Мы согласны с авторами, считающими необходимым различать выгорание и профессиональные деформации. «На наш взгляд, синдром профессионального выгорания, который часто рассматривается просто как специфическая разновидность «психического выгорания», – это, в первую очередь, психически обусловленный феномен, который соответственно и проявляется в различных психических состояниях личности. Профессиональные деформации, в отличие от синдрома профессионального выгорания, – это социально обусловленный феномен, который затрагивает именно социальную структуру личности и выражается в социальном поведении отклоняющегося от профессиональных стандартов типа», – пишут Н. Г. Осипова и Т. В. Семина. Под профессиональной деформацией они понимают «существенные изменения психической (стереотипов восприятия, мышления, способов общения) и социальной структур личности (характера, ценностных ориентаций, наконец, мировоззрения) под влиянием выполнения профессиональных обязанно-

стей, которые продуцируют конфликтующее с общепринятыми профессиональными нормами и ценностями социальное поведение» [7, с. 17, 16].

Таким образом, профессиональная деформация связана с деструктивными изменениями личности при выполнении профессиональной работы, негативно отражающимися на ее продуктивности и взаимодействии с другими участниками процесса. Они, по-видимому, неизбежны и зависят от многих факторов: продолжительности работы в медицине, односторонности профессиональных занятий, неизбежного сужения круга интересов, чрезмерных затрат физических и душевных сил, общественной недооценки труда, от интенсивности лечебных контактов, изменения мотивации, завышенной или заниженной самооценки, отказа от нравственных принципов, поисков дополнительных источников дохода, коррупционного поведения, эмоциональных перегрузок и конфликтов на работе, постоянного напряжения и высокой степени ответственности за результаты и т. д. Многие процессы связаны с разочарованием, вызванным несоответствием декларируемой высокой миссии медицинских работников, их прямой ответственностью за жизнь людей и реальным положением в обществе, неисполненными статусными ожиданиями и невысоким материальным вознаграждением.

По данным Т. В. Семиной (на первом этапе было опрошено 838 врачей), 73,9 % опрошенных полагали, что произошла деформация личности врача. И только 26,1 % так не считают. В качестве возможной причины деформации 14,9 % респондентов назвали недооценку обществом сложных условий труда врача. При этом половина респондентов (51,5 %) считают, что у врача произошла профессиональная деформация личности, прежде всего, в силу недостойной материальной мотивации труда. В то же время они отмечают распространенную в обществе недооценку ролевого статуса врача, утрату представления о его важнейшей миссии. Этому во многом способствуют СМИ, которые подают информацию медицинского толка в негативном виде. На втором этапе был проведен опрос 1021 пациентов на предмет установления причин изменения личности врача. Треть из них (33,1 %) считает, что личность современного врача изменяется в последние годы в сторону безразличного отношения к больному человеку. Отмечается дезориентация врача из-за постоянных изменений внешних и внутренних факторов (25,8 % ответов). На недостаточное чувство ответственности за результаты лечения указало 20 % респондентов, а на снижение уровня культуры врача и отсутствие долга перед пациентом – 21,1 %. Пациенты отмечают, что на личность врача повлияла коммерциализация медицины, в результате которой наблюдается необоснованное назначение дорогостоящих препаратов и обследований, получение взяток (26,8 %). Таким

образом, наиболее значимой причиной неудовлетворенности пациентов врачебной помощью является снижение качества лечения (67 % респондентов), а также нарушение врачом норм этики и деонтологии (20 % пациентов) [7, с. 19–24].

Моральные нормы позволяют нам представить только определенный уровень деонтологической модели профессионального поведения медицинского работника. Они выступают в виде нравственных ориентиров их деятельности. В них содержится установка на эффективную медицинскую помощь нуждающимся, ответственность за результаты, коммуникативную компетентность и т. д. Медики защищают жизнь людей и выступают как спасители во многих ситуациях. При этом в образе врача на первый план выступают его профессиональные знания, внимательность, ответственность. Его ведущая роль вполне осознается пациентами. В представлениях о медицинской сестре преобладают психологические характеристики, связанные с добротой, заботливостью, общительностью. Она обеспечивает эмоциональную поддержку пациентов. Однако существует множество объективных обстоятельств, затрудняющих их исполнение на практике, о которых мы говорили. Поэтому у отдельных работников могут встречаться такие отрицательные человеческие качества, как беспринципность, цинизм, нечестность, тщеславие, лицемерие, равнодушие, эгоизм, корыстолюбие и т. п. Они проявляются, в частности, в фактах коррупции, которая стала заметным явлением в сфере медицины. К ним относится получение взяток, хищения лекарственных средств, подделка медицинских документов и т. д.

Здесь надо иметь в виду, что на протяжении многих десятилетий в советское время социальный статус медицинского работника был достаточно высок. Представители данной профессии пользовались большим уважением в обществе и ощущали благодарность за свой труд. Их мотивировало стремление оказать необходимую помощь людям, при этом размер материального вознаграждения играл второстепенную роль. Следует отметить, что и тогда был он не очень высок, но оправдывался моральной компенсацией. Однако происшедшие в постсоветский период кардинальные перемены привели к утрате моральных стимулов труда и коммерциализации отношений в обществе. Изменились традиционные общественные ценности, и на первый план вышли установки на индивидуальный успех, материальное благополучие, высокий уровень доходов и потребления. Идеалы бескорыстного служения людям, самопожертвования, сострадания отошли на задний план. И сразу обнаружилось несоответствие между высокой миссией и сложностью труда медработников и их материальным положением. Необходимость получения серьезного образования и постоянного подтверждения

профессиональной квалификации, сложные условия работы, значительные психологические и физические нагрузки сочетались с низким уровнем заработной платы и социальной незащищенностью медиков. Все это не могло не отразиться на сознании работников и их отношении к своему делу. В первую очередь изменения коснулись нравственных гуманистических принципов. Личные интересы стали превалировать над интересами общественного блага и заботой о здоровье населения. В результате снижается качество медицинского обслуживания, а также уважение и доверие к самой медицинской профессии.

В январе–феврале 2022 г. в рамках международного мониторингового исследования Левада-Центр провел опрос, который показал, что в целом доверяют врачам только 53% респондентов, не согласны с этим отношением 15%, а 31% отчасти согласны, отчасти нет. При этом 62% считают, что профессиональный уровень большинства наших врачей ниже, чем требуется. Не согласны с таким утверждением 15%, а 20% занимают двойственную позицию. А вот с предположением, что врачи больше заботятся о своих доходах, чем о пациентах, согласны 58% опрошенных, не согласны 17%, а 21% разделяют обе оценки [2].

Опрос, проведенный фондом «Общественное мнение» в сентябре 2020 г., показал, что, по мнению 42% респондентов, в российском обществе сегодня престиж профессии врача высокий, столько же считают, что низкий, а 5% – ни высокий, ни низкий. Затруднились оценить 11%. При этом большинство считает, что престиж врача в последнее время растет или, по крайней мере, не снижается. Причины роста респонденты видели (по убыванию) в героическом поведении врачей во время эпидемии коронавируса, в связи с выявившейся нехваткой врачей и востребованностью профессии, в повышении зарплаты врачам, в растущем стремлении молодежи поступать в медицинские вузы, в улучшении технической оснащенности медицины и т. д. Те, кто говорит о снижении престижа профессии, основные причины видят (по убыванию) в низких зарплатах, низком уровне медицинского образования, непрофессионализме врачей, развале системы здравоохранения в стране, платных медицинских услугах, тяжелых условиях труда медицинских работников и т. п. Тем не менее, больше половины (55%) опрошенных хотели бы, чтобы их ребенок или внук стал врачом [9].

Как видим, россияне достаточно критично относятся как к квалификации и нравственному облику большинства врачей, так и к уровню здравоохранения в целом. Все это говорит о том, что необходимы дополнительные меры, чтобы повысить уровень профессиональной компетентности и моральной отзывчивости медицинских работников.

Выводы

Нравственные качества медицинского работника являются в его защите жизни и здоровья людей. Данная проблема по-прежнему относится к малоизученным в отечественной биоэтике. В то же время ее актуальность и значимость неуклонно возрастает как в теоретическом, так и в практическом отношении. Необходима новая стратегия профессионального развития медицинского работника, в которой наряду с понятными материальными стимулами значительную роль будут играть факторы морального порядка. Здесь надо иметь в виду, что содержание подобной стратегии претерпевало существенные изменения на протяжении всей советской и постсоветской истории.

В советский период общественное признание медицинского персонала было исключительно высоко, при этом акцент делался на его нравственной роли в защите интересов и здоровья людей. В период перехода нашего общества на рыночные рельсы медицина оказалась в числе сфер (наряду с культурой, образованием и пр.), которые понесли наиболее серьезные потери. Снизилось государственное финансирование отрасли, разрушению подверглись медицинские производственные фонды, ухудшилось социальное обеспечение работников. Необходимость выживания обусловила коммерциализацию отношений, что не могло не привести к известной деформации профессионального и морального облика врача, медицинской сестры. Выходом из данной ситуации стал наблюдаемый в настоящее время переход к техно-

кратическим или формально-правовым моделям взаимоотношения медиков и пациентов, при которых главную роль играет неукоснительное соблюдение принятых соглашений в части прав и обязанностей сторон. В подобном переходе к четким и ответственным обязательствам и правилам можно усмотреть определенный прогресс. Повысилось качество и расширился ассортимент предлагаемых медицинских услуг. Однако мы считаем, что назрела необходимость перехода к следующему этапу совершенствования социальной роли врача и возвращения ее гуманистической сути. Наряду с высоким профессионализмом и заинтересованностью в успешном лечении пациентов и охране здоровья всего социума значительную роль начинают играть моральные компетенции медицинских работников.

В настоящее время врачи, весь медицинский персонал должны обладать определенными моральными качествами и гражданской ответственностью для осуществления профессиональных функций. Забота о здоровье людей, сострадание, совесть, чувство справедливости и т. д. есть высшее проявление гуманизма, присущего данной профессии. На воспитание этих качеств должна быть направлена вся система подготовки медицинских работников. Подобные задачи должно решать и вузовское образование. Высокие нравственные ценности и принципы в профессиональной деятельности, добродетельность работников – в традициях российской медицины. Высшая школа призвана способствовать их воспитанию и проявлению.

Источники и литература / Sources and references

1. Гиппократ. Избранные книги: Пер. с греч. проф. В. И. Руднева; Ред., вступ. статьи и прим. проф. В. П. Карпова. М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936. 736 с.
2. Доверие системе здравоохранения // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 16.02.2022. Доступно по: <https://www.levada.ru/2022/02/16/doverie-sisteme-zdravooxraneniya/> Ссылка активна на 23.08.2022. (АНО «Левада-Центр» принудительно внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента).
3. Левина В. Н. Личностные качества врача в сотрудничестве с пациентом: учебное пособие. Ижевск, 2016. 60 с.
4. Магомедова Л.Г., Шихшабекова Э.Р., Абдулаева З.Э. Моральные добродетели врача // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 5-2 (95). С. 211–214.
5. Макинтайр, А. После добродетели: Исследования теории морали /А. Макинтайр. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.
6. Мороз И. Н. О проблемах биомедицинской этики и деонтологии: мнение врачей // Медицинский журнал. 2019. № 4. С. 91–95.
7. Осипова Н. Г., Семина Т. В. Личность врача в современном социуме: идеальный тип и профессиональные деформации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 4–29.
8. Основы биоэтики: учеб. пособие / Я. С. Яскевич [и др.]; под ред. Я. С. Яскевич, С. Д. Денисова - Минск: Выш. шк., 2009. 351 с.
9. Престиж профессии врача // ФОМ от 26 сентября 2020 г. Доступно по: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14462> Ссылка активна на 23.08.2022.
10. Таратухин Е.О., Мирошниченко М.Д., Часовских Г.А., Павлова Е.К. Основы отношений врач-пациент. Курс лекций. Под общей редакцией Е.О. Таратухина. М.: Силиция-Полиграф. 2021. 174 с.

Информация об авторе:

Омеличкин Олег Викторович, д.полит.н., профессор кафедры философии и культурологии Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: omelichkin.ov@mail.ru. ORCID 0000-0001-6149-0443

Вклад в статью: текст в полном объеме написан автором.

Author information:

Omelichkin Oleg Viktorovich, Advanced Doctor in political science, Full Professor of the Department of philosophy and cultural studies of Kemerovo state medical University. E-mail: omelichkin.ov@mail.ru. ORCID 0000-0001-6149-0443

Contribution to the article: the text in full is written by the author.

УДК 618.2-084:575.827.5
Волков А.Н.

О НЕКОТОРЫХ ЭТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕНАТАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ

Аннотация

Объектом данного исследования являются некоторые евгенические тенденции, наметившиеся в современном здравоохранении как Российской Федерации, так и многих зарубежных стран. Предметом анализа стало евгеническое содержание пренатальной генетической диагностики как государственной медицинской программы с широким охватом населения. Методология работы основана на обобщении отечественных и зарубежных публикаций по теме исследования.

Современные скрининговые медико-генетические программы являются естественным следствием развития общественного здравоохранения в большинстве развитых стран мира. В их основу положены генетические исследовательские методы и медицинские технологии, позволяющие проводить анализ наследственных признаков человека даже на внутриутробном этапе онтогенеза. Возможность выявления и последующей элиминации плодов с наследственными аномалиями характеризует пренатальную генетическую диагностику как евгеническую программу.

Реализация программы пренатальной диагностики в масштабах страны способствует снижению количества новорожденных с тяжелыми пороками развития, уменьшая материальную нагрузку на системы здравоохранения и социальной поддержки населения. Отдельно взятая семья также избавляется от избыточного финансового, физического и психологического бремени. С этой точки зрения осуществление современных евгенических программ может быть в интересах как государства, так и граждан. При этом важно сохранять право принятия ключевых решений за субъектом данной медицинской программы, что декларируется основополагающими нормативными актами.

Ключевые слова: евгеника, медико-генетическое консультирование, генетический скрининг, пренатальная диагностика, наследственные заболевания, прерывание беременности, цитогенетика, мутации, хромосомные аномалии, трисомия.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Волков А. Н. О некоторых этических аспектах развития современной пренатальной диагностики // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 4. № 2. С 31–38.

Статья поступила в редакцию 26.07.2022 г.

SOCIOLOGY

Volkov A. N.

ON SOME ETHICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF MODERN PRENATAL DIAGNOSIS

Abstract

The object of this study is some eugenic trends emerging in modern healthcare of both the Russian Federation and many foreign countries. The subject of the analysis is eugenic content of prenatal genetic diagnosis as a state medical program with a wide coverage of the population. The methodology of the work is based on the generalization of domestic and foreign publications on the research topic.

Modern screening medical-genetic programs are a natural consequence of the development of public healthcare in most developed countries of the world. They are based on genetic

research methods and medical technologies which allow the analysis of hereditary human traits even at the prenatal stage of ontogenesis. The possibility of identifying and subsequent elimination of fetuses with hereditary anomalies characterizes prenatal genetic diagnosis as a eugenic program.

Implementation of the prenatal diagnosis program in scale of the whole country helps to reduce the number of newborns with severe malformations, decreasing material burden on the healthcare and social support systems of the state. An individual family also gets rid of excessive financial, physical and psychological burdens. From this point of view, the implementation

For citation: Volkov A. N. On some ethical aspects of the development of modern prenatal diagnostics // Bulletin of Social and Humanitarian Sciences. 2022. Vol. 4. No. 2. P. 31–38.

of modern eugenic programs may be in the interests of both the state and citizens. At the same time, it is important to preserve the right to make key decisions for the subject of this medical program, which is declared by fundamental regulatory acts.

Keywords: eugenics, medical-genetic consultation, ge-

netic screening, prenatal diagnosis, hereditary diseases, pregnancy termination, cytogenetics, mutations, chromosomal anomalies, trisomy.

Conflict of interests: None is declared.

Source of financing: There was no funding for this work.

Введение

На состоявшемся 25 сентября 2020 года заседании Совета по региональному здравоохранению при Совете Федерации РФ председатель собрания Г. Н. Карелова во вступительном слове сообщила следующее: «По данным Росстата, в 2019 году младенческая смертность в России снизилась до 4,9 случая на 1 тысячу родившихся детей (с 5,1 в 2018 году). Среди причин младенческой смертности врожденные аномалии занимают второе место и являются основными заболеваниями в структуре инвалидности. Поэтому профилактика возникновения и распространения врожденных и наследственных заболеваний, ранняя диагностика, своевременно начатое лечение и реабилитация являются основным направлением деятельности медико-генетической службы и всей системы здравоохранения».

Для того чтобы уточнить смысл выражения «профилактика возникновения» в контексте деятельности современного здравоохранения необходимо рассмотреть этапы репродукции человека, на которых возможно воздействие на генетические и физиологические качества ожидаемого потомства. На преконцепционном этапе стараются предупредить образование патологических гамет, а также обеспечить формирование полноценной зиготы и гарантировать ее нормальное развитие в дальнейшем. В широком смысле – это охрана репродуктивного здоровья будущих родителей и охрана внешней среды, влияющей на репродукцию человека. Воздействие на этом этапе достигается путем искусственного отбора гамет и контроля за ранним развитием зиготы с использованием вспомогательных репродуктивных технологий. Пренатальный и постнатальный уровни профилактики включают все диагностические и терапевтические процедуры, направленные на изучение состояния организма после зачатия и устранение выявленных аномалий развития до и после рождения соответственно [6].

Несмотря на очевидный прогресс современных медико-биологических наук, в большинстве случаев не удается контролировать процесс образования половых клеток и последующее оплодотворение. По этой причине эффективно реализовать преконцепционный уровень профилактики врожденных и наследственных заболеваний, как правило, не удастся. С другой стороны, постнатальный уровень профилактики относится к уже родившимся детям, когда во многих случаях патологический комплекс уже сформирован, что приводит к ранней инвалидизации или гибели. В такой ситуации все усилия медицины направлены на симптоматическое лечение па-

циентов и поддержание их жизни. При этом полное излечение лиц с большинством наследственных заболеваний невозможно. В постнатальном периоде обычно сохраняются разнообразные пороки развития, функциональные расстройства, а продолжительность жизни у носителей генетических аномалий обычно снижена [7].

В современных условиях основные усилия, направленные на «профилактику возникновения и распространения врожденных и наследственных заболеваний», могут быть эффективными только на пренатальном уровне. В докторской диссертации одного из организаторов российского здравоохранения С. Ш. Мурзабаевой можно обнаружить следующие соображения о практической полезности данного подхода. «Решающая роль в комплексе мероприятий по профилактике и предупреждению наследственных болезней принадлежит пренатальной диагностике, позволяющей предотвратить рождение детей с тяжелыми некорригируемыми пороками развития и социально значимыми генными и хромосомными болезнями и тем самым, уменьшить генетический груз популяции. Это также позволяет существенно снизить экономические потери общества. Считается, что пренатальная диагностика относится к числу высокорентабельных направлений профилактической медицины, где отдача на каждый затраченный рубль составляет не менее 9–10 рублей».

Эта и предыдущая цитаты лаконично излагают позицию государства и общественного здравоохранения относительно способа улучшения состояния здоровья населения в его генетическом аспекте. Речь идет об искусственном отборе, направленном против нежизнеспособных и аномальных плодов еще во внутриутробном периоде развития. Подобные программы приняты в большинстве развитых стран мира и являются ожидаемым итогом развития генетических технологий в сочетании с современными методами пренатальной медицины. Вместе с тем идея искусственного отбора, направленного на улучшение качеств человеческого вида, не нова. В различных формах она существовала и воплощалась на протяжении последних полутора веков под общим названием «евгеника» [8, 15, 18].

Объектом данного исследования являются некоторые евгенические тенденции, наметившиеся в современном здравоохранении как Российской Федерации, так и многих зарубежных стран. Предметом анализа стало евгеническое содержание пренатальной генетической диагностики как государственной медицинской программы с широким

охватом населения. **Целью** данной работы является анализ предпосылок возникновения современных скрининговых медико-генетических программ, их евгенического содержания и возможности предотвращения конфликта интересов государства и граждан при их реализации.

Методология работы основана на анализе отечественных и зарубежных публикаций по теме исследования. Для этого проводился информационный поиск в научных электронных библиотеках eLIBRARY.RU и PubMed с использованием ключевых слов «евгеника» («eugenics»), «пренатальная диагностика» («prenatal diagnosis»), «цитогенетическое исследование» («cytogenetic analysis»), «хромосомные аномалии» («chromosomal anomalies») и др.

Результаты исследования

Рассмотрение вопроса о евгенических тенденциях в отдельных областях современной медицины стоит начать с анализа истоков евгеники и ее последующей эволюции. Сам термин «евгеника» был предложен Фрэнсисом Гальтоном в 1880-х годах и применялся в отношении принципов наследования признаков человека, которые можно было считать «позитивными», таких как хорошее здоровье и высокое интеллектуальное развитие. При этом идея должна была получить практическое развитие в целях улучшения человеческого вида. Одним из социальных вызовов конца XIX века в развитых странах стали массовая бедность, заметное ухудшение общественного здоровья, в том числе в части его психической составляющей, и сопутствующие этому широкое распространение алкоголизма, проституции и криминального поведения населения. Ожидаемой целью евгеники должна была стать научно обоснованная борьба с социальной дегенерацией путем ограничения воспроизводства так называемых «неполноценных» людей, прежде всего «слабоумных». Это направление получило название «негативной евгеники». При этом предполагалось стимулировать рождаемость социально ответственных и продуктивных граждан средствами «позитивной евгеники» [8].

Нужно отметить, что евгеника имела ярко выраженные прагматические ориентиры. Если речь заходила об умственно отсталых и тяжелобольных людях, важнейшим аргументом в пользу отрицательной селекции была высокая финансовая нагрузка на общество, связанная с их содержанием. Криминальное поведение также несло огромные материальные убытки и зачастую угрозу жизни и здоровью полноценных граждан. Это означало, что отдельные группы населения должны были рассматриваться как социальный балласт. В целях практической реализации евгенических программ ряд стран на рубеже XIX–XX столетий ввели государственные программы по принудительной стерилизации и ограничению вступления в брак некоторых граждан и контингентов населения. Принудительная стерилизация проводилась в от-

дельных штатах США и после Второй мировой войны, несмотря на то, что евгеника в целом была скомпрометирована политическим режимом Германии в 30–40-е годы XX века [8, 18].

Развитие биологии и медицины в первой половине XX века впервые сделало возможным анализ генетической конституции человека. Стали доступны биохимические и молекулярно-генетические тесты на выявление фенилкетонурии, болезни Тея-Сакса, серповидно-клеточной анемии и других наследственных заболеваний, являющихся социально-медицинской проблемой для различных популяций человека. Выявление заболевания в раннем неонатальном периоде повышало шансы на успешную терапию и последующее развитие пациента, что, разумеется, являлось предпочтительным по сравнению с ранее применявшейся практикой пожизненного медицинского и социального поддержания инвалида с полностью сформировавшимся патологическим комплексом.

Ожидаемым этапом дальнейшего развития медицины стало внедрение в 1960–1970-е годы в ряде стран, прежде всего в Великобритании и США, программ массового обследования новорожденных на наиболее частые и корригируемые медицинскими средствами наследственные болезни. Неонатальный скрининг в настоящее время является частью национальных программ здравоохранения в большинстве развитых стран, в том числе в Российской Федерации. Практически сразу же генетический скрининг был расширен на родителей детей с выявленными наследственными заболеваниями. Это, в свою очередь, дало начало широкой практике медико-генетического консультирования, которая была направлена, прежде всего, на выявление носителей патологических мутаций и определение риска рождения у них потомства с аномалиями развития [12].

Очевидным эволюционным следствием сложившихся тенденций развития медицины стало возникновение в тот же исторический период пренатальной генетической диагностики как самостоятельного медицинского направления. Если говорить об эффективности «профилактики» наследственных заболеваний, очевидным является тот факт, что предотвращение рождения ребенка с наследственной аномалией является гораздо более эффективной мерой освобождения семьи и общества от патологического бремени, чем раннее выявление и последующие попытки терапии. Это тем более верно с учетом того, что большинство наследственных и врожденных болезней не поддаются эффективному лечению даже средствами современной медицины. В общей структуре заболеваемости детей они остаются существенным фактором инвалидизации и смертности. Генетическая диагностика в настоящее время стала стандартной процедурой в рамках пренатальной медицины [14]. Этому способствовало еще одно важное событие, без которого современная пре-

натальная (дородовая) генетическая диагностика (ПГД) не имела бы смысла.

На волне борьбы женщин за их гражданские права и свободы во многих развитых странах с начала 1970-х годов были легализованы аборты. Показательным для всего мира стал прецедент, созданный в ходе судебного дела Роу против Уэйда (Roe vs. Wade) в 1973 году в США. Результаты разбирательства заложили правовую основу для законного прерывания беременности по желанию женщины (не только при наличии медицинских показаний) и инициировали резкий рост спроса на пренатальную генетическую диагностику со стороны беременных. Такое развитие событий положило начало общественным дебатам, продолжающимся и в настоящее время. Оппоненты пренатального генетического скрининга указывают на искусственный отбор как прямой итог и цель процедуры. Это позволяет им использовать в отношении данной медицинской процедуры определения «неоевгеника», «мягкая евгеника», «либеральная евгеника» и т.п. [15].

Для понимания справедливости и уместности таких сравнений необходимо ознакомиться с целью и методами ПГД. Основной задачей пренатального генетического скрининга является выявление хромосомных аномалий у развивающегося плода. В постнатальном периоде многие из аномалий аутосом приводят к скорой гибели ребенка (например, трисомии по 13-й и 18-й хромосомам) или совместимы с жизнью при условии интенсивной терапии и дальнейшего сопровождения ребенка на протяжении длительного периода или всей жизни (как при трисомии по 21-й хромосоме). В последнем случае пациент имеет синдром Дауна, пожизненно остается инвалидом и нуждается в постоянной опеке. Хромосомные аномалии, затрагивающие половые хромосомы, могут иметь различное влияние на здоровье будущего ребенка, от тяжелого и умеренного до практически нейтрального [9].

Нужно оговориться, что во внутриутробном периоде онтогенеза человека наблюдается интенсивный естественный отбор против генетически аномальных эмбрионов даже в отсутствие вмешательства со стороны самой беременной и врачей. Цитогенетический анализ клеток, полученных от эмбрионов, спонтанно прекративших развитие на 6–8-й неделе беременности, позволяет выявить высокую долю кариотипов с численными и структурными аномалиями хромосом. Более 70% изученных образцов несут подобные отклонения. При этом в числе зарегистрированных мутаций нередко встречаются трисомии по 13-й, 18-й и 21-й хромосомам, на обнаружение которых в основном и направлена пренатальная генетическая диагностика [1].

Очевидно, мутагенез является естественным биологическим явлением, обеспечивающим генетическое разнообразие человека как вида. При этом природа допускает формирование всевозможных, в том числе патологи-

ческих и летальных, изменений генетического материала на стадиях образования половых клеток, оплодотворения и раннего эмбриогенеза. В дальнейшем происходит выбраковка неудачных генетических комбинаций путем спонтанного прекращения развития носителей на разных стадиях онтогенеза. Немногие численные изменения кариотипа совместимы с постнатальным развитием у человека. Исключением являются аномалии числа половых хромосом [9]. Изменения же числа аутосом, как правило, летальны. У новорожденных могут быть выявлены трисомии по 13-й, 18-й, 21-й и 22-й хромосомам. При этом только носители трисомии 21 имеют шанс пережить первый год благодаря усилиям современного здравоохранения и социальных служб [10]. Очевидно, ПГД и сопутствующие медицинские технологии призваны форсировать процесс естественного внутриутробного отбора.

Для установления риска генетических аномалий в пренатальном периоде в разное время использовались различные индикаторы. В ранний период, начиная с 1970-х годов, основным показанием для проведения анализа являлся возраст женщины на момент беременности. Этот критерий основан на выявленной корреляции между частотой рождения детей с хромосомными аномалиями и возрастом матери. Учитывая очевидную ненадежность данного критерия, по мере появления технических возможностей список выявляемых маркеров патологии постоянно расширялся. С 1980-х годов дополнительно используется биохимический анализ некоторых показателей крови беременной и ультразвуковое обследование плода. Кроме того, стало очевидным, что сроки проведения исследований должны быть сдвинуты на первый триместр беременности для облегчения процедуры прерывания беременности при необходимости. Надежность современного комбинированного теста на выявление риска хромосомной патологии плода такова, что позволяет распознать до 93–96% патологических беременностей, при этом доля ошибок в виде ложноположительных результатов может быть снижена до 2,5% [14].

Разумеется, риск возникновения аномалии не означает ее непереносимое наличие. Для объективной оценки генетического здоровья плода недостаточно руководствоваться данными неинвазивного исследования. В таком случае прерыванию подвергались бы и нормальные беременности, давшие по каким-либо причинам ложноположительный результат пренатального теста. Поэтому на завершающем этапе обследования должна быть проведена процедура анализа биологического материала плода, оказавшегося в группе риска. Для этого проводится инвазивная процедура взятия образцов хориона, клеток амниотической жидкости или пуповинной крови. На основании цитогенетического исследования данного материала выносится окончательное заключение о генетическом состоянии плода, что является руководством к дальнейшим

действиям для врачей и беременных. В настоящее время все большую популярность приобретает неинвазивная альтернатива классического пренатального генетического теста, основанная на молекулярно-генетическом анализе фетальной ДНК, присутствующей в венозной крови беременной женщины [4].

Как видно, современная пренатальная генетическая диагностика является сложной многостадийной процедурой, в ходе которой скрупулезно собирается информация о наблюдаемой беременности, как с точки зрения состояния женщины, так и будущего ребенка. Некоторые этапы исследования повторяются неоднократно для повышения надежности заключения. Медицинские рекомендации о целесообразности продолжения беременности выносятся консилиумом квалифицированных специалистов из нескольких медицинских областей. В любом случае окончательное решение о дальнейшей судьбе плода принимает сама женщина. Это исключает вмешательство политических или экономических интересов государства в разрешение данной ситуации, что предполагалось бы при осуществлении евгенической процедуры в недалеком прошлом [8, 15, 18].

Несмотря на использование различных евгенических программ в разных государствах в разные исторические периоды, программу ПГД можно считать беспрецедентной по ряду причин. Во-первых, анализ состояния здоровья человека теперь выполняется во внутриутробный период, что позволяет принять решение о прекращении беременности и избавлении данной семьи и популяции от генетического груза. Во-вторых, данное исследование приобрело характер скрининга, т.е. массового (в идеале – с вовлечением 100% беременных женщин) обследования, в отличие от выявления и анализа индивидуальных случаев в прошлом. Наконец, большинство развитых и многие развивающиеся страны включили программу пренатального скрининга в систему национального здравоохранения. Это означает, что искусственный внутриутробный отбор генетически дефектных плодов приобретает международный масштаб [13, 17, 19, 20].

Если говорить о пренатальном скрининге и подобных генетических программах как о евгенических процедурах, необходимо помнить, что экономический эффект и влияние программ на генетическую структуру популяции возможно только при максимальном охвате целевых групп населения. Кроме того, в случае обнаружения патологии плода пациентка должна быть готова к прерыванию беременности, что определяется многочисленными дополнительными факторами – от финансового состояния до культурных традиций семьи. В этой связи интересно сопоставить усилия национальных систем здравоохранения по организации массового обследования населения с точкой зрения и поведением групп населения, попадающего в рамки данных программ.

Европейские страны, первыми принявшие на вооружение пренатальный скрининг десятилетия назад, приближаются к уровню охвата беременных женщин 90% и более. Так, в Дании в конце первого десятилетия XXI века исследование проходили 91,6% беременных. При этом 82,8% обследованных, попавших в группу риска (в данном случае высоким риском считалась вероятность рождения ребенка с хромосомной патологией 1:300 и более), соглашались на проведение дальнейшего инвазивного исследования плода. При подтверждении наличия хромосомной аномалии (ХА) более 80% женщин принимали решение о прерывании беременности. Вследствие этого ежегодно в рассмотренный период в стране рождалось около 4,4 пораженных детей на 10000 новорожденных. В такой ситуации рождение детей с синдромом Дауна происходит вследствие отказа женщин от обследований, или прерывания беременности при положительном результате тестов (52%), или из-за ложноотрицательных результатов исследований (48%) [13].

Только в 2012 г. в Англии и Уэльсе было выявлено 1259 плодов с трисомией 21, из них 90% были элиминированы. В целом на этих территориях в период 1989–2012 гг. доля прерванных беременностей после установления положительного результата ПГД колебалась от 88% до 94%. Из 18 европейских стран 10 достигли уровня 88% прерывания беременности при выявлении генетической аномалии плода. В Германии эта величина несколько ниже. Только около 68% пациенток, беременных плодом с установленной трисомией 21, вероятнее всего, сделают аборт [19]. Австралия, напротив, рапортует о прерывании 95% патологических беременностей [17]. Подобные тенденции обнаруживаются и в некоторых других странах с развитым здравоохранением и официальным разрешением на аборт. Так, в одной из выборок беременных из Китая 99,1% женщин, несущих плод с трисомией 21, предпочли сделать аборт, к ним присоединились все пациентки, вынашивающие плод с трисомиями по хромосомам 18 и 13 [20].

Как видно, охват населения программой пренатального скрининга при всех усилиях здравоохранения не может достичь 100% ввиду организационных причин. Кроме того, не все женщины готовы прерывать беременность даже в случае установления аномалии у плода. Так, в крупной выборке пациенток из США в среднем частота прерывания беременности при установленной генетической аномалии плода составила 81%. При этом женщины испанского происхождения были менее склонны к прерыванию патологической беременности (69%) [16].

Кроме недоверия медикам и прочих персональных аргументов для этого есть и определенные объективные причины. Например, основанием для отказа может быть поздний срок выявления патологии, когда прерывание беременности более затруднительно, болезненно и

может нести угрозу здоровью и жизни пациентки [19]. Выбор женщины зависит не только от сроков беременности, но и от типа выявленной аномалии плода [11]. В ранее обсуждавшейся выборке из США со средней частотой прерываний 81% доля аборт в случае аномалий аутосом повышалась до 86%, а при аномалиях половых хромосом снижалась до 60%. При этом вероятность прерывания в случае анеуплоидий по половым хромосомам различная и зависит от ожидаемой тяжести течения заболевания в постнатальном периоде. Она колебалась от 40% при установлении кариотипа плода 47,XXX до 65%, если выявляли кариотип 45,X [16]. В одном исследовании из Китая только 33,3% женщин, беременных плодом с кариотипом 47,XXX, решались прекратить беременность [20].

В декабрьском номере за 2020 г. один из старейших и наиболее уважаемых литературных журналов США «The Atlantic» опубликовал статью с тревожным заголовком «Последние дети с синдромом Дауна». В статье автор повествует о евгенике в ее высокотехнологичном и эффективном современном варианте и о сложности родительского выбора «быть или не быть» ребенку с синдромом Дауна в современном обществе. Внимание читателя может привлечь короткая статистическая справка о том, что в 2019 г. в Дании родилось лишь 18 детей с синдромом Дауна. Простые подсчеты, которые может провести каждый, пользуясь статистической информацией из открытых источников, покажут, насколько эффективным может быть внутриутробный искусственный отбор. При численности населения Дании в рассматриваемый период около 5,8 млн. человек и ежегодной рождаемости в 60,5 тыс. человек частота рождения детей с синдромом Дауна составила лишь 3 на 10000 родившихся. Для сравнения, при численности населения США около 335 млн. человек, при ежегодной рождаемости в 4,2 млн человек частота рождения детей с синдромом Дауна составляет более 14 на 10000 родившихся.

Как видно, эффективность искусственной селекции, направленной против генетически аномальных плодов, не может достигнуть 100% даже при высоком уровне развития медицины. Причины этого имеют не только методический, но и социально-этический характер. В обществе в целом и, следовательно, среди беременных женщин нет единого мнения о допустимости произвольных манипуляций человеческой жизнью с момента зачатия. Так, сторонники движения «пролайф - в защиту жизни» настаивают на неприкосновенности эмбриона и запрете или ограничении применения абортов. Некоторые влиятельные институты гражданского общества так или иначе присоединяются к этой позиции. Например «Основы социальной концепции Русской православной церкви», являющиеся официальным документом Русской православной церкви, рассматривают намеренное прерывание

беременности (аборт) как тяжкий грех, приравненный к убийству. При этом, как утверждается в документе, «пренатальная диагностика может считаться нравственно оправданной, если она нацелена на лечение выявленных недугов на возможно ранних стадиях, а также на подготовку родителей к особому попечению о больном ребенке».

На протяжении двух прошедших десятилетий XXI века медицинские учреждения России акушерско-гинекологического профиля в числе прочих программ здравоохранения также активно выполняют пренатальную генетическую диагностику. Ранее действовавший и ныне утративший силу Приказ Минздрава России №457 от 28.12.2000 г. «О совершенствовании пренатальной диагностики и профилактике наследственных и врожденных заболеваний у детей» давал лаконичное определение основной задачи пренатальной диагностики. «Пренатальное (дородовое) обследование направлено на предупреждение и раннее выявление врожденной и наследственной патологии у плода. Основой его проведения является искусственный внутриутробный отбор (элиминация) генетически дефектных плодов».

В соответствии с действующим Приказом Минздрава России №1130н от 20.10.2020 г. «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология», все беременные женщины России подлежат постановке на учет с целью дальнейшей оценки антенатального развития плода. Основные процедуры проводятся в сроке беременности 11–14 недель или позднее, при невыполнении программы обследования в первом триместре. Как устанавливается Приказом, «при наличии пороков развития плода, несовместимых с жизнью, или наличии сочетанных пороков с неблагоприятным прогнозом для жизни и здоровья, при хромосомных аномалиях, пороках развития плода, приводящих к стойкой потере функций организма вследствие тяжести и объема поражения при отсутствии методов эффективного лечения, включающего внутриутробную хирургическую коррекцию, предоставляется информация о возможности искусственного прерывания беременности по медицинским показаниям». При этом окончательное решение о сохранении или прерывании беременности *de jure* принимается самой пациенткой.

Согласно последним данным, в Российской Федерации более 80% женщин, вставших на учет по беременности охвачены ранним пренатальным скринингом на выявление пороков развития и хромосомных аномалий плода. На территориях с большим опытом проведения генетического скрининга и эффективной организацией работы с населением массовым обследованием может быть охвачено более 95% беременных женщин [5]. При этом величина группы высокого риска ХА плода составляет около 2% при определении границ группы риска 1:100 и более [4,

5]. Всем этим женщинам показано проведение инвазивной генетической диагностики для последующего цитогенетического исследования плодного материала. На этом этапе около трети женщин из группы риска обычно отказывается от проведения дальнейших процедур и продолжают вынашивать плод до рождения. Таким образом даже при хорошо отлаженной работе системы здравоохранения пренатальное выявление хромосомных аномалий плода (читай – эффективность скринингового мероприятия) едва превышает 80%. Таким образом, в целом около 20% патологических беременностей проходит сквозь сито внутриутробного искусственного отбора и завершается рождением ребенка с генетическими аномалиями [5].

Причинами сниженной эффективности пренатальной диагностики по сравнению с ожидаемой могут быть инструментальные погрешности и недостаточная квалификация медицинского персонала, особенно при проведении УЗ-исследования. Кроме того, организация массового обследования женщин на местах учета зачастую оставляет желать лучшего. Ретроспективный анализ причин сохранения патологических беременностей в пренатальный период показывает, что в ряде случаев могут не выявляться биохимические и эхографические маркеры аномалий плода при наличии у него хромосомной патологии. В большинстве случаев рождение детей с хромосомными аномалиями связано с неявкой (или несвоевременной явкой) беременной для проведения исследований или сознательным отказом женщины от проведения инвазивной диагностики или прерывания беременности при положительном результате генетического исследования [2, 5].

Сравнительный анализ групп пациенток с высоким риском аномалий плода, согласившихся на инвазивную диагностику и отказавшихся от нее, показал их сходство с точки зрения возраста, места жительства, социального статуса, наличия спонтанных и медицинских аборт в анамнезе, наличия здоровых и больных детей. Очевидно, причины отказа отражают субъективное представление женщин о медицинской процедуре и ожидаемым последствиям для физического здоровья и духовно-психического состояния. Около трети опрошенных боялись осложнений процедуры, а более 20% выражали неготовность принять решение в столь ранний срок. Интересно, что 19% респонденток изъявили намерение продолжать беременность в любом случае, а 13% были уверены, что плод не имеет аномалий, несмотря на проведенные инструментальные исследования и консультации у врача-генетика. Можно предположить, что две последние группы опрошенных в определенном смысле характеризуют степень недоверия женщин медицине и врачам в целом [3].

Как видно, мнение и поведение пациентки является едва ли не решающим при определении исхода патологической беременности и эффективности всей скрининговой программы. Причем данная тенденция наблюдается

как в России, так и за рубежом. Классическая евгеническая программа по своей природе является насильственной и принудительной процедурой, инициированной государством, прежде всего, из экономических соображений. Ее цель может противоречить интересам граждан, попавших в целевую группу. В современных условиях игнорировать частное мнение в вопросах здоровья и благополучия становится невозможным. Эффективность мероприятия будет зависеть от наличия взаимопонимания и согласия между организатором и обследуемыми. В случае с программой массовой пренатальной генетической диагностики состояния плода в большинстве случаев такой консенсус, очевидно, достигим.

Выводы

С момента возникновения евгеники как социальной концепции прошло более полутора веков, но дискуссии о ее необходимости и целесообразности не прекращаются и по сей день. Вместе с тем мы можем обнаружить формальные признаки евгеники в некоторых медицинских процедурах, официально принятых на вооружение современным здравоохранением во многих странах. В России пренатальный скрининг генетических и врожденных пороков развития регламентируется нормативными актами министерства здравоохранения и направлен на выявление и элиминацию плодов с тяжелыми или летальными пороками развития. Основным критерий соответствия пренатального скрининга евгенической процедуре – его направленность на улучшение генетических и физиологических качеств человека, что реализуется благодаря проведению искусственной селекции.

По определению, пренатальный скрининг охватывает обширные группы населения, в идеале – всех беременных женщин. Вместе с тем, как показывает многолетнее изучение мнения целевой группы и поведения беременных женщин, пренатальный скрининг нельзя считать принудительной процедурой, что являлось характерной чертой евгенических программ прошлого. Напротив, абсолютное большинство участниц программы в случае выявления пороков у плода добровольно принимают решение о прекращении беременности. Это свидетельствует о совпадении интересов населения и государства как организатора данной программы. При этом женщина всегда вправе отказаться от участия в процедуре на любом этапе, не рискуя стать заложницей собственного решения. Более того, в настоящее время действуют программы материальной и социальной поддержки семей, имеющих ребенка-инвалида, в том числе с хромосомной патологией.

Вероятно, пренатальный генетический скрининг можно охарактеризовать как пример «либеральной» евгеники, при воплощении которой учитывается мнение граждан, а ее эффективность зависит от готовности населения

к сотрудничеству с органами здравоохранения, представляющими интересы государства. Можно надеяться, что в условиях современного общества принцип соблюдения

интересов личности и в дальнейшем будет основополагающим при реализации любых государственных программ, имеющих евгенический характер.

Источники и литература / Sources and references

1. Волков А. Н., Рытенкова О. И., Бабарыкина Т. А., Лысенко Д. И. Цитогенетическая диагностика хромосомных аномалий при неразвивающейся беременности // Клиническая лабораторная диагностика. 2017. Т. 62. № 9. С. 553–556.
2. Дударева Ю. А., Шипилов А. А. Оценка эффективности пренатальной диагностики у женщин с постнатально диагностированными хромосомными aberrациями у детей // РМЖ. Мать и дитя. 2021. Т. 4. № 1. С. 42–45. <https://doi.org/10.32364/2618-8430-2021-4-1-42-45>
3. Жученко Л. А., Голошубов П. А., Ижевская В. Л. Анализ причин отказов беременных с высоким риском хромосомной патологии у плода от инвазивной пренатальной диагностики // Медицинская генетика. 2017. № 9. С. 10–15.
4. Калашникова Е. А., Глотов А. С., Андреева Е. Н., Барков И. Ю., Бобровник Г. Ю., Дубровина Е. В., Жученко Л. А. Современное значение неинвазивного пренатального исследования внеклеточной ДНК плода в крови матери и перспективы его применения в системе массового скрининга беременных в Российской Федерации // Журнал акушерства и женских болезней. 2021. Т. 70. № 1. С. 19–50. <https://doi.org/10.17816/JOWD56573>.
5. Никифоровский Н. К., Степанькова Е. А., Лукина Н. В., Покусеева В. Н. Роль раннего пренатального комбинированного скрининга в диагностике врожденных аномалий развития у плода в Смоленской области // Смоленский медицинский альманах. 2018. № 4. С. 19–23.
6. Новиков П. В. Ранняя профилактика врожденных и наследственных заболеваний // Медицинская сестра. 2009. №8. С. 20–23.
7. Шавалиев Р. Ф., Яфарова С. Ш., Волгина С. Я. Профилактика редких болезней: современные аспекты и новые вызовы // Российский педиатрический журнал. 2017. Т. 20. № 4. С. 226–232. [http://dx.doi.org/10.18821/1560-9561-2017-20\(4\)-226-232](http://dx.doi.org/10.18821/1560-9561-2017-20(4)-226-232).
8. Aultman J. M. Eugenomics: eugenics and ethics in the 21st century // Genomics, Society and Policy. 2006. Vol. 2. № 2. P. 28–49. <https://doi.org/10.1186/1746-5354-2-2-28>
9. Berglund A., Viuff M. H., Skakkebaek A., Chang S., Stochholm K., Gravholt C. H. Changes in the cohort composition of Turner syndrome and severe non-diagnosis of Klinefelter, 47,XXX and 47,XYY syndrome: a nationwide cohort study // Orphanet Journal of Rare Diseases. 2019. Vol. 14. <https://doi.org/10.1186/s13023-018-0976-2>
10. Goel N., Morris J. K., Tucker D., de Walle H. E. K., Bakker M. K. Trisomy 13 and 18 – prevalence and mortality – a multi-regional population-based analysis // Am J Med Genet. 2019. Vol. 179. № 12. P. 2382–2392. <http://doi.org/10.1002/ajmg.a.61365>
11. Jeon K. Ch., Chen L., Goodson P. Decision to abort after a prenatal diagnosis of sex chromosome abnormality: a systematic review of the literature // Genet Med. 2012. Vol. 14. № 1. P. 27–38. <https://doi.org/10.1038/gim.0b013e31822e57a7>
12. Loeber J. G. European Union should actively stimulate and harmonize neonatal screening initiatives // Int J. Neonatal Screen. 2018. Vol. 4. № 32. <https://doi.org/10.3390/ijns4040032>
13. Miltoft C. B., Wulff C. B., Kjærgaard S., Ekelund C. K., Tabor A. Parental decisions about prenatal screening and diagnosis among infants with trisomy 21 in a national cohort with high uptake of combined first-trimester screening // Fetal Diagn Ther. 2017. Vol. 41. № 3. P. 209–214. <https://doi.org/10.1159/000448093>
14. Nicolaides K. H. Screening for fetal aneuploidies at 11 to 13 weeks // Prenat Diagn. 2011. Vol. 31. P. 7–15. <https://doi.org/10.1002/pd.2637>
15. Rubeis G., Steger F. A burden from birth? Non-invasive prenatal testing and the stigmatization of people with disabilities // Bioethics. 2019. Vol. 33. P. 91–97. <https://doi.org/10.1111/bioe.12520>
16. Shaffer B. L., Caughey A. B., Norton M.E. Variation in the decision to terminate pregnancy in the setting of fetal aneuploidy // Prenat Diagn. 2006. Vol. 26. P. 667–671. <https://doi.org/10.1002/pd.1462>
17. Thomas G. M., Rothman B.K. Keeping the backdoor to eugenics ajar?: Disability and the future of prenatal screening // American Medical Association Journal of Ethics. 2016. Vol. 18. № 4. P. 406–415. <https://doi.org/10.1001/journalofethics.2016.18.4.stas1-1604>
18. Veit W., Anomaly J., Agar N., Singer P., Fleischman D. S., Minerva F. Can «eugenics» be defended? // Monash Bioeth Rev. 2021. Vol. 39. № 1. P. 60–67. <https://doi.org/10.1007/s40592-021-00129-1>
19. Weichert A., Braun T., Deutinger C., Henrich W., Kalache K.D., Neymeyer J. Prenatal decision-making in the second and third trimester in trisomy 21-affected pregnancies // J Perinat Med. 2017. Vol. 45. № 2. P. 205–211. <https://doi.org/10.1515/jpm-2016-0108>
20. Wu X., Li Y., Xie X., Su L., Cai M., Lin N., Du S., Xu L., Huang H. Clinical review of noninvasive prenatal testing: Experience from 551 pregnancies with noninvasive prenatal testing-positive results in a tertiary referral center // J Mol Diagn. 2020. Vol. 22: 1469e1475. <https://doi.org/10.1016/j.jmoldx.2020.09.008>

Информация об авторе:

Волков Алексей Николаевич, к.б.н., доцент кафедры биологии с основами генетики и паразитологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России (ФГБОУ ВО КемГМУ), г. Кемерово, Россия. E-mail: volkov_alex@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-1169-715X.

Вклад в статью: текст в полном объеме написан автором

Author information:

Volkov Alexey Nikolaevich, candidate of biological sciences, associate professor, Department of Biology, Genetics and Parasitology, Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russia. E-mail: volkov_alex@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-1169-715X.

Contribution to the article: the text in full is written by the author

УДК 159.92
Валиуллина Е. В.

ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ КРЕАТИВНОСТИ: ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ АЛЕКСИТИМИИ

Аннотация

В статье представлены результаты исследования влияния alexithymia на характеристики креативности в молодом и юношеском возрасте. Процессуальная сторона творчества обусловлена многими личностными факторами – фантазией, одаренностью, интуицией, оригинальностью, мышлением и т.д. Немаловажную роль в этом процессе играет эмоциональная сфера, эмоции оказывают значимое влияние и на эффективность креативности, и на продуктивность творческого процесса в целом. *Предметом* исследования являются параметры креативности (любопытность, склонность к риску, воображение, сложность) и их взаимосвязь с уровнем alexithymia. Alexithymia трактуют как сниженную способность в идентификации и вербализации эмоциональных состояний при наличии выраженной дисфункции эмоционального сознания. *Методами* исследования выступили анализ научной отечественной и зарубежной психологической литературы по предмету исследования, психодиагностическое тестирование, корреляционный анализ, интерпретация и обобщение полученных данных. Согласно *результатам исследования*

проведенный корреляционный анализ показал наличие статистически значимых отрицательных связей уровня alexithymia с интегративным параметром креативности, воображением и сложностью. В *заключении работы* отмечается, что достаточно низкие и средние значения многих параметров креативности у юношей и девушек, принявших участие в исследовании, могут быть обусловлены наличием выявленных у них alexithymic симптомов. Alexithymic тип личности с сужением спектра эмоциональных переживаний, низкой общей любознательностью, отсутствием стремления к получению новых впечатлений и т.д. негативно сказывается на уровне креативности, воображения и творческих способностях личности.

Ключевые слова: креативность, alexithymia, любознательность, склонность к риску, воображение, сложность, alexithymic тип, уровень креативности, личность, творчество.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источник финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Валиуллина Е. В. Личностные аспекты креативности: влияние уровня alexithymia // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 3. С. 39–44.

Статья поступила в редакцию 23.08.2022 г.

PSYCHOLOGY

Valiullina E. V.

PERSONAL ASPECTS OF CREATIVITY: THE INFLUENCE OF THE LEVEL OF ALEXITHYMIA

Abstract

The article presents the results of a study of the influence of alexithymia on the characteristics of creativity in young and adolescence. The procedural side of creativity is conditioned by many personal factors - fantasy, talent, intuition, originality, thinking, etc. An important role in this process is played by the emotional sphere, emotions have a significant impact on both the effectiveness of creativity and the productivity of the creative process as a whole. The subject of the study is the parameters of creativity (curiosity, risk-taking, imagination, complexity) and their relationship with the level of alexithymia. Alexithymia is interpreted as a reduced

ability to identify and verbalize emotional states in the presence of a pronounced dysfunction of emotional consciousness. The research methods were the analysis of scientific domestic and foreign psychological literature on the subject of research, psychodiagnostic testing, correlation analysis, interpretation and generalization of the data obtained. According to the results of the study, the conducted correlation analysis showed the presence of statistically significant negative relationships between the level of alexithymia and the integrative parameter of creativity, imagination and complexity. In the conclusion of the work, it is noted that rather low and average values of many parameters of creativity in boys and

For citation: Valiullina E. V. Personal aspects of creativity: the influence of the level of alexithymia // Humanities and social sciences bulletin. 2022. Vol. 3. № 3. P. 39–44.

girls who took part in the study may be due to the presence of alexithymic symptoms identified in them. Alexithymic personality type with a narrowing of the range of emotional experiences, low general curiosity, lack of desire for new experiences, etc. negatively affects the level of creativity, imagination and creative abilities of the individual.

Введение

В современной психологической науке уделяется большое внимание проблемам творчества и креативности. Ученые часто расходятся в понимании принципиальных смысловых категорий данных психологических феноменов, что сказывается на широкой вариативности толкований. Так, одни исследователи акцентируют внимание на результативной стороне творческой деятельности. В трактовке В. А. Андреева творчество представляет собой один из видов человеческой деятельности, который направлен на разрешение противоречий, решение задачи (с объективными и субъективными личностными условиями), результат которой обладает новизной и оригинальностью, личностной и социальной значимостью [1].

Процессуальную сторону творчества анализируют А. В. Брушлинский, О. К. Тихомиров, М. Е. Крошнева, Л. Н. Шейко, G. Wallas, I. Gruber и другие. М. Е. Крошнева и Л. Н. Шейко рассматривают природу творческого процесса, которая «обусловлена многими духовными характеристиками личности», такими как фантазия, интуиция, оригинальность (нестандартность), одарённость, креативное и аналитическое мышление, интеллектуальные способности и др. [11]. G. Wallas предлагает четырехфазную модель творческого процесса, выделяя ряд стадий: подготовку, инкубацию, озарение и проверку [20]. Э. Фромм, С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский и др. большое внимание уделяют личностной стороне творчества. Э. Фромм ставит спонтанную активность в основу творческого труда, «она соединяет человека с миром других людей», путем активного проявления всех его возможностей, которые есть в каждом человеке [15]. Л. С. Выготский связывает творческий (продуктивный) вид деятельности с воображением, а эффективность творческой деятельности воображения определяет прежним опытом субъекта [7].

В трактовке Е. П. Ильина креативность – это способность индивида порождать необычные идеи, находить новые оригинальные решения, отклоняться от традиционных схем мышления [10]. Е. Е. Туник рассматривает креативность (как творческие способности индивида) в контексте интеллектуальных способностей и отмечает, что это способность порождать необычные принципиально новые идеи и отклоняться от традиционных схем мышления, а также способность быстро решать проблемные ситуации [9]. Е. А. Аверина и Е. И. Щербланова выделяют критерии креативности в виде оригиналь-

Keywords: creativity, alexithymia, curiosity, risk-taking, imagination, complexity, alexithymic type, level of creativity, personality, creativity.

Conflict of interest: None declared.

Source of financing: There was no funding for this project.

ности (способности выдвигать неожиданные небанальные идеи), продуктивности (способности продуцировать максимально большое количество идей), гибкости мышления (способности переходить от явлений одного класса к другому, часто далекому по содержанию, меняя стратегию и тактику поиска) и разработанности (способности разрабатывать выдвинутые или избранные идеи) [14].

Е. П. Торренс под креативностью понимает естественный процесс, порождаемый сильной потребностью индивида в снятии напряжения, возникающего из ситуации незавершенности и неопределенности. В структуру креативности Торренс включает повышенную чувствительность к противоречиям, проблемам и дефициту знаний и соответствующие действия индивида по определению и разрешению этих противоречий и проблем (на основе выдвижения и проверки гипотез) плюс процесс формулирования результатов такого решения [13].

Таким образом, и в трудах классиков науки, и в работах современных исследователей подчеркивается значимость анализа результатов (продуктов) творческой деятельности, необходимость изучения процессуальных аспектов творческого акта, а также обязательность осмысления личностных аспектов творчества и креативности. Актуальность изучения креативности на современном этапе психологической теории и практики определяется недостаточностью концептуальных основ личностных компонентов общей креативности, оказывающих непосредственное влияние на творческий потенциал личности.

В современных исследованиях креативности можно найти работы, посвященные изучению взаимосвязи креативности с различными личностными психологическими свойствами и состояниями, нередко исследователи обращаются к взаимосвязи креативности с эмоциональной сферой личности. «Для современной науки связь между эмоциями и креативностью остается во многом сложной. Наиболее часто эмоции рассматриваются исследователями как фасилитаторы, ингибиторы или побочные продукты творчества. Гораздо реже – как непосредственно творческие продукты» [2, с. 6].

Е. Zenasni, Т. Lubart выявили связь эмоциональной креативности со сложностью идентификации эмоций, эмоциональной идиосинкразией и компонентами эмоционального интеллекта [21]. В. В. Мороз анализирует этапы креативного процесса и отмечает, что на его различных этапах имеет значение модальность эмоций (как по-

Таблица 1. Распределение респондентов по уровню выраженности алекситимии и показателей креативности

Параметры	Уровень		
	Низкий	Средний	Высокий
Общий показатель креативности	38%	59%	3%
Любознательность	24%	70%	6%
Склонность к риску	24%	67%	9%
Воображение	38%	62%	0%
Сложность	30%	67%	3%
Алекситимия	50%	39%	11%

ложительных, так и отрицательных) и обосновывает важность не только полюса эмоций, но и их амплитуды [12].

К противоположным выводам при изучении влияния вектора эмоций на творчество и креативность пришли несколько групп зарубежных ученых. Так, Isen et al. выяснили, что только положительные эмоции «благоприятствуют творческой продуктивности». Kaufmann et al. утверждают, что позитивные эмоции, напротив, мешают творческому процессу, в то время как отрицательные «помогают добиться успеха». Hirt et al. интегрировали различные исследования и пришли к выводу, что связь эмоций с креативностью зависит исключительно от задачи и различается в зависимости от того, что принимается в расчёт – качественные или количественные характеристики креативности, и «уровень активации может прямо воздействовать на творческую продуктивность или опосредовать влияние валентности эмоции» [16].

Таким образом, эмоциональный аспект имеет большое значение для креативности и как способности, и как процесса; эмоции оказывают непосредственное влияние на продуктивность креативности (как результативность творческого процесса) и эффективность креативности (как личностную составляющую творчества).

Алекситимию относят к неспецифическим факторам в формировании и развитии психосоматических расстройств и трактуют как сниженную способность в определении как собственных эмоциональных состояний (с неразвитостью рефлексивного компонента эмоций и скудностью эмоционального словаря), так и эмоций других людей [5]. В типологических характеристиках алекситимичного типа личности выделяют сложности в вербальном описании своих эмоциональных состояний, скудность эмоционального репертуара, трудность в проведении различий между телесными ощущениями и собственными чувствами, сниженную способность в распознавании эмоций других людей, а также общую «бедность» фантазии и воображения.

Объектом данного исследования является креативность личности в молодом и юношеском возрасте, предметом выступают параметры креативности и их взаимосвязь с уровнем алекситимии. С целью изучения влияния алекситимии на особенности креативности в молодом и юношеском возрасте было проведено исследование. Респондентами исследования стали молодые

люди в возрасте от 18 до 21 года (средний возраст молодых людей $19,17 \pm 0,59$), всего было опрошено 30 человек, из них 11 юношей и 19 девушек. Для реализации цели исследования применялись следующие методы: анализ научной психологической литературы по предмету исследования, психологическое тестирование, интерпретация результатов, корреляционный анализ и обобщение полученных данных. Психодиагностические методики: для исследования алекситимии как личностной характеристики применялся опросник «Торонтская алекситимическая шкала (TAS)», для изучения параметров личной креативности был использован опросник «Диагностика личной креативности Е. Е. Туник». Опросник Е. Е. Туник содержит шкалы любознательности, склонности к риску, воображения, сложности и общего интегративного показателя креативности.

Результаты исследования. Статистические результаты представлены в таблице 1.

Интегративный показатель креативности (среднее значение по шкале $56,28 \pm 15,09$) характеризует общее развитие способности к творческой деятельности, предрасположенность субъекта к созданию новых оригинальных продуктов в различных областях деятельности. Факторами, определяющими содержание и психологический смысл креативности и творчества, принято считать следующие категории: субъективность и объективность, процессуальность и результативность, внутриличностную и социокультурную обусловленность [17]. Более половины респондентов данного исследования обладают средним уровнем креативности (59%), низким уровнем – 38% и лишь 3% имеют высокий уровень интегративного показателя креативности.

Шкала «Любознательность» (среднее значение по шкале $14,72 \pm 5,26$) показывает стремление субъекта к исследованию, к расширению своего уровня общей осведомленности, активному поиску новых путей решения стандартных задач, к изучению и познанию объектов в разных сферах жизни. Юноши и девушки, принявшие участие в исследовании, показали достаточно высокие результаты по шкале, подавляющее большинство из них обладает средним (70%) и высоким (6%) уровнем любознательности, для 24% характерен низкий уровень параметра. В теории Дж. Гилфорда выделено более десятка характеристик креативности, где помимо гибкости и бе-

гости мышления, оригинальности, иррелевантности и т.д. включена «любопытность» как повышенная чувствительность к проблемам, которые не вызывают интереса у других людей [6].

Шкала «Склонность к риску» (среднее значение по шкале $16,45 \pm 4,50$) фиксирует стремление субъекта отстаивать свои взгляды и идеи несмотря на негативную реакцию других людей; способность ставить перед собой цели и активно добиваться их, «перешагивая» через возникающие трудности; спокойно относиться к возможным ошибкам и неудачам, прогнозировать и предвосхищать их; чувствительно воспринимать появляющиеся противоречия и неясности. Низкий уровень параметра показали 24% опрошенных молодых людей, 67% из них – средний и 9% высокий уровень склонности к риску.

«Чувствительность человека к противоречиям», отмечает М. Csikszentmihalyi, играет значимую роль в творческом процессе, это позволяет субъекту выделить наиболее проблемную область для решения возникших задач. Чувствительность к противоречиям выступает личностной особенностью отдельного человека, а также характеристикой обмена идеями между собеседниками (т.к. выделение противоречий возможно в процессе диалога и проблемная область обозначается в условиях обсуждения задачи) [18].

Шкала «Воображение» (среднее значение по шкале $12,31 \pm 4,68$) определяет широту процесса воображения, насколько субъект способен отойти от традиционных репродуктивных форм создания нового и представить несуществующие объекты, взглянуть на простые вещи под новым углом и т.д. Респонденты исследования продемонстрировали достаточно посредственный уровень воображения: высоким уровнем не обладает ни один из них (0%), средним – 62%, низким уровнем – 38% опрошенных юношей и девушек. Воображение как самостоятельный психический познавательный процесс имеет определенную структуру, виды, формы и т.д. Наиболее близким к параметру креативности «воображение» можно отнести творческий (продуктивный) вид воображения, который позволяет создавать новые оригинальные идеи, реализуемые в различных продуктах деятельности.

Шкала «Сложность» (среднее значение по шкале $12,92 \pm 4,77$) выявляет склонность личности к познанию необычных явлений и сложных идей; к реализации трудных целей и сложно достижимых задач замысловатым путем; предпочтение решать проблемы без посторонней помощи, проявляя при этом достаточную настойчивость и не теряя способности получать от этого процесса положительные эмоции. По результатам данного исследования, более половины опрошенных молодых людей обладают средним уровнем параметра (67% из них имеют такой результат), треть участников исследования показали

низкий уровень, и только у 3% выявлен высокий уровень сложности, как параметра креативности.

Такие характеристики шкалы «Сложность» во многом пересекаются с познавательным психическим процессом – мышление, который имеет ряд собственных свойств и характеристик, определяющих направленность, эффективность и продуктивность всей мыслительной деятельности [4]. Причем именно продуктивность выступает ведущей целью процесса мышления, а активность – основным из условий деятельности (наряду с самостоятельностью и сосредоточенностью), как и в случае со структурой творческой деятельности.

Половина опрошенных юношей и девушек (50%) обладают низким уровнем алекситимии (среднее значение по шкале $60,93 \pm 10,34$), т.е. по результатам данного исследования у них фиксируется неалекситимичный тип личности. Средний (39%) и высокий (11%) уровень алекситимии выявлен у другой половины респондентов исследования. Такие значения показывают наличие сложностей в определении и описании собственных эмоциональных состояний, дифференциации чувств и телесных ощущений, снижение способности отреагирования эмоций любых модальностей.

Этиологические модели алекситимии основаны на нескольких психологических механизмах ее развития. Так, психоаналитическая модель рассматривает алекситимию как психологический изоляционный механизм от хронического стресса. Поведенческая (бихевиоральная) модель связывает алекситимию с «научением» от алекситимичных родителей, с элементарным недостатком в знаниях «языка чувств» и относит «эмоционально неграмотными» [19]. Поведенческую и психоаналитическую модель этиологии относят к т.н. «вторичному» типу алекситимии, это приобретенная патология, возникающая вследствие сильных стрессов, психических травм, физической или психической истощаемости, неврологических или психических заболеваний. Биологическая или физиологическая модель в этиологии алекситимии описывает ее происхождение как генетически запрограммированное свойство организации НС и определяется латерализацией полушарий, специализацией когнитивных функций [8]. Данную модель этиологии трактуют как «первичный» тип алекситимии и относят к категории врожденных особенностей.

Корреляционный анализ был проведен при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена, результаты представлены в таблице 2.

Корреляционный анализ показал наличие статистически значимой отрицательной связи между показателями «воображение» и алекситимией (при $p \leq 0,05$). Обратная корреляция позволяет сделать предположение, что для субъектов с высоким и средним уровнем воображения характерен неалекситимический тип личности, а лично-

Таблица 2. Корреляционные связи параметров алекситимии и показателей креативности

Показатели креативности	Алекситимия
Общий показатель креативности	$r = -0,498^{**}$
Любознательность	$r = -0,272$
Склонность к риску	$r = -0,358$
Воображение	$r = -0,431^*$
Сложность	$r = -0,386^*$
Примечание: * – корреляция статистически значима при $p \leq 0,05$; ** – корреляция статистически значима при $p \leq 0,01$	

сти с алекситимическими чертами обладают достаточно ограниченным воображением, сказывающимся на общем уровне креативности.

Существуют данные, что «... мечты алекситимических индивидов характеризуются фантазиями, которые окрашены чувством вины и дисфории, а не конструктивными фантазиями с желанием и стремлением к реализации» [3, с. 15]. Мечты выступают действенным мотивирующим фактором для человека, творческое воображение и креативность базируется на знаниях и личном опыте субъекта, а при наличии алекситимии такие фантазии приобретают специфические оттенки.

Между показателями алекситимии и значениями шкалы «сложность» получена значимая отрицательная корреляция (при $p \leq 0,05$). Лица с выраженными алекситимическими чертами не склонны к активному творческому преобразованию действительности, слабо способны к решению сложных креативных задач, а представления и образы у них возникают на основе того, что уже запечатлено в памяти, пассивном воображении; эмоциональная «чувствительность» к возникающим неясностям и противоречиям у молодых людей будет значимо снижена. Статистически значимая отрицательная взаимосвязь выявлена между показателями общей креативности и значениями алекситимии (при $p \leq 0,01$). При высоких и средних значениях общего уровня креативности показатели алекситимии находятся в пределах неалекситимического типа. Наличие алекситимии становится значимым фактором в снижении творческих способностей и общей креативности личности.

Заключение. Психологические исследования феномена креативности характеризуются многоаспектностью и разнообразием изучаемых явлений, с параметрами креативности сопоставляются и коррелируют многие психические конструкты, среди которых интеллектуальные, эмоциональные и личностные [10]. Теоретическая значимость работы определяется расширением фактических данных о креативности личности, о том, какое влияние на общий уровень и параметры креативности могут оказывать алекситимия и алекситимический тип личности. Практическая значимость заключается в рекомендации к использованию результатов исследова-

ния в разработке программ развития общей креативности, программ коррекции и психотерапии алекситимии, в психодиагностике компонентов и личностных аспектов креативности.

Личностям с высоким уровнем креативности не свойственны алекситимические черты (как устойчивые характеристики). Такие субъекты могут испытывать сложности при идентификации и переживании эмоций, но причины возникновения этих состояний не связаны с алекситимией. Алекситимический тип личности обладает скудной фантазией, бедным воображением, слабой любознательностью, не стремится к новым впечатлениям и не способен найти деятельность, приносящую удовольствие. Сужение спектра эмоциональных переживаний при алекситимии негативно сказывается на уровне воображения и возможностях активного представления.

Скудность и бедность фантазии, сниженную способность к символизации при алекситимии часто связывают с биологической (физиологической) моделью в ее этиологии, что коррелирует с низким уровнем общей креативности личности и согласуется с результатами данного исследования. При такой форме развития алекситимии роль играет латерализация полушарий головного мозга и нарушение межполушарного взаимодействия, когда левое полушарие не распознает эмоциональные переживания, возникающие в правом полушарии. К «правополушарной» активности принято относить чувственное восприятие, художественное мышление, творческие способности, ориентацию в пространстве, целостное «схватывание» поступающей информации и прочее.

Учитывая результаты проведенного исследования, для коррекции алекситимических проявлений, преодоления алекситимических барьеров или психотерапии алекситимии (при условии формирования «вторичных» ее форм) целесообразно применять методы преимущественного воздействия через эмоционально-волевую сферу с использованием средств творческого (креативного) содержания, например, методы арт-терапии: музыкотерапию, куклотерапию, изотерапию, сказкотерапию, танцевальную терапию, словотерапию и т.д.

Источники и литература / Sources and references

1. Андреев В. И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности. Казань: Изд-во КГУ, 1988. 180 с.
2. Андреева И. Н. А65 Азбука эмоционального интеллекта. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 288 с.
3. Алекситимия и методы ее определения при пограничных психосоматических расстройствах / сост. Д. Б. Ереско, Г. Л. Исурина и др. СПб.: Психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева, 2005. 25 с.
4. Валиуллина Е. В. Зависимость понятийного мышления от качественных характеристик его активности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 99-103.
5. Валиуллина Е. В. Компоненты эмоционального интеллекта в юношеском возрасте // Вестник Белгородского института развития образования. 2020. Т. 7. № 3 (17). С. 85-93.
6. Воображение. Понятие воображения и креативности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://studme.org/14711119/psihologiya/voobrazhenie> (Дата обращения: 21.07.2022).
7. Выготский Л. С. Психология развития. М.: Юрайт, 2019. 281 с.
8. Гаранян Н. Г., Холмогорова А. Б. Концепции алекситимии (обзор зарубежных исследований) // Журнал социальной и клинической психиатрии. 2003. № 1. С. 139.
9. Диагностика личностной креативности по методике Е. Е. Туник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://4brain.ru/blog/диагностика-личностной-креативности> / (Дата обращения: 21.07.2022).
10. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2009. 434 с.
11. Крошнева М. Е., Шейко Л. Н. Творчество как процесс // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2014. № 4 (68). С. 14-19.
12. Мороз В. В. Эмоции как аксиологический фактор развития креативности студентов университета // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. №1. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/09PVN115.pdf> (Дата обращения: 11.05.2022).
13. Психология творчества и одаренности. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 15-17 ноября 2021 года, г. Москва, в 3-х частях / Под ред. Д. Б. Богоявленской / М.: Ассоциация технических университетов, 2021. 320 с.
14. Савенков А. И. Психология детской одаренности. М.: Генезис, 2010. 440 с.
15. Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990. 415 с.
16. Эмоции и креативность [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://psyera.ru/emocii-i-kreativnost_8684.htm (Дата обращения: 14.08.2022).
17. Яголковский С. Р. Психология креативности и инноваций. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 158 с.
18. Csikszentmihalyi M. Implications of a systems perspective for the study of creativity // Handbook of creativity / R. J. Sternberg (ed.). Cambridge University Press, 1999. P. 313-335.
19. Linden R. Timoney, Mark D. Holder. Emotional Processing Deficits and Happiness: Assessing the Measurement, Correlates, and Well-Being of People with Alexithymia SpringerBriefs in Well-Being and Quality of Life Research // Springer Science & Business Media. 2013. P. 7.
20. Wallas G. The art of thought // Creativity. Education. 1970. P. 91-97.
21. Zenasni F., Lubart T. Perception of emotion, alexithymia and creative potential // Personality and Individual Differences. Vol. 46. Issue 3. February, 2009. P. 353-358.

Информация об авторе:

Валиуллина Евгения Викторовна, кандидат психологических наук, доцент; Кемеровский государственный медицинский университет, доцент кафедры психиатрии, наркологии и медицинской психологии;

e-mail: valiullinajv@ya.ru. [Orcid.org/0000-0003-2915-7258](https://orcid.org/0000-0003-2915-7258)

Вклад в статью: текст в полном объеме написан автором.

Author information:

Valiullina Evgeniya Viktorovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor; Kemerovo State Medical University, Associate Professor of the Department of Psychiatry, Narcology and Medical Psychology

e-mail: valiullinajv@ya.ru [Orcid.org/0000-0003-2915-7258](https://orcid.org/0000-0003-2915-7258)

Contribution to the article: the text in full is written by the author.

УДК 332.12

Кудряшова И.А., Харлампенков Е.И., Сударьянто Янто

МЕДИЦИНА КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ УГЛЕДОБЫВАЮЩЕГО РЕГИОНА

Аннотация

Предметом исследования является оценка возможностей и позиционирования медицины Кузбасса в развитии региональной экономики. В последнее время происходит переоценка импульсов и драйверов экономического развития таких моносырьевых субъектов РФ, как Кузбасс. На смену их ресурсной направленности приходит необходимость поиска новых форм и содержания, включающих не только «монетизацию», но и «социализацию» получаемых эффектов. С учетом общемировой тенденции в направлении «сервисизации» экономики, развития IT-технологий чрезвычайно возрастает актуальность данной проблематики применительно к медицине в Кузбассе, которая выступает объектом данного исследования. Методология исследования включает в себя элементы эмпирического и теоретического анализа, а также социально-экономические положения об объективных тенденциях развития региональной, национальной и мировой экономики, о переоценке импульсов и ресурсов развития территории. Концептуальную основу исследования составляет теория новой экономики, обоснование институтов, организационных механизмов и инструментов инновационного развития которой позволит сформировать адекватную региональную экономическую политику определенной территории моносырьевой направленности. В статье использованы методы индукции и дедукции, анализа и синтеза по исследованию состояния медицины в Кемеровской области, выявлены тенденции её развития, положительные и негативные факторы, способствующие или препятствующие устойчивому росту.

Научная новизна состоит в том, что впервые на основе анализа зарубежных подходов модернизации сферы медицины предложены инновационные инструменты реформирования данной отрасли на муниципальном и региональном уровнях в целях создания новых рабочих мест, повышения качества жизни в Кузбассе. Результатом исследования является доказательство тезиса о том, что медицина в Кузбассе способна стать драйвером развития муниципальной и региональной экономики и обеспечить социализацию получаемых эффектов не только в плане качественного предоставления медицинских услуг, стабилизации оттока пациентов для лечения в другие регионы и возможности привлечения пациентов из других регионов и даже стран, выступить стимулом становления и ускорения новых, несвойственных региональной экономике отраслей: медицинского туризма с сетью санаториев и реабилитационных центров, фармацевтической промышленности и медицинского машиностроения. Общим выводом является утверждение, что медицинский драйвер позволит создать новые рабочие места, повысить качество жизни в Кузбассе в целях ускорения социально-экономического развития горнодобывающего региона.

Ключевые слова: драйвер, точки роста, медицина, здравоохранение, телемедицина, медицинская логистика, научные центры, биомедицинский кластер, муниципальная экономика, региональная экономика.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Кудряшова И. А., Харлампенков Е. И., Сударьянто Я. Актуальные аспекты развития медицины в угледобывающем регионе// Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 3. С. 45–51.

Статья поступила в редакцию 08.06.2022 г.

ECONOMY

KUDRYASHOVA I. A., KHARLAMPENKOV E. I., SUDARYANTO YANTO

CURRENT ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF MEDICINE IN THE COAL MINING REGION

Annotation

The subject of the study is to assess the capabilities and positioning of Kuzbass medicine in the development of the regional economy. Recently, there has been a reassessment

of the impulses and drivers of economic development of such single-resource subjects of the Russian Federation as Kuzbass. Their resource orientation is replaced by the need to search for new forms and content, including not only "mone-

For citation: Kudryashova I. A., Kharlampenkov E. I., Sudaryanto Yanto Actual aspects of the development of medicine in the coal mining region// Humanities and Social Sciences Bulletin. 2022. Vol. 3. №3. P. 45–51.

tization", but also "socialization" of the effects obtained. Taking into account the global trend towards the "servicization" of the economy, the development of IT technologies, the relevance of this issue in relation to medicine in Kuzbass, which is the object of this study, is extremely increasing. The research methodology includes elements of empirical and theoretical analysis, as well as socio-economic provisions on objective trends in the development of the regional, national and world economy, on the reassessment of impulses and resources for the development of the territory. The conceptual basis of the research is the theory of the new economy, the substantiation of institutions, organizational mechanisms and instruments of innovative development of which will make it possible to form an adequate regional economic policy of a certain territory of a single-resource orientation. The article uses methods of induction and deduction, analysis and synthesis to study the state of medicine in the Kemerovo region, identifies trends in its development, positive and negative factors that contribute to or hinder sustainable growth. The scientific novelty consists in the fact that for the first time, based on the analysis of foreign approaches to the modernization of the field of medicine, innovative tools for reform-

ing this industry at the municipal and regional levels are proposed in order to create new jobs and improve the quality of life in Kuzbass. The result of the study is proof of the thesis that medicine in Kuzbass is able to become a driver of the development of municipal and regional economies and ensure the socialization of the effects obtained not only in terms of quality provision of medical services, stabilization of the outflow of patients for treatment to other regions and the possibility of attracting patients from other regions and even countries, to act as an incentive for the formation and acceleration of new unusual regional economy of industries: medical tourism with a network of sanatoriums and rehabilitation centers, pharmaceutical industry and medical engineering. The general conclusion is that the medical driver will create new jobs, improve the quality of life in Kuzbass in order to accelerate the socio-economic development of the mining region.

Keywords: driver, growth points, medicine, healthcare, telemedicine, medical logistics, research centers, bio-medical cluster, municipal economy, regional economy.

Conflict of interest: None declared.

Sources of funding: There was no funding for this project.

Введение

Актуальность проблемы

Невозможно не отметить, что в настоящее время в России складывается весьма сложная ситуация в сфере здравоохранения, ярко проявляется проблема низкой социально-экономической эффективности отрасли. Качество и доступность медицинской помощи на некоторых территориях не соответствуют даже минимальным социальным стандартам, в которых гарантом исполнения выступает государство [1]. В ряде публикаций ученых последних лет происходит изменение воззрений на экономическое развитие Кузбасса, переоценка импульсов и ресурсов развития территории.

Среди признанных в мире инструментов инновационного развития, таких как «коридоры развития», «вытягивающие проекты», межгородские агломерации, «зеленые города», «умные города» и др., важно охарактеризовать инновационные инструменты, функционирующие в сфере медицины и здравоохранения на региональном уровне.

Еще лет десять назад драйвером развития в большинстве регионов страны считалась промышленность по добыче или переработке полезных ископаемых. Но времена меняются с учетом общемировой тенденции в направлении «сервисизации» экономики, развития IT-технологий, когда ускоренное развитие сферы услуг или программных продуктов обеспечивает существенную долю во внутреннем региональном продукте. На современном этапе актуальной задачей является поиск новых драйверов развития региональной экономики.

Предметом исследования является оценка возможностей и позиционирования медицины Кузбасса в развитии региональной экономики.

Объектом данного исследования выступает медицина в Кузбассе, которая наряду с туризмом представляется авторам основой сервисизации региональной экономики в перспективе.

В числе последних инструментов инновационного развития в регионе следует назвать: созданный в 2014 году биомедицинский кластер, медицинские центры (ФГБНУ «Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний», Центр здоровья шахтеров, клиники Кемеровского государственного медицинского университета на базе Новокузнецкого ГИДУВ, Областной клинической больницы и ряде других медицинских учреждений), НОЦ Кузбасс, Кузбасский технопарк.

В последние годы функция драйвера в регионе была определена такому новому институту, как НОЦ Кузбасс.

Научно-образовательный центр мирового уровня «Кузбасс» был создан в 2019 году как совместная программа действий всего региона по повышению конкурентоспособности российских товаров и услуг на мировых рынках для разработки проектов и программ опережающего развития и перехода экономики Кемеровской области - Кузбасса к новому технологическому укладу, а также для содействия органам государственной власти региона в формировании эффективной системы управления по синхронизации процессов исследований, инноваций,

производства и вывода на рынок, обеспечению трансфера прав и объектов интеллектуальной собственности научно-образовательных организаций Кемеровской области – Кузбасса.

В рамках нового «брендинга» Кузбасса НОЦ Кузбасс призван стать локомотивом поступательного развития не только научной и образовательной составляющей региональной экономики, но и важнейшим институтом-катализатором для развития бизнеса, включая ранее «убежавших» из региона субъектов малого и среднего предпринимательства. Среди 9 научных направлений развития НОЦ Кузбасс приоритетный характер приобретает направление «Создание основ персонализированной медицины, высокотехнологичного здравоохранения и технологий здоровьесбережения», закрепленное за ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава Российской Федерации.

Целью исследования является поиск новых драйверов развития экономики угледобывающего региона.

Методология исследования включает в себя элементы эмпирического и теоретического анализа, а также социально-экономические положения об объективных тенденциях развития региональной, национальной и мировой экономики, о переоценке импульсов и ресурсов развития территории. Концептуальную основу исследования составляет теория новой экономики, обоснование институтов, организационных механизмов и инструментов инновационного развития которой позволит сформировать адекватную региональную экономическую политику определенной территории моносырьевой направленности с учетом сервисизации.

Мы разделяем позицию Ю.А. Фридмана, Речко Г.Н. и др. в отношении неправомерности «противопоставлять ресурсное и инновационное развитие Кузбасса, и то, что главная проблема заключается не в отказе от ресурсного направления роста, а в формировании его нового качества, включающего не только «монетизацию», но и «социализацию» получаемых эффектов, конвертацию инноваций не только в прибыль для инвесторов, но и в качество жизни.

Среди показателей, снижающих рейтинги Кемеровской области в Российской Федерации в последние годы, следует отметить, помимо финансовых, индикаторы социального блока (здравоохранение, образование, развитие социально-значимого транспорта, инфраструктуры и ЖКХ).

Достаточно часто качество здравоохранения определяется количеством больничных коек на 1000 человек населения региона. Несмотря на его важность с учетом развития современных медицинских технологий этот показатель уже не является достаточно адекватным и может быть заменен на уровень обеспеченности лечебных учреждений врачами и средним медперсоналом в расче-

те на 1000 человек. Другим системообразующим показателем, отражающим качество жизни не только в РФ и ее субъектах, но и в большинстве стран мира, выступает доля государственных и региональных расходов на здравоохранение в национальном бюджете.

В работе для анализа существующей ситуации областной медицины, проблем и перспектив развития, возможности использования зарубежного опыта и разработки основных направлений развития формируемого драйвера использованы **методы анализа и синтеза, индукции и дедукции**.

Результаты исследования

По оценкам вице-премьера РФ Татьяны Голиковой расходы на здравоохранение в России в 2020 году без учета затрат на частную медицину оценивались около 3,8% ВВП, а в 2021 г. – 5,2% или более 1,1 трлн руб. [3, 4].

По данным научного журнала Lancet, по проблематике расходов на медицину по всему миру, на здоровье каждого человека в России тратится около \$570. Это несколько выше, чем в Китае и некоторых других странах второго эшелона, но ниже, чем в большинстве стран Европы. За последние 30 лет этот показатель вырос вдвое: в 1990-х годах он составлял около \$300 [3]. При этом ВВП РФ за этот же период по прогнозным оценкам возрос почти в 19 раз! (с 91,625 млрд долл. в 1992 г. до 1,78 трлн долл. в 2021 г.) [6,7]. При условии, что роста численности населения в РФ в этот период не происходило, налицо – **существенное (почти десятикратное!)** отставание темпов роста государственного финансирования здравоохранения от динамики роста ВВП.

Расходы на здравоохранение в России – одни из самых низких в мире, при этом заболеваемость населения растет. Главный педиатр России доктор Леонид Рошаль говорил, что проблемы медицины невозможно будет решить без повышения расходов на нее до 5–6% ВВП [6].

По его данным, на фоне пандемии COVID-19 в 2020 году Россия увеличила расходы на здравоохранения до 4% от ВВП, в 2021 году до 5,2%. При этом в развитых странах на здравоохранение тратят в среднем 8-10% от ВВП [8].

Актуальность данной проблемы усилена пандемией, охватившей весь мир в последний год, вызвавшей необратимые последствия в гуманитарной сфере и поставившей необходимость трансформации медицинской отрасли в число приоритетов на современном этапе. Так, по данным Росстата, в январе–ноябре 2020 г. смертность на 1000 чел. населения в 1,5 раза превысила показатель рождаемости 2019 года (14,0 против 9,7 чел.) и вдвое показатель естественной убыли населения (574,8 тыс. чел. в 2020 г. против 285,7 тыс. чел. в 2019 г.) [10]. В последующий период с января по декабрь 2021 г. смертность на 1000 чел. населения в 1,68 раза превысила показатель

рождаемости 2021 года (16,2 против 9,6 чел.), при этом коэффициент естественной убыли населения составил -6,6 по сравнению с -3,8 в 2020 году [11].

Условия распространения новой коронавирусной инфекции повлияли в той или иной мере на все сферы жизни общества. Но наибольшее влияние отразилось на системе здравоохранения, недостатки которой проявились особенно остро. Нехватка необходимого оборудования и оснащения, дефицит кадров, низкая мобильность системы, отсутствие мер стимулирующего характера в связи с увеличением нагрузки для медицинских работников — все это потребовало поиска новых подходов к управлению здравоохранением и привлечения дополнительного финансирования федерального и регионального уровней [12].

Важным аспектом развития территории является повышение качества жизни, отражающее степень удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей, одной из составляющих которых является уровень развития регионального здравоохранения.

Для обеспечения выполнения стратегических приоритетов развития региона Стратегией социально-экономического развития Кемеровской области на период до 2035 года обозначены ключевые принципы, среди которых важнейшие связаны с обеспечением «Социальной ответственности», «Экологичности и здоровья населения, а также качества жизни, продукции и услуг. Новая роль угольной промышленности отражена в платформе «Чистый уголь — зеленый Кузбасс». Для достижения приоритета по формированию Кузбасса как центра высокого качества жизни, обозначенного данным программным документом, определены его основные составляющие, среди которых важнейшим является центр развития здравоохранения.

По нацпроекту «Здравоохранение» в Кемерове в 2020 году открылась детская поликлиника, в Новокузнецке введена в эксплуатацию поликлиника Клинического онкологического диспансера. Кроме того, в Новокузнецке построена и в 2021 году введена в строй современная инфекционная больница на 250 коек. В Кемерове в этот же период введен новый корпус инфекционной больницы, а также новые корпуса онкодиспансеров в Кемерове и Новокузнецке и кардиоцентр в Новокузнецке. Ведется активное строительство поликлиник в городах области, а также ФАПов в сельских поселениях [13].

В 2020 году в Кузбассе были открыты 34 фельдшерско-акушерских пункта и две врачебные амбулатории. Заменен 81 автомобиль региональной службы скорой помощи. Сейчас парк состоит из 235 «скорых». Полностью укомплектована служба наземной санитарной авиации: в ее составе 13 реанимобилей, с помощью которых можно транспортировать крайне тяжелых больных. На большие расстояния, когда своевременная эвакуация по

земле невозможна с середины 2021 года в рамках программы «золотого часа» используется эвакуация вертолетом, в территориях области подготовлены к эксплуатации 22 вертолетных площадки и приобретены два вертолета среднего класса «Ансат» с медицинскими модулями, способных эвакуировать самых тяжелых пациентов из любой точки области. [13, 14].

В медицинские организации в 2021 году поступило современное оборудование, в том числе 10 мобильных флюорографов и 10 мобильных маммографов, 7 цифровых стационарных флюорографов и 5 цифровых стационарных маммографов [13].

Использование зарубежного опыта достаточно позитивно отражается во многих сферах, в том числе и в медицине. Традиционно российская медицина ориентировалась на опыт США и Западной Европы. Однако интенсивное развитие стран Юго-Восточной Азии, включая социальную сферу, заставляет обратить пристальное внимание на их опыт развития медицины. Достаточно интересный опыт в области медицины накоплен в Индонезии, которой прочат роль «азиатского тигра». Можно выделить несколько направлений развития медицины, опыт которых интересен для кузбасского здравоохранения. Позитивная динамика развития рынка медицинских услуг обусловлена растущей доступностью медицинских услуг в стране. В условиях роста экономики стран АСЕАН Индонезия с ее 247 миллионами населения является одним из наиболее привлекательных рынков для инвестирования в сферу здравоохранения. В настоящее время идет процесс консолидации частных клиник, что позволяет предложить пациентам разнообразные медицинские услуги, причем не только в Джакарте, но и в других городах страны, таких как Бандунга и Сурабая. Привлечению пациентов способствует активное развитие медицинского туризма, чему способствуют современное оснащение медицинских клиник, наличие гостиничной и транспортной инфраструктуры, живописные пляжи Бали и других островов Индонезии [14].

Активно развиваются в Индонезии новые технологии, основанные на цифровизации, такие как телемедицина. Телемедицина стала одним из наиболее важных инструментов в борьбе Индонезии с COVID-19. Пандемия побудила Министерство здравоохранения страны выпустить циркулярное письмо, касающееся организации медицинских услуг путем использования информационно-коммуникационных технологий для предотвращения распространения коронавирусной инфекции (COVID-19), что позволило врачам предоставлять услуги пациентам с помощью телемедицинских технологий. В стране достаточно активно внедряется интернет-служба, соединяющая данные пациентов из служб первичной медико-санитарной помощи с медицинскими учреждениями с более высокими медицинскими услугами (горизонтальными

и вертикальными). Она внедряется на национальном уровне с 2016 года и включает ввод данных о пациенте в режиме реального времени и быстрое реагирование на состояние его здоровья. В 2020 году SISROUTE (интернет-служба) была внедрена в 11 388 медицинских учреждениях по всей Индонезии, включая 2962 больницы и 7588 центров первичной медико-санитарной помощи, что позволяет оперативно оказывать медицинскую помощь. Тем не менее, развитие цифровых технологий сталкивается с необходимостью развития цифровой инфраструктуры страны, и в данной области в стране имеется ряд как технических, так и экономических проблем, аналогичным российским [15]. Данный опыт, с учетом определенных трансформаций, представляет несомненный интерес для кузбасской медицины в рамках создания драйвера развития.

Экономическая задача каждого российского региона – стать самодостаточным, что позволит ему экономически решать проблемы собственного развития, привлекая в регион инвестиции для создания высококонкурентных предприятий. В этом случае инновационное развитие региона позволит на первоначальном этапе снизить объем трансферов, поступающих из федерального бюджета.

Понятно, что Кузбасс еще на долгие годы сохранит за собой лидирующие позиции угледобывающего края, но проблема состоит в том, что большинство угольных предприятий Кузбасса зарегистрированы или в других регионах, или в других странах, соответственно налоги от их деятельности либо не поступают в регион вообще, либо возвращаются частично и косвенно в виде дотаций или средств, выделяемых на строительство объектов в рамках реализации федеральных программ и проектов. Соответственно руководству области необходимо осуществлять поиск новых драйверов развития, базирующихся на субъектах малого и среднего предпринимательства, пополняющих налоговыми поступлениями областную казну. Одним из таких драйверов в последнее время становится туризм и развитие горнолыжных курортов. Но одно направление развития экономики, львиную долю которого составляют предприятия малого и среднего бизнеса, каким бы привлекательным оно ни было, не может быть единственным драйвером развития. Вторым драйвером развития региона может стать медицина.

Отрасль здравоохранения отражает один из главных индикаторов качества жизни в регионе, является важнейшим фактором развития человеческого капитала.

Современное развитие здравоохранения области, как отмечено в Стратегии, должно базироваться как на современных инновационных технологиях, цифровых технологиях, так и на развитии кадрового и научного потенциалов медицинского сообщества. Развитие здравоохранения, по мнению первых лиц государства, возможно

на основе государственно-частного партнерства, доказавшего в ряде регионов свою эффективность.

Возможность превращения медицины в драйвер развития региона базируется на следующих положительных аспектах, присутствующих в области:

- наличие достаточно развитой лечебной базы в регионе, представленной государственными учреждениями здравоохранения, частными медицинскими центрами и клиниками, имеющими сравнительно высокий потенциал оснащения врачами и средним медицинским персоналом, хорошую материально-техническую базу, развитый коечный фонд, что дает возможность пациентам получать как лечение в стационаре, так и амбулаторно;

- тесная связь практической врачебной работы с научно-исследовательской деятельностью как в области разработки технологий лечения, так и в области фундаментальных медико-биологических исследований, позволяющая раскрыть механизмы тех или иных заболеваний и выработать методику их лечения. В этом плане у Кузбасса высокий потенциал. Научная деятельность объектов здравоохранения ведется как в рамках медицинских центров, например, в Кардиологическом центре на базе ФГБНУ «Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний», в Центре здоровья шахтеров, в клиниках Кемеровского государственного медицинского университета, в Новокузнецком государственном институте усовершенствования врачей (Филиале ФГБОУ ДПО «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования» Министерства здравоохранения Российской Федерации), в Областной клинической больнице и ряда других медицинских учреждений. В Кемеровской области функционируют три центра трансплантации, проводящих трансплантации почек, печени и сердца, органично сочетающих научную и клиническую деятельность;

- постоянное повышение квалификации медицинского персонала в рамках циклов переподготовки и образовательных программ, участия в конгрессах, симпозиумах, показательных операциях и лечебных процедурах, проводимых ведущими отечественными и зарубежными специалистами с использованием возможностей телемедицины;

- развитие цифровых технологий в области здравоохранения, что способствует более интенсивному лечению больных, оперативному проведению медицинских консилиумов;

- наличие традиционных центров компетенций и подготовки кадров для медицины – ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России (в 2020 году вуз отметил свое 65-летие), и учреждений среднего профессионального медицинского образования во многих городах Кузбасса, обеспечивающих приток медицинских кадров в лечебные учреждения и снижающих общенациональную проблему

нехватки профильных специалистов в области здравоохранения;

- сложившиеся тесные связи и кооперация ряда лечебных учреждений с санаториями, обеспечивающие реабилитационный цикл лечения пациентов. Можно говорить о предпосылках создания медицинского подкластера – территориального кластера медицинского туризма, объединяющего клиники, гостиницы и санатории с развитыми комплексами сервиса услуг, способными сочетать реабилитационное лечение и отдых [16, 17].

Актуальные условия распространения новой коронавирусной инфекции определяют беспрецедентное стимулирование цифровизации, повышение ценности информации и некоторые экологические достижения (улучшение качества воздуха, снижение выбросов углекислого газа, чистота туристических объектов и т.д.).

Зарубежные исследователи отмечают, что вспышка заболевания приводит к формированию «новой нормы» не только в здравоохранении, но и в работе, образовании, сферах развлечения и досуга, онлайн-торговле, сегменте sharing economy (экономики совместного потребления), и повышает ценность информации [18].

Наряду с положительными в области здравоохранения Кузбасса имеются и отрицательные факторы, которые необходимо преодолеть в ближайшее время. К ним можно отнести следующие:

- значительный отток выпускников медицинского университета и медучилищ, молодых врачей и квалифицированных специалистов в другие регионы, что связано с экономической ситуацией в регионе в целом, являющимся по сути зависимым от угледобычи монорегионом. Это ведет как к старению кадров, невозможностью их быстрой замены, отсутствием узких специалистов, потере приоритетов по ряду направлений лечебной деятельности;

- низкий уровень развития промышленной базы в данной сфере, отсутствие медицинского машиностроения, способного выпускать современное медицинское оборудование, имплантаты с использованием современных биоматериалов и 3D печати, специализированные средства индивидуальной защиты и другое медицинское оснащение. В настоящий момент имеется ряд современных разработок кузбасских ученых, востребованных медицинской, но их производство единичное или малосерийное ввиду отсутствия производственных мощностей;

- практическое отсутствие фармацевтической промыш-

ленности, некогда довольно развитой в области, что заставляет медицинские учреждения области завозить практически все медикаменты из других регионов или из-за рубежа;

- отсутствие современной клиники, единого госпиталя в составе медицинского университета, разбросанность учебной базы по различным медучреждениям, не способствующие системной разработке комплексных программ развития регионального здравоохранения, определению магистральных путей его развития;

- низкий уровень развития медицинской логистики и отсутствие единого информационного обеспечения между различными медучреждениями, что препятствует сокращению времени ожидания больного в приемном покое и ускорению его лечения;

- недостаточная укомплектованность парка автомобилей скорой помощи, также неблагоприятно отражающаяся на эффективности медицинской логистики;

- нерациональное реформирование регионального здравоохранения, приведшее, с одной стороны, во многих случаях к ослаблению основного звена – лечебной деятельности, с другой стороны – к усилению административного звена и снижению эффективности и качества оказания медицинской помощи.

Наличие негативных факторов создаёт большие риски, препятствующие приходу инвестиций частного бизнеса в данную сферу.

Выводы

В статье на примере Кемеровской области–Кузбасса исследовано состояние медицины, выявлены основные тенденции её развития, положительные и негативные факторы, способствующие или препятствующие устойчивому росту. В условиях продолжающегося роста оттока пациентов для лечения в другие регионы и замедления темпов роста социально-экономического развития Кузбасса отрасль здравоохранения в полной мере может и должна стать драйвером регионального развития не только в плане качественного предоставления медицинских услуг, возможности привлечения пациентов из других регионов и даже стран, но и выступить стимулом диверсификации региональной экономики в направлении формирования и ускорения развития новых отраслей: медицинского туризма с сетью санаториев и реабилитационных центров, фармацевтической промышленности и медицинского машиностроения [19].

Источники и литература / Sources and references

1. Акчурина И.Г., Терешина Д.Г. Анализ реализации государственных и муниципальной программ развития здравоохранения (на примере Братска) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019 № 1. с. 9–16.
2. Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Логинова Е.Ю., Экономический ребрендинг и стратегия развития региона: кузбасская модель // Региональная экономика. Юг. России, 2018. №1 (10), с. 139–149.
3. Голикова: расходы на здравоохранение в России в 2020 году составят 3,8% ВВП [Эл. ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8788529> (дата обращения 15.02.2022).
4. На финансирование здравоохранения направят свы-

- ше 3,3 трлн руб. в 2021–2023 годах URL: https://tass.ru/ekonomika/9484327?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 15.04.2022).
5. ВВП России по годам: 1991 – 2021. Объем и динамика [Эл. ресурс]. URL: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/> (дата обращения 15.04.2022).
 6. Леонид Рошаль призвал не сокращать расходы на здравоохранение [Эл. ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/08/27/leonid-roshal-prizval-ne-sokrashchat-rashody-na-zdravoohranenie.html> (дата обращения 15.02.2022).
 7. ВВП России по годам: 1991 – 2022 URL: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/>.
 8. Улумбекова Г.Э., Гинойн А.Б., Калашникова А.В., Альвианская Н.В. Финансирование здравоохранения в России (2021–2024 гг.) URL: <https://www.vshouz.ru/journal/2019-god/finansirovanie-zdravoohraneniya-v-rossii-2021-2024-gg> (дата обращения 15.04.2022).
 9. Леонид Рошаль заявил о необходимости уравнивать финансирование регионального здравоохранения [Эл. ресурс]. URL: <https://lib.medvestnik.ru/> (дата обращения 17.02.2021).
 10. Информация о социально-экономическом положении России: 2020 год [Эл. ресурс]. URL: <http://rosstat.gov.ru> (дата обращения 15.02.2021).
 11. Росстат опубликовал данные о естественной убыли населения в 2021 году URL: <https://ria.ru/20220128/uby1-1770083040.html> (дата обращения 12.04.2022).
 12. Борисова Д.Е. Управление здравоохранением регионов в условиях распространения новой коронавирусной инфекции // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020 № 4 с. 19–24.
 13. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области на период до 2035 года [Эл. ресурс]. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/76913466> (дата обращения 12.04.2022).
 14. Кузбасс начал подготовку к строительству 22 вертолетных площадок для санавиации в 2021 году URL: <https://ako.ru/news/detail/kuzbass-nachal-podgotovku-k-stroitelstvu-22-vertoletnykh-ploshchadok-dlya-sanaviatsii-v-2021-godu> (дата обращения 15.04.2020).
 15. Биомедицинские кластеры в мире: факторы успеха и истории лучших / Е. А. Исланкина, Е.С. Куценко, Ф. Н. Филина, В. И. Панкевич и др.; Фонд Международного медицинского кластера; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2019 — 160 с.
 16. Начева Л.В., Кудряшова И.А. Современный мир: системный подход к состоянию природы и распространению гельминтов в угольном регионе Кузбасс: в сборнике: Современный мир, природа и человек. сборник материалов XX Международной научно-практической конференции. 2021. С. 245–259.
 17. Кудряшова И.А., Логинова А.В. Цифровые инструменты кластерной политики в добывающих регионах (на примере Кемеровской области). В сборнике: Системы автоматизации в образовании, науке и производстве. AS'2019. Труды XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). под общ. ред. С.М. Кулакова, Л.П. Мышляева. 2019. С. 53–55.

Информация об авторах:

Кудряшова Ирина Анатольевна, ФГБОУ ВО Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ, профессор кафедры общественного здоровья, организации и экономики здравоохранения им. профессора А.Д. Ткачева; e-mail: kudrina2007@mail.ru, ORCID 0000-0003-1499-8601.

Вклад в статью: разработка концепции исследования, работа с источниками, интерпретация данных, критический анализ и утверждение окончательной версии статьи.

Харлампенков Евгений Иванович, ФГБОУ ВО Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ, доцент кафедры медицинской и биологической физики и высшей математики; e-mail: kotk123@yandex.ru; ORCID 0000-0002-7306-9434.

Вклад в статью: получение и интерпретация данных, подбор и изучение литературы, работа с источниками, написание статьи.

Сударьянто Янто, профессор Государственного университета им. Бравиджая (Индонезия, Восточная Ява, г. Маланг); e-mail: syanto@yandex.ru.

Вклад в статью: разработка концепции исследования, интерпретация данных.

Authors information:

Kudryashova Irina Anatolyevna, Kemerovo State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Professor of the Department of Public Health, Organization and Economics of Healthcare named after Professor A.D. Tkachev; e-mail: kudrina2007@mail.ru, ORCID 0000-0003-1499-8601.

Contribution to the article: development of the research concept, work with sources, interpretation of data, critical analysis and approval of the final version of the article.

Kharlampenkov Evgeny Ivanovich, Kemerovo State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Medical and Biological Physics and Higher Mathematics; e-mail: kotk123@yandex.ru; ORCID 0000-0002-7306-9434.

Contribution to the article: obtaining and interpreting data, selecting and studying literature, working with sources, writing an article

Sudaryanto Yanto, Professor of the State University named after Bravijaya (Indonesia, East Java, Malang); e-mail: syanto@yandex.ru.

Contribution to the article: development of the research concept, interpretation of data.

УДК 811.161.1
Грунина Л. П.

МОТИВ ДОРОГИ В ЛИРИКЕ Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА

Аннотация

Предметом исследования в статье является языковое воплощение одного из ведущих мотивов ранней лирики Р. И. Рождественского. Стилистический аспект анализа содержания мотива всегда требует балансирования при описании языкового материала на грани двух областей филологического знания – лингвистики и литературоведения. В качестве единицы такого интегративного анализа в исследовании выбирается мотив как особая текстовая категория и его семантическая модель, что позволяет описывать и изучать специфику индивидуально-авторского видения действительности, представленного в образной форме, и соотносить это с концептуальным уровнем текста. В статье затрагиваются такие аспекты, связанные с проблемами речеведения, как творческая языковая личность, динамика развёртывания смысла в художественной речи, идиостилевые показатели лексической структуры текста в аспекте формирования доминирующих образов.

Рассматриваемая проблематика впервые решается на материале малоизученного в лингвистическом аспекте творчества Р. И. Рождественского, детальному анализу подвергается собственно лексический уровень мотивной организации лирического текста. Проанализированный языковой материал позволяет представить эволюцию системы ведущих мотивов лирики и сделать выводы относительно индивидуально-авторской картины мира и философии творчества одного из известных поэтов плеяды «шестидесятников».

Ключевые слова: творческая языковая личность, индивидуально-авторская картина мира, мотив, лингвистический анализ, концептуальная структура текста, ассоциативно-смысловое поле.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источник финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Грунина Л. П. Мотив дороги в лирике Р. И. Рождественского: лингвистический аспект анализа // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3 № 2. С. 52–57.

Статья поступила в редакцию 24.07.2022 г.

PHILOLOGY, LINGUISTICS

Grunina L.P.

THE MOTIF OF THE ROAD IN THE LYRICS OF R. I. ROZHDESTVENSKY: LINGUISTIC AND STYLISTIC ASPECT OF ANALYSIS.

Abstract

The object of research in the article is the linguistic embodiment of one of the leading motifs of R.I. Rozhdestvensky. The relevance of the study is determined by the fact that it meets the needs of developing the conceptual, methodological and methodological apparatus of such an integrative discipline as linguistic stylistics. The stylistic aspect of text analysis always requires balancing when describing linguistic material on the verge of two areas of philological knowledge - linguistics and literary criticism. As a unit of such an integrative analysis, the study chooses a motif as a special text category and its semantic model, which makes it possible to describe and study the

specifics of the individual author's vision of reality, presented in a figurative form, and correlate it with the conceptual level of the text. Particular aspects of the relevance of the analysis carried out are due to the interest in the product of the speech culture of the linguistic personality of the creator (creative linguistic personality) - the creator of a work of art. The novelty of the analysis is also determined by the fact that the problems under consideration are solved for the first time on the material of the work of a little-studied poet, and it is precisely the linguistic aspect of the motive organization of the lyrical text that is subjected to detailed analysis. The analyzed linguistic material allows us to present the evolution of the system of leading

For citation: Grunina L. P. The Motif of the Road in the Lyrics of R. I. Rozhdestvensky: Linguistic and Stylistic Aspect of Analysis // Bulletin of Social and Humanitarian Sciences. 2022. Vol. 3 No. 2. P. 52–57.

motives of the lyrics and draw conclusions regarding the individual author's picture of the world and the philosophy of creativity of one of the famous poets of the galaxy of the "sixties".

Keywords: creative linguistic personality, individual au-

thor's picture of the world, motif, linguo-stylistic analysis, conceptual structure of the text, associative semantic field.

Conflict of Interests: None declared.

Source of financing: There was no funding for this project.

Введение

Исследование русской литературы второй половины XX века сопряжено с решением целого ряда актуальных проблем. Одна из них — недостаточная степень изученности литературных течений, направлений, а также творчества ряда писателей второй половины XX века. Творчество Р. И. Рождественского относится к одному из таких направлений, которое именуется «эстрадной поэзией»; начало изучения данного направления в области литературоведения было положено работами Тимофеева Л. И., Сидорова Е. Ю., Прищепы В. П., Федотовой О. В., Грушниковой О. П., Зайцева В. А., Геурковой Н.

Таким образом, изучение литературного течения «шестидесятничества» и «эстрадной» поэзии как неотъемлемой части общекультурного процесса не может быть полным без изучения раннего творческого опыта одного из активных зачинателей этого течения — Р. И. Рождественского.

В связи с этим **актуальность исследования** определяется тем, что оно отвечает потребностям разработки понятийного, методологического и методического аппарата такой интегративной дисциплины, как лингвостилистика.

Материалом анализа явились сборники «Испытание», «Дрейфующий проспект», «Необитаемые острова» и «Ровеснику». В статье представлен анализ первых двух сборников с целью определения художественного смысла мотива дороги как экспликации фрагмента картины мира автора. Для определения его содержания анализу подверглась прежде всего субстантивная, глагольная и адъективная лексика, поскольку она, как отмечает Е. С. Кубрякова, отражает «восприятие мира в главных формах его бытия». Глагольная и субстантивная лексика объединяется в ассоциативно-смысловые поля, а адъективная рассматривается как составная часть микро- или макроконтраста. Так, в сравнительно небольшом сборнике «Испытание» (1951–1956) таких лексических единиц было проанализировано 279, в сборнике «Дрейфующий проспект» (1956–1959) — 766 единиц.

Выбор материала обосновывается тем, что исследователи творчества представителей «эстрадной» поэзии отмечают как наиболее плодотворный период — 1950–1960-е годы. Именно в этот период были созданы самые известные произведения Вознесенского, Евтушенко, Ахмадулиной, Рождественского, а многие стихи, особенно Р. Рождественского, положены на музыку и стали самыми настоящими хитами. С конца же 60-х — начала 70-х

годов «поэзия «шестидесятников» перестает существовать как целостное художественное течение [6]. Р. И. Рождественский, который более других «шестидесятников» тяготел к риторике, эволюционировал в сторону соцреалистических схем, что особенно заметно проявилось в зарифмованной публицистике, которой он сопровождал в 70-е годы свою регулярную телепрограмму «Документальный экран» [2, С.89].

В ходе исследования применялись следующие **методы анализа**: описательный, сопоставительный, методы контекстуального и компонентного анализа, а также приём сплошной выборки материала и статистический подсчёт для убедительности отдельных выводов и представления характера описываемых языковых фактов.

Определим важные для анализа художественного материала теоретические положения, связанные с методикой его описания.

1. Образную систему любого литературного произведения следует рассматривать, как отмечал В.В. Виноградов, «как систему взаимосвязанных и взаимообусловленных структурно-семантических средств индивидуально-го выражения» [3, С. 91].

В рамках коммуникативной стилистики особое внимание в настоящее время уделяется разработке проблемы идиостиля, общая направленность изучения которой характеризуется «укрупнением единиц анализа» [1]. Это связано с особенностями художественного текста, на которые обратил внимание еще В.В. Виноградов. По мнению ученого, единицами лексической системы произведения как «целостного словесно-художественного единства» являются не только слова в силу их «автосемантической», определяемые корреляцией с элементами образного строя и особенностями сегментации художественного смысла, но и сверхсловные образования [3, С. 85].

2. Как правило, такие исследования связаны с изучением различных групп (лексико-семантических, тематических, функционально-семантических и пр.), а также ассоциативно-смысловых полей (АСП), которые позволяют в большей степени судить об индивидуальном «почерке» писателя, его видении действительности, так как индивидуальность автора проявляется в выборе и организации многообразных средств, регулирующих творческий диалог с читателем (см. раб. Е. В. Сидорова, Н. С. Болотновой, О. Л. Каменской). Отметим также, что в семантическом отношении процедура анализа художественных произведений традиционно связывается с таки-

ми категориями, как тема, мотив, концепт. Динамической смысловой единицей художественного текста признаётся мотив [11], который представляет собой повторяющийся элемент текста, репрезентированный в определенной совокупности лексических единиц, несущих смыслообразующую функцию [4], и признаётся имманентным элементом литературного произведения, заключающим в себе «зримо и звучно обозначенную память о теме текста, о его межтекстовых отношениях и связях, о внетекстовой действительности» [10, С. 67]. Так, Б. А. Ларин трактовал термин мотив как процесс взлета «роя символов» над словами и синтаксической структурой произведения при создании определенных условий. И движение этого самого «роя символов», подчиненного мотиву, и есть текст [5]. Эта динамика совокупности лексем отражается не только в том, что мотив как кросс-уровневая единица проходит через ряд поэтических текстов и даже циклов, но и в своей семантике отражает определенное действие (например, мотив встречи, мотив ожидания, мотив преодоления).

При этом в роли мотива, как исследователи отмечают, может выступать любой феномен, любое смысловое "пятно" - событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т.д. Единственное, что определяет мотив, - это его репродукция в тексте, так что в отличие от традиционного сюжетного повествования, где заранее более или менее определено, что можно считать дискретными компонентами, здесь не существует заданного «алфавита». Он «формируется непосредственно в развертывании структуры и через структуру» [4, С.31].

Таким образом, структура конкретного мотива может быть представлена как функционально-семантическая иерархия его вербализации в виде ассоциативно-семантического поля (АСП). Считаем, что оно позволяет учитывать «три измерения» - «семантическое (в котором концептуализируются значения и смыслы), прагматическое (в котором концептуализируются интенции, оценки и эмоциональные реакции) и коммуникативное (в рамках которого осуществляется особый тип коммуникации - коммуникация художественная) [8, С.141].

Результаты исследования

«Я очень люблю ездить, - сказал однажды Рождественский, - хотя много раз слышал, что для поэта самое главное - путешествие в себя, в свое сознание, подсознание. Прекрасно понимаю важность таких «путешествий» и все-таки думаю, что их можно совмещать с перемещениями во времени и пространстве» [7, С.86]. А К. Симон так характеризовал эту черту поэзии Рождественского: «Когда поэт рассказывает о времени и о себе, его собственные взаимоотношения со временем определяются тем, как в нем самом, в его голосе и в его личности зву-

чит этот гул времени» [11, С.5]. Справедливо исследователь уловил не только биографические истоки, так как в последние два десятилетия поэт и впрямь беспрестанно ездит по дальним и ближним краям нашей страны, по многим странам Европы, Африки, Азии, Латинской Америки, но и прочную творческую позицию: ощущать личную ответственность за все, что делается на земле.

Обе эти особенности - путешествия, совмещенные с перемещениями во времени и пространстве, и отражение в голосе поэта гула времени - ярко проявились в поэтическом творчестве. Первая позволяет указать на непосредственную связь мотива дороги с ассоциативно-смысловыми полями, которые представляют это перемещение в пространстве, а вторая говорит об особом отношении к действительности и авторской манере, связанной с публицистичностью стиля Р. Рождественского.

В самом названии - мотив дороги - представлен субстантив, который не является отглагольным образованием (в отличие, например, от мотивов ожидания и преодоления). Однако здесь представляется наиболее верной точка зрения С.Ю. Неклюдова, который отмечает наличие существенных свойств мотива у статических «элементов повествования» (именуя их «мотивами-образами», или «квази-мотивами») - «объектно-атрибутивных», «локально-объектных», «локально-атрибутивных» и т.д. - взятых вне их непосредственной связи с сюжетными действиями и событиями. Такие элементы представляют собой «чистую статику», в том числе состояния или ситуации различных степеней сложности. Главное - «как своеобразные «семантические сгущения» они обладают высокой продуктивностью мотиво- и сюжетообразования, способностью к разворачиванию в мотив и далее - до размеров целого эпизода (в пределах - до сюжета)» [9, С.225-226].

Однако такая номинация вовсе не лишает семантики действия данный мотив. Напротив, он включает в себя как статические ассоциаты, которые представлены в АСП субстантивов, так и динамические ассоциаты в полях глаголов, формирующих смысловое поле данного мотива.

Стоит обратить внимание на то, что сборник «Испытание» - это второй сборник Роберта Рождественского. Выбор его в качестве первого материала для анализа объясняется следующим: отсчёт этапных книг поэт ведёт именно с этого сборника [2]. Уже в этом сборнике поднимаются проблемы самоопределения, места в жизни. Стихотворения данного сборника объединяет внутренняя тема поэзии и жизни, поиска молодым человеком, вступающим в пору зрелости, верного решения сложнейших жизненных задач: «Задачи сложные / не ждут, / спокойствия души, / они встанут и там / и тут / и требуют: / реши» [11]. Три стихотворения («Речка Иня», «Ожидание», «Утро»), написанные в 1955 г. во время студенче-

ской практики на Алтае, Р. И. Рождественский считал началом своей поэтической деятельности. А со стихотворения «Выбор» начинается цикл стихов «дорожной романтики» [7]. На этой ниве трудились многие поэты, но Р. И. Рождественский был в определенном смысле «первопроходцем». Он все время звал своих читателей и слушателей в дорогу. Он любил и хотел путешествовать и призывал к этому своих читателей («О разлуке», «В пути»). Дорога в этом сборнике становится символом Нового времени [7]. А стихотворение «Двое» символизирует наступление Новой жизни. Уже не безликая масса идет к будущему, а двое; не слитное счастье, а счастье для двоих, естественное и необходимое.

В сборнике «Испытание» мотив дороги репрезентирован следующим рядом АСП: полем «пространство» (20 единиц), относящимся к ядерной зоне семантического поля мотива, околядерными полями «движение» (8 единиц), «характер и манера движения» (12) и периферийными – «цель движения» (6 единиц), «транспорт» (7 единиц), «чувства» (3 единицы), «эмоциональное состояние» (3 единицы) и «процесс» (1 единица). Характер экспликации АСП, а также «удельный вес» лексических единиц в формировании смысла позволяет следующим образом представить семантическую структуру мотива дороги данного сборника:

1. **Ядерная зона:** АСП «пространство» (20 лексем). Смысловый признак пространства дороги непосредственно обнаруживает себя в значениях следующих слов: *речка, дорога, тропа*. Однако данный мотив охватывает и пространство, которое встречается на пути героя. Отсюда в АСП вошли такие единицы, как *ручейки, волны, город, улица, лагерь, вокзал* и др.
2. **Околядерная зона:** АСП «движение» (8 лексем), «характер и манера движения» (12 лексем).
 - Смысловый признак «движение» служит основой для объединения в одно АСП слов *мчать, выбежать, приехать, отойти*, а также слов, где эта сема актуализирована микроконтекстом, - *стучать, толкаться*.
 - АСП «характер и манера движения» в основном представляют деепричастия, наречия и субстантивы в творительном падеже, выполняющие в предложении синтаксическую функцию обстоятельства (*гудя, сгоряча, медицинскую сестрою, вниз, низинами, пригорками, по проводам* и др.).
3. **Периферийная зона:** АСП «цель движения» (6), «транспорт» (7), «чувства» (3), «эмоциональное состояние» (3) и «процесс» (1).
 - АСП «цель движения»: *искать – «заниматься розысками, разузнавать о местонахождении, наличии кого-л., чего-л.», найти – «отыскать, обнаружить кого-л., что-л.»*.

- АСП «транспорт» включает в свой состав не только единицы, отражающие это значение (*поезд, паром*), но и слова с переносным значением – *борт (паром), корма: «Берега зеленые-зеленые / за кормом медленно растаяли, / волны / цвета неопределенного / возле парохода ходят стоями»*.
- АСП «процесс» включает в себя только одну единицу *бег*, содержащую сему «движение», однако название АСП шире, так как позволяет объединить единицы с более широким спектром значений.
- АСП «эмоциональное состояние» и «чувства» - *стерпеть, снести*; как правило эти смыслы поддерживаются макроконтекстом.

В сборнике «Дрейфующий проспект» мотив дороги репрезентирован несколько иными АСП: полем «пространство» (50 единиц), относящимся к ядерной зоне семантического поля мотива, околядерными полями «транспорт» (25 лексем), «характер и манера движения» (25 лексем), «цель движения» (25 единиц) и периферийными полями – «движение» (9 единиц), «эмоциональное состояние» (6 единиц), «процесс» (5 единиц), «ментальная сфера» (4 единицы) и «погода» (2 единицы).

Как видно из данной структуры, ядерное место по-прежнему занимает АСП «пространство». Однако данный мотив в этом сборнике не отражает АСП «чувства», но включает новые АСП – «погода» и «ментальная сфера». АСП «погода» объединяет единицы с данным смыслом, а также единицы, имеющие ассоциативное отношение к погоде: *зонты, плащи* и пр. Также учитывает микро- и макроконтекст. АСП «ментальная сфера» включает лексические единицы, имеющие отношение к умственной деятельности, сфере сознания.

1. **Ядерная зона:** АСП «пространство» (50 лексем). Непосредственно пространство дороги отражают следующие единицы: *дорога, трасса, путь*. Остальные единицы отражают пространство, попадающее в поле зрения главного героя, находящегося в пути: *город (5), солнце (4), снег (4), Арктика (4), горы (3), реки (3), океан (2), земля (3), улица (2), лед (2), край* и пр. Метафорическое значение имеет единица *лестница* в значении пути, которое определяется макроконтекстом: «*Самолет / по очень длинной лестнице / лезет / к богу самому за пазуху...*». Единицы *пелена* и *пятно* отражают восприятие тумана и солнца соответственно самим героем: «*Но странно / считать в порядке вещей, / что солнце / из принципа / вообще / не уходит за горизонт. / Мерцает / маленькое пятно / сквозь выцветшую пелену...*»
2. **Околядерная зона:** АСП «транспорт» (25), «характер и манера движения» (25), «цель движения» (25).
 - АСП «транспорт». Единицы, несущие данный

смысловой признак в своем значении: *самолет* (11), *сани* (3), *машина* (2), *вертолет*, *поезда*. Единица, обладающие потенциальной семей «транспорт», – *лопасти*. Единица *льдина* в определенном макроконтексте обладает данным смысловым признаком: «*Спасибо, льдина! Выдержала, молодчина...*».

- АСП «характер и манера движения» отражает в данном сборнике смысловой признак «вертикальное движение», который обнаруживается как в значениях самих слов (*подниматься* (2), *улететь* (2), *лезть* (2)), так и с учетом лексической сочетаемости (*с коек, от земли*). Другие единицы, содержащие сему «горизонтальное движение», в микроконтексте приобретают периферийные смыслы, отражающие движение как медленный, неравномерный процесс: *двигаться* (5) *так сурово и надменно, очень медленно; ходить* (2) *неслышно, спотыкаясь, не там сворачивая, останавливаясь порою, будто незрячие; бродить неуверенно, нemo; подаваться то плавно, а то вдруг толчками, рывками и пр.*
- АСП «цель движения», помимо единиц *искать* и *найти* (2), имеющих данный смысловой признак в своем словарном значении и обнаруженных нами в предыдущем сборнике, объединяет в данном сборнике гораздо больше единиц. Цель движения здесь состоит, с одной стороны, в оставлении своего родного дома (*уехать* (5), *унести, убежать, уезжать, уходить*), а с другой – в достижении другого края – Арктики (*догнать, прийти* (4), *увидеть* (2)) в прямом смысле и поэтического признания в переносном (*сеять хлеб на равнинах*).
- 3. **Периферийная зона:** АСП «движение» (9), «эмоциональное состояние» (6), «процесс» (5), «ментальная сфера» (4), «погода» (2).
- АСП «движение» включает лексемы, отражающие сам процесс путешествия: *приходить* (2), *мчать, странствовать, обшаривать, войти в самолет и пр.*
- АСП «эмоциональное состояние» в целом отражает состояние восхищения, восторга, удивления: *удивляться* (2) *всему, бредить полярными трассами, озиаться непонимающе.*
- АСП «процесс» включает отглагольные субстантивы. Среди них лексемы, которые связаны с движением в воздушном пространстве (*вылет, полет* (2)), Северным полюсом (*кросс лыжный*) и движением самого льда (*дрейф*).
- АСП «погода» представлено только лексемой *ветер*, который сопровождает путешественников.

- АСП «ментальная сфера» в данном сборнике представлена единицами *забыть* и *думать*. Значение первой определяется макроконтекстом: «*Будто нам эта жизнь двадцать лет под стать, / двадцать лет, как забыли мы слово: / летать!*». Вторая единица отражает мыслительные процессы героя, находящегося в пути.

Выводы

Анализ системы способов «языковой репрезентации доминантных личностных смыслов в эстетической речевой деятельности автора» (В.А. Пищальникова) позволяет представить индивидуально-авторскую картину мира. В этом отношении приоритетом является изучения лексической структуры текстов, особенно когда анализу подвергается лирика.

Статус мотива как лингвостилистической единицы позволяет рассматривать его в качестве репрезентации АСП, имеющего определённую структуру.

Мотив дороги можно считать устойчивым лейтмотивом, представленным, прежде всего, такими АСП, как «пространство», «движение», «характер и манера движения». Наблюдается активность глаголов, передающих семантику «движение» (*мчать, выбежать, приехать, отойти, приходить, лететь, ехать*), и глаголов, у которых контекст актуализирует этот признак (*толкаться, стучать*). В сборнике «Дрейфующий проспект» акцент с движения в дороге перемещается на ментальную, бытийную сферы и сферу межличностных отношений, что свидетельствует о душевной сосредоточенности на общественных событиях и напряженной внутренней борьбе с общественными явлениями. Именно в этом сборнике появляется мотив надежды на что-то новое, светлое. Наблюдение над поэтическим материалом позволяет также отметить изменение общего стиля авторского выражения – от монологичности к диалогичности, на что указывает семантическое укрупнение ассоциативно-смысловых полей «люди», «межличностные отношения», «речевое общение», «цель движения».

Являясь компонентом семантической структуры текста, а точнее, его концептуального пространства, мотив имеет ментальную природу, предстаёт как семантическое средоточие текста, обеспечивая смысловые связи как внутри текста, так и за его пределами. Лирический мотив – это целый комплекс чувств, представлений, идей поэта, звено в цепи поэтической мысли.

Лирический герой Рождественского всегда в пути, в связи с чем мотив дороги можно считать лейтмотивом его творчества. Содержание этого мотива очевидно соположено со смыслами преодоления, ожидания и надежды, так как автор стремится выразить главные духовные запросы, опыт осмысления жизненных явлений, порыв в будущее своих сверстников, товарищей по судьбе.

Источники и литература / Sources and references:

1. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А.А. Васильева и др. // под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2001. С.48–128.
2. Бочаров А. Г. Две оттепели веры и смятения / А. Г. Бочаров // Октябрь. 1991 №6. С.187–188.
3. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. 255 с.
4. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М. : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 304 с.
5. Ларин Б. «Чайка» Чехова (Стилистический этюд). Новаторство и традиции / Б. Ларин // Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы. Л., 1964. С. 17–18.
6. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. В 3-х книгах. Кн. 1. М., 2003. С. 61-71; 79-90.
7. Мальгин А.В. Роберт Рождественский. Очерк творчества. М.: Художественная литература, 1990. 206 с.
8. Миллер Л.В. Художественная картина мира и мир художественных текстов. СПб., 2003. 154 с.
9. Неклюдов С.Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов / С.Ю. Неклюдов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С.221–229.
10. Прозоров В. Мотивы в сюжете // Прозоров В. Другая реальность: очерки о жизни в литературе. Саратов, 2005. С. 67–68.
11. Реформатский А. Опыт анализа новеллистической композиции. М., 1922. С. 13.
12. Рождественский Роберт. За двадцать лет. Избранные стихотворения и поэмы. М. : Художественная литература, 1973. 464 с.

Информация об авторе:

Грунина Людмила Петровна, к.ф.н., доцент отдела по работе с иностранными студентами Кемеровского государственного медицинского университета.

lpgrunina@mail.ru ORCID 0000-0002-5643-7557.

Вклад в статью: текст в полном объеме написан автором.

Author information:

Lyudmila Petrovna Grunina, Ph.D., Associate Professor of the Department for Work with Foreign Students of Kemerovo State Medical University. lpgrunina@mail.ru ORCID 0000-0002-5643-7557.

Contribution to the article: the full text is written by the author.

УДК 81'37
Гукина Л. В.

НАБЛЮДАЕМОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЯЗЫКЕ: ГЛАГОЛЫ С ДЕЙКТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ

Аннотация

В статье на материале художественных текстов исследуется семантическое содержание локальных ситуаций, описывающих фрагменты пространства и наполняющих его объектов природного комплекса. В контексте теории пространственного дейксиса изучается семантический объем группы английских и русских глаголов с общим значением появления/исчезновения статичного природного объекта в поле зрения наблюдателя, выделяется её ядерный и периферийный состав. Локальная ситуация рассматривается как языковая среда, в которой дейктические глагольные лексемы, наряду с комплексом других дейктических единиц, реализуют свои значения. Как общее условие отмечается эксплицитное или имплицитное присутствие в локальных ситуациях фигуры наблюдателя, то есть наблюдаемость пространственной сцены, динамика изменения которой моделируется изменением направления его взгляда. Языковой материал получен методом сплошной выборки из художественных произведений на английском и русском языках, использованы приемы компонентного, контекстуального и сопоставительного анализа. Новизна работы состоит в по-

пытке комплексного изучения дейктических глаголов с другими дейктическими средствами, которые моделируют локальные ситуации и определяют их семантический объем. Материал исследования может быть использован преподавателями английского и русского языков вузов и в проектной работе студентов, изучающих русский и английский языки как иностранные. Автором делается вывод, что в рамках единой локальной ситуации семантика дейктических единиц направлена на компенсацию дейктического значения глагольных лексем. Вариативность включения таких средств оказывает влияние и на семантический объем локальной ситуации в целом.

Ключевые слова: языковая репрезентация пространства, пространственный дейксис, дейктические единицы, локальная ситуация, фигура наблюдателя, направление взгляда, глаголы со значением появления/исчезновения в поле зрения наблюдателя, семантический объем, английский язык, русский язык.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Гукина Л. В. Наблюдаемое пространство в языке: глаголы с дейктической семантикой // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т.3. № 2 С. 58–65.

Статья поступила в редакцию 24.06.2022 г.

PHILOLOGY, LINGUISTICS

Gukina L. V.

OBSERVED SPACE IN LANGUAGE: VERBS WITH DEICTIC SEMANTICS

Abstract

The article deals with the semantic content of local situations that describe the fragments of space and the objects of the natural complex in the text of fiction. In the context of the theory of spatial deixis, the semantic volume of a group of English and Russian verbs with the general meaning of the appearance/disappearance of a static natural object in the observer's field of vision is studied, its core and peripheral composition is distinguished. The local situation is considered as a language environment in which deictic verbs, along with a

complex of other deictic units, realize their meanings. As a general condition, the explicit or implicit presence of the observer's figure in local situations is noted, that is, the observability of a spatial scene, the dynamics of which is modeled by a change in the direction of his gaze. The linguistic material was obtained by the method of continuous sampling from works of fiction in English and Russian, the methods of component, contextual and comparative analysis were used. The novelty of the work lies in an attempt to comprehensively study verbs with deictic semantics with other deictic means

For citation: Gukina L. V. Observed space in Language: verbs with deictic semantics // Humanities and Social Sciences Bulletin. 2022. V.3. № 2 P. 58–65.

that model local situations and determine their semantic volume. The research material can be used by university teachers of English and Russian languages and in the project work of students studying Russian and English as foreign languages. The author concludes that within the framework of a single local situation, the semantics of deictic units is aimed at compensating for the deictic meaning of verbs. The variability of the inclusion of such means also affects the semantic volume of the local situation as a whole.

Keywords: linguistic representation of space, spatial deixis, deictic units, local situation, figure of the observer, direction of gaze, verbs with the meaning of appearing/disappearing in the observer's field of vision, semantic volume, English, Russian.

Conflict of Interests: None declared.

Funding: There was no funding for this project.

Введение

В языковой репрезентации пространства особая роль отводится фигуре наблюдателя, эксплицитно или имплицитно присутствующего в тексте [7, с. 36; 29, с. 225–282]. Ю.Д. Апресян, различая первичный и вторичный дейксис, отмечает «фигуру говорящего», которая в комплексе с дейктическими средствами (местоимениями, предложениями, частицами, наречиями) играет ведущую роль в организации семантики высказывания. [1, с. 637]. Под первичным дейксисом подразумевается дейксис диалогического общения, когда участники диалога обращены лицом друг к другу и сознанию каждого из них доступен один и тот же фрагмент окружающей обстановки. Вторичный или нарративный дейксис не связан непосредственно с речевой ситуацией. Это дейксис пересказа, в том числе художественного повествования [2, с. 83–98]. Примером первичного дейксиса можно считать следующее предложение–высказывание, в котором реализована локальная ситуация с ключевыми компонентами – фигурой говорящего, дейктическими единицами и глаголом «сходиться», актуализирующим значение «пролегать на местности в разных направлениях» с доминантным семантическим компонентом «конец пролегания объекта в разных направлениях»: «Здесь Азия с Европой *сходятся*, – сказал отец. «Мы в Азии, а там», – он показал рукой за Урал, – «уже Европа...» [5, с. 63]. Примером вторичного дейксиса служит высказывание с описанием наблюдаемого фрагмента пространства: «Three roads led westward and converged on Sausalito, a village on the north shore that looked across the bay to the peninsula [27, с. 293]. – *Три дороги вели на запад и сходились в Сосалито, деревеньке на северном побережье, которая смотрела через залив на полуостров*. Здесь использован комплекс дейктических единиц (предлоги, наречия, глаголы), при этом фигура наблюдателя выведена за рамки пространственной сцены и присутствует имплицитно (наблюдаемое пространство).

В. Эрих придает особое значение компоненту «место говорящего» (place of the speaker), совпадающее с занимаемым говорящим местом, «денотативное пространство» (denotation space), то есть пространство, которое обозначается дейктическим выражением, и точку отсчета

(reference space), то есть пространство, относительно которого определяется денотативное пространство, что показано выше в примере первичного дейксиса [1, с. 634]. Однако Ю.Д. Апресян считает «место говорящего» не существенным компонентом, придавая важность фигуре наблюдателя, которую он рассматривает как ключевую в высказываниях с локальной семантикой. Ю.Д. Апресян отмечает, что в действительности важны не столько фактические физические пространства и времена, сколько способ их восприятия говорящим, и, когда он расходится с фактами, предпочтение при осмыслении высказывания отдается ему [1, с. 637]. На наш взгляд, компонент «место говорящего» актуален и оказывает значительное влияние на языковую схематизацию пространства [6, с. 91; 7, с. 32]. Таким образом, для описания значений ряда дейктических единиц требуется комплексное включение понятия пространства говорящего, пространства события, точки отсчета в пространстве и места наблюдателя. Подобные принципы пространственного дейксиса экстраполируются на высказывания, в состав которых входят локальные ситуации со значением расположения статичных природных объектов на местности. При этом наличие горизонтальных и вертикальных пространственных ориентиров усиливает значимость для фигуры наблюдателя направления его взгляда, что представлено в следующих локальных ситуациях: «Перед горой *лежало* озеро» – (*горизонталь*) [1, с. 63]. «Суровые выветрившиеся скалы *высятся* над головою, заслоняя яркий свет солнца» – (*вертикаль*) [16, с. 337]. «Впереди, все дальше, все выше *поднимались* перевалы, синими осередышами подпирая небесные тверди» – (*вертикаль + перспектива*) [3, с. 520]. В последнем примере, наряду с вертикалью, прописана пространственная перспектива при помощи включения в локальную ситуацию дейктических единиц – наречий «все дальше, все выше», которые семантически увеличивают эту перспективу. Таким образом, в комплексе с другими дейктическими единицами глагольные лексемы формируют в высказываниях локальные ситуации, выражающие естественные природные диспропорции, с акцентированием пространственной вертикали. Смена направления взгляда наблюдателя с горизонтального на вертикальное может быть вызвана крупным

разрывом в размерах самого наблюдателя и воспринимаемого им на близком расстоянии объекта. При этом смена направления взгляда не обязательно идет по восходящей вертикали, а может идти по нисходящей вертикали (например, в глубину пропасти, каньона). В языке художественной прозы в репрезентации фрагментов реального пространства, заполненного природными объектами с разной структурой, формой и размерами, существенной является не столько позиция наблюдателя, сколько направление его взгляда, меняющееся с горизонтального на вертикальное.

В русском и английском языках существует ряд глаголов, в лексическое значение которых входит другой тип дейксиса, несущий идею несовпадения позиции наблюдателя и наблюдаемого объекта. К таким глаголам, например, относятся «appear, emerge» и «показываться, выказываться, проглядывать». Их значение «войти в поле зрения в результате перемещения» имеет дейктические характеристики, они ведут себя как наречия «вдалеке» и «вдали» [7, с. 39].

Цель исследования — изучить семантический потенциал английских и русских дейктических глаголов со значением появления/исчезновения статичного природного объекта в поле зрения наблюдателя и роль фигуры наблюдателя в создании локальных ситуаций, описывающих организацию пространства и наполняющих его природных объектов. Для реализации цели при исследовании обозначенной лексико-семантической группы глаголов использован метод сплошной выборки примеров из произведений художественной прозы на английском и русском языках и приемы компонентного, контекстуального и сопоставительного анализа.

Результаты и их обсуждение

Среди локальных ситуаций, описывающих различные аспекты расположения статичных объектов природного комплекса в пространстве, особую нишу занимают ситуации, в которых эти объекты вводятся в рамку локальной ситуации через эксплицитно выраженную позицию наблюдателя и направление его взгляда. При этом обращенность наблюдателя к пространственной сцене является характерной чертой таких локальных ситуаций. Выделяется самостоятельная лексико-семантическая группа английских и русских глаголов со значением появления объекта в поле зрения наблюдателя (appear, emerge, expose, show — появляться, показаться, выказаться, выглядывать, проглядывать, объявляться, проступать) с английским глаголом «appear» и русским глаголом «появляться», выступающим в качестве ядра ряда. В качестве расширения данного ряда можно рассматривать группу глаголов со значением «визуально выделяться на фоне другого объекта» (loom — маячить, рисоваться, выделяться, чеканиться, вырезываться), которые инкорпорируют

вариативные пространственные характеристики [1, с. 64; 7, с. 70]. Ниже представлены примеры локальных ситуаций разной сложности схематизации пространства. При обозначении лексикографических источников использованы следующие сокращения: [СД] — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (в 4-х т.). — М.: Русский язык, 1991; [СО] — Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1984; [БАС] — Словарь современного русского литературного языка (в 17-ти т.). — М.; Л.: АН СССР, 1950–1965; [МАС] — Словарь русского языка (в 4-х т.). — М.: АН СССР, 1981–1984; [БАРС] — Гальперин И. Р. Большой англо-русский словарь: в 2-х т. — М.: Русский язык, 1987; [NSOED] — The New Shorter Oxford English Dictionary. — Oxford, Clarendon Press, 1993.

«APPEAR - v.i. 1. Come into view, as from concealment, or from a distance; become visible [NSOED]. — *неперех. Появиться перед глазами, как из укрытия или издалека; стать видимым*; 1. Появляться, показываться; выходить (откуда-л.)» [БАРС]. «The road next wound round a clump of underwood beside which lay heaps of faggots for burning and then there *appeared* against the sky the walls and towers of a castle» [23, с. 51]. — *Затем дорога извивалась по зарослям подлеска, по сторонам лежали кучи вязанок хвороста для растопки печей, а затем на фоне неба появились стены и башни замка*. В данной локальной ситуации наблюдатель передвигается по горизонтальной поверхности, по извилистому пути, направление взгляда сначала идет из стороны в сторону, затем по вертикали вверх. Динамику смены пространственных фрагментов обеспечивают дейктические единицы (пространственные — wound round, appeared, beside, against; временные — next, then).

«EMERGE - v.i. 3. Come into view from a place of darkness, concealment» [NSOED]. — *неперех. Появиться перед глазами из темноты, укрытия*. «Indian trading post stood on the banks of the Arkansas near where that river *emerged* from the mountains and began its long ascend across the high plains» [27, с. 152]. — *Торговый пост индейцев стоял на берегах Арканзаса, вблизи места, где река выходила из гор и начинала свой долгий путь по плоскогорью*. Данная локальная ситуация смоделирована по канонам пространственного дейксиса — наличие позиции наблюдателя, пространственной перспективы и направления взгляда, присутствие дейктиков (предлоги, наречие).

«SHOW - v.t. Expose to view; appear, become visible [NSOED]. — *перех. Выставить на вид; появиться, стать видимым*». «We had part circled the peak as we climbed upward, and between my shaking legs I could see the shining ice bent ever sharper downward, until it *vanished* into a void where the far shores of Llydau *showed* a thousand feet beneath» [22, с. 55]. — *Мы почти обошли вершину вокруг, пока поднимались вверх, и между своими дрожащими ногами я видел сверкающий ледяной склон, более крутой кни-*

зу, пока он не исчез в пустоте, где через сотню футов внизу показались дальние берега Лиды. Представленная локальная ситуация обладает более сложной схематизацией пространства, сменой движения наблюдателя по горизонтали и вертикали и перспективы его взгляда, что выражается набором адекватных языковых средств временного и пространственного дейктического характера (*part, until – circled, upward, between, downward, beneath; почти, пока – вокруг, вверх, между, снизу, внизу*). В следующем примере локальная ситуация с участием глагола исследуемой группы дополнена двумя компонентами дейктической семантики «ridge» и «circle», инкорпорирующими значение «предел». «On dune ridge that third shaft showed a cavity in the circle of fallen stones» [26, с. 106]. – На гребне дюны оказалась впадина того третьего ствола в оправе упавших камней.

«ПОЯВЛЯТЬСЯ, появиться, сов. – 1. Возникнуть перед глазами, показаться, явиться [СО]». «Уже через пять часов пути на горизонте *появился* неведомый людям остров» [17, с. 350].

«ПОКАЗАТЬСЯ, сов. – 2. Появиться, стать доступным взору [СО]». Вдали *показывается* зеленый остров – усадьба степного участка [17, с. 255]. «Уже *показались* вершины гор, закрытые снегом и льдами, которые гнездились между складками ржавого цвета: лед спускался изломанными дорожками к самому изножью гор» [14, с. 78]. В последнем примере глагол «показаться» вводит наблюдателя в рамки локальной ситуации и открывает фрагмент пространства для дальнейшего его описания. В локальной ситуации описывается огромная панорама реальной действительности, ориентированная на вертикальное положение статичного объекта, что обозначено включением в ситуацию существительных топологического характера «вершина, изножье». Расположение другого статичного объекта (льда) по наклонной плоскости выражается глаголом «спускаться», который актуализирует здесь переносное значение. Плотность описываемого пространственного фрагмента выражается глаголом «гнездиться» и существительным «складки». Таким образом, набор разночастеречных единиц с локальной семантикой на языковом уровне адекватно передает сложную структуру фрагмента реальной действительности.

«ВЫКАЗЫВАТЬСЯ, выказаться, сов. – обнаружиться, показаться [СО]»; «выставлять напоказ, обнаруживать, казать [СД]». «Дня через два отмель вся *выкажется*» [19, с. 517]. В английском языке близкими по семантическому наполнению представляются локальные ситуации с глаголом «EXPOSE», значение которых словари толкуют следующим образом: «3. V.t. Be seen; exhibit openly, display; disclose, reveal, show [NSOED] *перех. Быть видимым; выставляться напоказ; открываться*»; «3. Быть видимым; показывать, выставлять напоказ [БАРС]». «Here the rains and strong winds eroded the sand

overlay to expose the rock below» [26, с. 101]. – В этом месте дожди и сильные ветры размыли слой песка, и *выказалась* каменная порода.

Русские однокоренные глаголы «проглядывать, выглядывать» отличаются вариативными приставками «про–», «вы–», которые привносят в локальные ситуации дополнительные семантические признаки. Во-первых, значения глагольных лексем содержат такой тип дейксиса, как несовпадение позиции наблюдателя и воспринимаемого объекта. Во-вторых, данные ситуации описывают появление статичных объектов в поле зрения наблюдателя из-за каких-либо других объектов, заполняющих фрагмент пространства, и отличаются дополнительным семантическим признаком «кратность появления».

«ВЫГЛЯДЫВАТЬ, выглянуть, сов. – смотреть, высунувшись откуда-н. [СО]»; «выглядывать, выказываться, смотреть из какого-либо отверстия или из-за какого-л. предмета [СД]». «Снег сошел, оставшись еще кое-где грязными рыхлыми клочками в лощинах и тенистых перелесках, а из-под него *выглянула* полная свежих соков, полная жажды нового материнства земля» [12, с. 75]. «Множество низеньких домиков, разбросанных по берегу Терека, который разбегается шире и шире, *мелькали* из-за деревьев, а дальше синелись зубчатой стеной горы, и из-за них *выглядывал* Казбек в своей белой кардинальской шапке» [13, с. 677]. Отметим, что в данном примере наряду с глаголом «выглядывать» употребляется глагол «мелькать» со значением «появляться и исчезать из вида», который наряду с обозначением плотности участка пространства (наполненности статичными объектами) имплицитно выражает скорость движения наблюдателя по пространственному фрагменту.

«ПРОГЛЯДЫВАТЬ, проглянуть, сов. – показаться, обнаружиться [СО]»; «проглянуть (показаться) – be perceptible; appear, show [РАС]». «Вот *проглянули* озера, бывшие русла, в камышовых ожерельях, вспыхнул желтый песок, и открылась серебряная Сула, извилистая, как нарочно перевитая лента» [10, с. 378]. В данном случае наблюдается включение в локальную ситуацию глагольных единиц разных лексико-семантических групп (проглядывать, открываться), а также именных частей речи (прилагательное «извилистая» и существительное «лента») и глагола «перевить», комплексно выражающих в языковом контексте криволинейность протяжения реального объекта на местности. Кроме того, сочетание глаголов «проглядывать» и «открываться» выражает идею постепенного, фрагментарного восприятия пространства наблюдателем, его поэтапного раздвижения по пути следования наблюдателя.

«ВОЗНИКАТЬ, возникнуть, сов. – показаться, проявиться, выказаться, обнаружиться [СД]». «И опять серый утес *возник* передо мной и *скрылся* за поворотом реки в морозном тумане» [3:49].

«ВЫРАСТАТЬ, вырасти, сов. – 4. *Перен.* Обнаружиться неожиданно, появиться перед чьим-н. взором (о чем-н. высоком) [СО]». «Скоро над поломанными вершинами деревьев *выросли* шпиль и зубчатые стены старинного замка» [11, с. 90]. «А когда перевалили вершину гольца, недалеко от их пути *вырос* монолитный горб скалы, утыканный кривыми березками» [11, с. 193].

«ОБЪЯВЛЯТЬСЯ, объявиться, сов. – обнаружиться, оказаться [СО]». «Здесь видит охотник объявившуюся перед ним лесную избушку» [5, с. 63].

Глагол «проступать» отличается от прочих единиц ряда дополнительным семантическим компонентом «выделяться краями». В локальных ситуациях глагол, как правило, сочетается с существительными «край, контур, силуэт» во множественном числе. «ПРОСТУПАТЬ, проступить, сов. – 2. Появиться, обнаружиться [СО]». «Где-то вообще на границе видимого *проступала* сизая гряда гор» [9, с. 341]. «В дымке видны были силуэты проходящих судов, а еще дальше то *проступали*, то исчезали серые контуры Кронштадта» [5, с. 174]. «Сквозь зелень тайги *проступали* русла рек ртутного цвета» [9, с. 341].

Русские глаголы «маячить, выделяться, рисоваться, чеканиться, вырезываться» и английский глагол «loom» возможно отнести к периферии лексико-семантической группы с общим значением «появляться в поле зрения наблюдателя». Однако логичнее вывести их за рамки данной группы, обозначив как расширение ряда, поскольку эти глаголы объединяются в значении «виднеться». С другой стороны, подобно глаголу «проступать», они содержат дополнительный семантический признак «выделяться краями» и в локальных ситуациях, описывающих пространственные фрагменты, обнаруживают семантические характеристики, приближающие их к глаголам «появляться, проступать» (на фоне множества объектов наблюдатель выделяет только отдельные из них). В роли субъектов при глаголах этой группы выступают существительные со значением «очертание»: «silhouette, contour – силуэт, контур, край» (обычно во множественном числе). Для наглядности приведем серию примеров таких ситуаций, начав её с глагола «виднеться».

«ВИДНЕТЬСЯ, несов. – быть видным, заметным для зрения [СО]». «*Виднелись* на повороте Дуная суда, и остров, и замок с парком, окруженным водами впадения Энса в Дунай, *виднелся* левый скалистый берег... Дуная...» [20, с. 172].

«МАЯЧИТЬ, несов. (разг.) – виднеться в отдалении (обычно о ком-чем-н. высоком) [СО]». «На севере возвышаются каменные останцы, за ними – на фоне холодного неба – *маячат* горные хребты Быррынга» [15, с. 312]. В данную локальную ситуацию включена глагольная лексема «возвышаться» со значением «располагаться на местности в высоту», на фоне которой глагол «маячить» реализует свой семантический признак «высота» с одно-

временной актуализацией значения «выделяться на фоне другого объекта своей высотой». Отметим также присутствие в локальной ситуации дейктиков, детализирующих пространственную координацию объектов (на севере, за ними).

Английский глагол «loom» участвует в создании локальных ситуаций с аналогичным семантическим содержанием. «LOOM – v.i. 1. Appear indistinctly, come into view in an enlarged and indefinite form [NSOED]. – *непerez. Появляться нечетко, появиться перед глазами в увеличенной и нечеткой форме*»; «неясно вырисовываться, появляться (в тумане и т.п.) маячить [BAPC]». «The setting sun poured gold between the dark headlands *looming* on each side» [27, с. 294]. – *Заходящее солнце проливало золото между темными мысами, вырисовывающимися с двух сторон*.

«РИСОВАТЬСЯ, несов. – 1. Виднеться, казаться *Вдали рисовались очертания гор* [СО]». «Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, *рисовались* на бледном небосклоне, еще сохранившем последний отблеск зари» [13, с. 630]. Здесь также обращают на себя внимание дейктики – маркеры схематизации пространственного фрагмента и смены направления взгляда наблюдателя «налево, за ним, впереди нас».

«ВЫДЕЛЯТЬСЯ, выделить, сов. – 1. Обособиться, отделиться от целого, общего [СО]». «Когда солнце, склоняясь к закату, спрячется за скалы, тайга темнеет, и почерневший гребень еще рельефнее *выделяется* голубовато-лиловом предзакатном небе» [19, с. 12].

«ЧЕКАНИТЬСЯ, чеканить, сов. – 1. Отчетливо выделяться [БАС]». Отметим, что это единственный словарь из всего списка используемых в исследовании словарей, который фиксирует локальное значение глагола. В процессе сплошной выборки из художественных контекстов выделен ряд примеров локальных ситуаций с этим глаголом: «Наутро, при восходе солнца они увидели гребень горы, отчетливо *чеканившийся* на горизонте» [15, с. 76]. Следующий пример показывает, как может быть расширен ряд локальных ситуаций подобного типа с помощью употребления глагола «ВЫРЕЗЫВАТЬСЯ», значение которого толкуется следующим образом: «2. *Несов.* Отчетливо, резко обозначаться, выделяться, вырисовываться [МАС]». «Долго я оборачивался и глядел на сизые зубцы скал, *вырезающихся* на сини пустого неба» [4, с. 258]. Как видим из примеров, все ситуации описывают визуальное восприятие наблюдателем статичных природных объектов, характеризующихся большой высотой (горы) и выделяющихся в рамках пространственной сцены.

Как видим, английский и русский языки обнаруживают достаточно богатый набор глагольных единиц, обозначающих появление статичного природного объекта в поле зрения наблюдателя, что фиксируется словарными

толкованиями. При этом более представительным является список русских глаголов. Несмотря на то, что некоторые глагольные единицы представляют собой однокорневые формы и отличаются приставками (выглядывать – проглядывать; показаться – выказаться), они обладают способностью актуализировать дополнительные семантические признаки, характеризующие, например, способ появления статичного объекта в поле зрения наблюдателя из-за других объектов или полноту/частичность или не долговременность этого явления. Если для русских глаголов «показаться, появляться» очевидны английские аналоги «appear, show», то для таких глаголов, как «объявляться, проглядывать», в описываемых локальных ситуациях употребление в качестве аналогов вышеназванных английских глаголов сопровождается очевидной семантической потерей. Таким образом, при переводе с английского языка русскоязычный переводчик имеет возможность вариативно передавать подобные локальные ситуации, пользуясь разнообразием единиц семантического ряда. При переводе подобного высказывания с русского языка на английский происходит сужение семантики локальной ситуации. Вопросы изучения пространственных образов и моделей в художественной литературе, а также проблемы адекватного сохранения при переводе семантического объема локальных ситуаций, смоделированных несколькими дейктическими единицами, заслуживают особого внимания, и могут стать предметом проектной работы студентов, которые изучают английский и русский языки как иностранные [8, с. 50–52; 16, с. 59–65].

Для сравнения приведем группу глагольных лексем – антонимов со значением исчезновения статичного объекта из поля зрения наблюдателя. К лексемам этой группы относятся английские глаголы «disappear, vanish, recede, fade» и русские глаголы «исчезать, пропадать». Следует отметить, что лексем с противоположным значением «appear, emerge — disappear», «появляться — исчезать» часто употребляются совместно в рамках предложения, что на семантическом уровне выражает некую динамику развертывания пространства, его раздвижения перед странствующим наблюдателем [6, с. 91]. «It (the river) disappeared into the woods on the edge of Weston Hall Estate, and emerged glinting in the village beyond» [25, с. 135]. – *Река исчезала в лесах на границе поместья Уэстон Холл и, сверкая, появлялась вновь в деревне, лежащей за поместьем.*

«DISAPPEAR – v.i. Cease to appear or be visible; pass from sight, vanish. The giant planes climbed into the darkness and disappeared. – *неперех. Перестать появляться или быть видимым. Гигантские стены поднимались в темноту и исчезали; исчезнуть из вида*»; «1. Исчезать, скрываться [БАРС]». «To the left he saw an irregular shape; it was a ridge, but after a few feet it disappeared» [27,

с. 190]. – *Слева он видел фигуру неправильной формы; это был гребень горы, но через несколько футов он исчез.*

«VANISH – 1. V.i. Disappear from view, depart out of sight; become invisible, esp. rapidly and mysteriously [NSOED] *неперех. исчезать из вида, из поля зрения, особ. быстро и загадочно*»; «2. Исчезать из вида, пропадать, скрываться из виду [БАРС]». «The crack vanished» [21, с. 176]. – *Щель исчезла.* В данной локальной ситуации глагол «vanish» актуализирует двойное значение «закончилась + исчезла из вида». Семантика локальной ситуации содержит такой тип дейксиса, как совпадение конца статичного объекта с позицией наблюдателя.

В ряде локальных ситуаций глагол «recede» обозначает исчезновение статичного природного объекта из поля зрения наблюдателя. «RECEDE – v.i. Be left at an increasing distance by an observer's motion [NSOED] *неперех. Оставаться вдали при движении наблюдателя*»; «2. Потерять значение, скрываться из глаз [БАРС]». «They had a menacing ranges receding into misty infinity» [27, с. 388]. – *Перед нами была ужасающая картина: горы громоздились над горами, исчезая целыми отдельными цепями в туманной бесконечности.*

Глагол «fade» со значением «исчезать из поля зрения наблюдателя» может быть вынесен на периферию описываемой лексико-семантической группы. Согласно словарному толкованию «FADE – v.i. Become indistinct, disappear gradually [NSOED] *неперех. Стать нечетким, исчезать постепенно*»; «расплываться (об очертаниях) [БАРС]». «But as Shark Dodson galloped away the woods seemed to fade from his view» [24, с. 211]. – *Но чем дальше Шарк Додсон скакал прочь, леса, казалось, исчезали из вида.*

Русские глаголы «исчезать, пропадать» участвуют в создании локальных ситуаций, аналогичных по семантике описанным выше с английскими глаголами «disappear, vanish, fade». «ИСЧЕЗАТЬ, исчезнуть, сов. – перестать существовать, пропасть, скрываться [СО]»; «мгновенно скрываться, не быть видимым; обращаться в ничто или в вещество незримое [СД]». «Подойдя к горе, путешественники увидели, что река исчезает у её подножия в зыбучих песках» [18, с. 192]. «ПРОПАДАТЬ, пропасть, сов. – 2. Перестать быть видимым [СО]». «Казалось, дорога вела в небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и наконец *пропадала* в облаке, которое еще вчера отдыхало на вершине Гуд-горы, как коршун, ожидающий добычу» [13, с. 665]. В приведенной локальной ситуации также обозначается Среда (облако), которая, во-первых, становится преградой для восприятия объекта наблюдателем, во-вторых, выступает в качестве «контейнера», в котором скрывается объект.

На периферии лексико-семантической группы глаголов со значением «исчезать из поля зрения наблюдателя» располагаются глаголы с дополнительным семанти-

ческим компонентом «блокировать вид», которые в локальных ситуациях актуализируют значение «закрывать собой вид на другой объект». Среди них английские глаголы «block, screen» и русский глагол «прикрывать». «Now the rock *blocked* the sky almost completely, the river was louder» [27, с. 149]. – *Теперь скалы почти полностью заслоняли (букв. «блокировали») небо, а река шумела громче.* «Weinholt Fox, crouching in a clump of fern below the ledge, had escaped Nyuling's eye because he'd been *screened by an overhang*» [21, с. 235]. – *Вайнхольт Фокс, ползком передвигающийся под выступом скалы, был невидим для Нюлинга, так как его скрывал навес уступа.* «Тмутараканский залив был прикрыт от пролива с юга длинной песчаной косой» [10, с. 75].

Глаголы типа «cover, enfold, envelop, screen, shut, shelter, wrap» употребляются в локальных ситуациях описания пространственной сцены с элементом потери наблюдателем визуального восприятия статичного объекта. В подобных ситуациях употребляется и русский глагол «прикрывать». При этом в роли экранирующих объектов выступают природные явления, как туман, дымка, темнота и прочие: «Тонкая лиловая дымка прикрывает раскинувшееся пространство» [17, с. 193]. «The thunder ceased; but the rain still continued, and the scene was enveloped in an impenetrable darkness» [28, с. 121]. – *Гром прекратился, но дождь все еще шел, и вся сцена была окутана непроглядной темнотой.* «But on that first day the mist shut out the skylines, and the steep rocky slopes reared till they were swallowed by the clouds» [22, с. 5]. – *Но уже в первый день туман закрыл линию горизонта, а крутые горные склоны вздымались вверх и исчезали в облаках.* Антонимом выступает глагол «reveal»: «The mist rose slowly and vertically, revealing inch by inch the one sizeable tree dominating the scrub that covered their ledge» [21, с. 229]. – *Туман поднимался медленно и вертикально, открывая дюйм за дюймом единственное большое дерево, возвышающееся над кустарником, который покрывал горный уступ, где они находились.* Следует отметить присутствие в структуре данных локальных ситуаций дейктических разночастеречных единиц.

Выводы

Анализ семантического содержания локальных ситуаций с участием дейктических глаголов подтверждает ак-

туальность тезиса о невозможности описывать пространство с наполняющими его объектами, не будучи к ним обращенным. Конкретный или абстрактный наблюдатель всегда присутствует в рамках локальной ситуации, выражающей расположение статичных природных объектов. Динамичность представления об изменении направления пролегающего статичного объекта на местности, изменение его формы и размеров определяется восприятием ситуации одушевленным субъектом – автором высказывания. Пространственные ориентиры моделируются изменением направления взгляда наблюдателя. Иногда фигура наблюдателя эксплицируется в локальной ситуации, что выражается присутствием в высказывании чисто дейктических единиц. Дейктики усиливают эффект наблюдаемости ситуации, как бы фиксируют появление наблюдателя в «кадре» локальной ситуации, но не являются обязательным условием его импликации в высказываниях такого вида. Семантика дейктических единиц направлена на компенсацию дейктического значения глагольной лексемы в рамках единой локальной ситуации, как в случае с глаголами лексико-семантической группы «appear, emerge, expose, show – появляться, показаться, выказаться, выглядывать, проглядывать, объявляться, проступать» и «disappear, vanish, recede, fade – исчезать, пропадать» или глаголами «block, screen – прикрывать», «reveal – cover, enfold, envelop, screen, shut, shelter, wrap», которые инкорпорируют дейктические свойства. В этом и проявляется взаимодействие языковых единиц в рамках пространственного дейксиса. Отметим, что не существует одно-однозначного списочного состава глаголов изученной группы в русском и английском языках. Семантический объем русских глаголов со значением появления объекта в поле зрения наблюдателя оказывается шире в связи с инкорпорированием в глагольные лексемы дополнительных семантических признаков. В группе глагольных лексем со значением исчезновения объекта из поля зрения наблюдателя семантический объем английских глаголов существенно шире. При этом наряду с глаголами, имеющими дейктические значения, в структуре локальных ситуаций непременно присутствуют другие вариативные дейктические единицы, которые усиливают дейктическое значение глагольных лексем и влияют на общий семантический объем локальной ситуации.

Источники и литература / Sources and references

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Интегральное описание и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 797 с.
2. Апресян, Ю. Д. Некоторые соображения о дейксисе в связи с понятием наивной модели мира // Teoria Tekstu. Wrocław: Ossolineum, 1986. С. 83–98.
3. Астафьев, В. П. Последний поклон. М.: Известия, 1982. С. 49–520.
4. Бунин, И. А. Новая дорога // Рассказы. М.: Правда, 1983. С. 258–498.
5. Верещагин, Н. А. Крутая гора. М.: Современник, 1983. С. 53–341.
6. Гукина, Л. В. Наивное восприятие пространства и его отражение в языке художественной прозы и живописи // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2021;2(4):88-93.

7. Гукина, Л. В. Семантическая классификация английских и русских глаголов со значением «Расположение в пространстве»: дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1997. С. 63–65.
8. Гукина, Л. В. Проектная работа как технология организации самостоятельной работы студентов на продвинутом этапе обучения иностранному языку / Л. В. Гукина, Л. В. Личная // Технологии организации самостоятельной работы обучающихся: материалы VIII Межрегиональной научно-методической конференции. – Кемерово : КемГМУ, 2016. С. 50–52.
9. Емельянов, Г. А. Пришельцы. – Кемерово: Кемеровское книжн. изд-во, 1991. С. 341.
10. Иванов, В. Д. Русь Великая. – Л.: Лениздат, 1984. С. 378.
11. Казанцев, А. П. Пылающий остров. М. : Молодая гвардия, 1983. С. 90–193.
12. Куприн, И. А. Рассказы // Избранные сочинения. М. : Художественная литература, 1985. С. 75.
13. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени // Избранные сочинения. М. : Художественная литература, 1983. С. 630–665.
14. Лесков, Н. С. Гора // Собрание сочинений в двенадцати томах, Т.10. М. : Правда, 1989. 78.
15. Мозаев, В. М. Зиму пережить. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1984. С. 193.
16. Пыхтина, Ю. Г., Якимов, П. А. Уровневый анализ пространственных образов и моделей в художественной литературе / Вестник Оренбургского гос. ун-та, 2017, № 12 (211). С. 59–65.
17. Соколов-Микитов, И. С. Путешествия: Рассказы и сказки // Собрание сочинений в 4-х томах, Т.3. Л. : Художественная литература, 1986. С. 193–350.
18. Суханов, В. И. Аватара. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 192.
19. Таурин, Ф. Н. На Лене-реке. М. : Современник, 1981. С. 12–250.
20. Толстой, Л. Н. Война и мир // Собрание сочинений в 12-ти томах, Т.3. М. : Правда, 1984. С. 172.
21. Derby, M. Trail of Treason. London, Bantam Books, 1996. P. 229–235.
22. Firbank, Th. I Bought a Mountain. Glasgow, Collins Publishers, 1980. P. 5–55.
23. Hardy, Th. A Laodicean. London, Penguin Books, 1978. P. 51.
24. Henry, O. Selected Stories. – М.: Progress Publishers, 1978. P. 211.
25. Howard, A. The Skylark's Song. Glasgow, Fontana Books, 1982. P. 135.
26. Innes, H. Levkas Man. London, Penguin Books, 1974. P. 101–106.
27. Nevin, D. Dream West. London, New English Library, 1986. P. 152–401.
28. Shelley, M. Frankenstein, or the Modern Prometheus. М.: Progress Publishers, 1980. P. 121.
29. Talmy, L. How Language Structures Space// Theory, Research, and Application. New York, 1983. P. 225–282.

Информация об авторе:

Гукина Людмила Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Кемеровского государственного медицинского университета, г. Кемерово. e-mail: ling@kemsma.ru. ORCID: 0000-0001-5655-7236

Вклад автора: статья в полном объеме написана автором.

Author information:

Gukina Ludmila Vladimirovna, Cand. of Sciences (Philology), Associate Professor
Head of the Department of Foreign Languages, Kemerovo State Medical University, Kemerovo. e-mail: ling@kemsma.ru. ORCID: 0000-0001-5655-7236

Author's contribution: the article is written in full by the author.

Von Ahmad Mulyadi

DAS REGIME DER NEUEN ORDNUNG, WARUM UND WIE KONNTE ES MEHR ALS 3 JAHRZEHNTE DAUERN?

Orde Baru oder die Neue Ordnung ist ein Regime in der Republik Indonesien, das von General Suharto aufgebaut wurde, nachdem er das alte Regime von Sukarno besiegt hatte. Dieses Regime war eines der stärksten Regime der Welt in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Viele Menschen kennen seine Präsenz, aber nicht viele wissen, warum und wie er so stark wurde und 32 Jahre lang anhielt (1966 – 1998).

Daher zielt dieser Artikel darauf ab, zu analysieren, wie dieses Regime gebildet wurde und wie es funktionierte. Dieser Artikel versuchte auch zu verstehen, was es anders macht, so dass es mehr als drei Jahrzehnte dauern konnte, länger als jedes andere institutionalisierte demokratische Regime auf der Erde in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts.

Orde Baru war das Ergebnis politischer Rivalität zwischen Präsident Sukarno und General Suharto. Die Rivalität entwickelte sich in Form des politischen Kampfes zwischen den Armeegenerälen, die laut einigen politischen Spezialisten als Anti-Sukarno gegen die Gruppe der Anti-Generäle, nämlich *Gerakan 30. September* (G30S) oder Bewegung vom 30. September, waren. Bis jetzt ist noch umstritten, ob G30S von Sukarno entworfen wurde oder nicht.

Kurz darauf gelang es der G30S 1965, einige Generäle der Armee zu entführen und zu töten. Suharto als Leiter von Kopkamtib (Militärkommando für die Mission der nationalen Wiederherstellung und Ordnung) behauptete, befugt zu sein, eine direkte und starke Antwort auf diese Bewegung zu geben. Suharto startete daraufhin eine Militäroperation gegen G30S und führte seine Streitkräfte an, alle G30S-Bewegungen in allen Regionen Indonesiens zu eliminieren. Schließlich waren Suhartos Bemühungen erfolgreich, und dieser Sieg verlieh Suharto ein positives Image als Nationalheld.

Der intensive Konflikt zwischen den G30S und Suhartos Seite vertiefte die nationale Krise in Indonesien, politisch, sozial und wirtschaftlich. Viele Menschen litten unter Hunger, Arbeitslosigkeit und Traumata. Die Regierung unter Sukarno stand durch diese Situation unter hohem Druck.

Suharto nutzte diese Situation, indem er den politischen Druck auf Sukarno erhöhte. Schließlich gelang es Suharto 1966, Präsident Sukarno zu zwingen, Supersemar oder *Surat Perintah Sebelas Maret* (das Dekret vom 11. März) zu erlassen, das Suharto theoretisch und praktisch ermöglichte, die volle Kontrolle über die indonesische Regierung zu übernehmen. Seitdem wurde Sukarno Präsident nur noch symbolisch, da alle wichtigen politischen Entscheidungen von Suharto getroffen wurden.

Mit solch einer enormen Macht könnte Suharto seinen Einfluss in der indonesischen politischen Szene leichter ver-

größern. Schließlich ersetzte Suharto Sukarno offiziell als indonesischer Präsident durch *Sidang Istimewa MPR* oder Sondersitzung im indonesischen Nationalparlament.

Aufgrund des oben beschriebenen politischen Prozesses waren einige Autoren wie Flanagan und Southwood (2013) der Ansicht, Suharto habe einen Putsch gemacht. Der Putsch wurde im Geheimen durchgeführt, so dass Suharto das Image eines legitimen Führers verlieh. Aus politischer Sicht ist es sehr wichtig, dass ein Leader ein Image als legitimer Leader hat, um die Sympathie der Menschen zu gewinnen, damit seine Herrschaft länger dauern kann. Auf diese Weise war Suharto also politisch erfolgreich, nicht nur beim Start seiner Herrschaft, sondern auch bei der langfristigen Vorbereitung seines Regimes. Das ist der erste Grund, warum Suharto und sein Regime mehr als drei Jahrzehnte an der Macht bleiben konnten.

Nachdem er seine Macht als Präsident erfolgreich übernommen hatte, entwarf Suharto ein System, das es ihm ermöglichen könnte, jede allgemeine Wahl (Parlamentswahl) zu dominieren und zu gewinnen. Erstens verstärkte er die Rolle des Militärs in der Politik. Bis in die 1980er Jahre war das Militär der wichtigste Unterstützer und das wichtigste Instrument, um seine Position als Präsident zu stärken. Eine der Richtlinien, die er in Bezug auf das Militär machte, ist *Dwi Fungsi ABRI* oder Doppelfunktion des Militärs. Durch diese *Dwi Fungsi ABRI* konnte das Militär nicht nur in Verteidigungsangelegenheiten, sondern in fast dem gesamten gesellschaftspolitischen Leben aktiv werden. Mit diesem *Dwi Fungsi ABRI* hatte das Militär auch immer einige Sitze im nationalen Parlament für sich reserviert.

Dann schuf Suharto auch eine neue Mentalität namens *Pedoman Penghayatan dan Pengamalan Pancasila* (P4) oder Richtlinien für das Verständnis und die Anwendung von Pancasila (Pancasila sind fünf Säulen, die die politische Philosophie der Indonesischen Republik darstellen). Durch dieses P4 bestimmte Suharto die Interpretation und praktischen Anleitungen von Pancasila. Alle anderen Interpretationen außerhalb von P4 waren verboten und konnten als gegen Pancasila bezeichnet werden (Said in Kasenda 2013: 112). Dieser P4 sollte laut einigen Politikwissenschaftlern jede Politik und Entscheidung rechtfertigen, die Suharto zu seinem politischen Vorteil traf, wie *Dwi Fungsi ABRI* und die Rolle der von ihm gegründeten politischen Partei.

Die oben erwähnte politische Partei heißt *Golongan Karya* (Golkar) oder die Partei der Funktionsgruppen. Diese Partei wurde bis in die 1980er Jahre von hohen Militäroffizieren dominiert, die auch Unterstützer von Suharto waren. Verstärkt

durch P4 und *Dwi Fungsi ABRI* hatten alle Militärs und Beamten *de facto* keine andere Option zur Wahl als Golkar. Diese ermöglichten es Golkar, während der Präsidentschaft von Suharto jede allgemeine Wahl zu gewinnen. Durch den Gewinn aller Parlamentswahlen und einige bereits für den Militärpolitiker reservierte Sitze im Parlament konnte Suharto das Parlament kontrollieren und wurde immer wieder als Präsident im Parlament gewählt.

Dieses Modell der allgemeinen Wahl ist eine sehr wesentliche Komponente, die es Suharto ermöglichte, mehr als drei Jahrzehnte auf dem Präsidentensitz zu bleiben. Dieses Modell der allgemeinen Wahl ermöglichte es Suharto auch, einen politischen Anspruch auf seine Präsidentschaft zu erheben. Dies ist der zweite Grund, warum Suharto und sein Regime in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts länger bestehen konnten als jedes andere institutionalisierte demokratische Regime auf diesem Planeten.

Der letzte Grund für die superlange Präsidentschaft von Suharto ist die volle Kontrolle der Regierung durch die Instrumentalisierung der Rolle des Militärs. Wie bereits erwähnt, bekam das Militär während Suhartos Führung eine zusätzliche Rolle, auch im politischen Bereich. Suharto nutzte dann seine Unterstützer aus dem Militär, um seine Vertreter an vielen strategischen Orten und Ebenen zu sein: Viele Gouverneure, Bürgermeister, Direktoren von Abteilungen, Direktoren von Staatsunternehmen wurden mit militärischem Hintergrund auf Suhartos Vorliebe oder Empfehlung hin ausgewählt. Auf diese Weise konnte Suharto eine bestimmte politische Atmosphäre und Situation schaffen, die ihm halfen,

seine Macht zu stärken und zu schützen, die öffentliche Meinung zu kontrollieren und jede allgemeine Wahl leichter zu gewinnen.

Als Fazit lässt sich festhalten, dass das Regime der Neuen Ordnung durch einen sehr starken Einfluss des Militärs geprägt ist. Einige indonesische Politikwissenschaftler wie Salim Haji Said (2016) und Denny JA (2006) stuften es als autoritäres Regime ein. Aber der Fall unterscheidet sich ein wenig von anderen autoritären Regimen im Allgemeinen. Im Regime der Neuen Ordnung war die Rolle des Militärs viel größer als in anderen autoritären Regimen, die wir oft in einem autoritären Regime sehen. Im Regime der Neuen Ordnung wurde die Ausweitung der Rolle des Militärs nicht nur qualitativ, sondern auch quantitativ in vielen Sektoren von der nationalen Ebene bis zu den Städten angewendet. Dieses Modell ermöglichte es dem Präsidenten schließlich, die volle Kontrolle über die politische Situation und die öffentliche Meinung in allen Provinzen und Städten des Landes zu erlangen. Diese volle Kontrolle half auch seiner politischen Partei von Golkar, jede allgemeine Wahl leichter zu gewinnen.

Also, das autoritäre Modell der Neuen Ordnung ist mehr entwickelt als jedes andere autoritäre Regime in seiner Zeit. Viele autoritäre Regime in anderen Ländern waren durch eine bedeutende Rolle des Militärs gekennzeichnet, aber seine Rolle wurde normalerweise nur qualitativ erweitert: Das Militär hat enorme Macht, aber seine Präsenz im Zusammenhang mit der Konsolidierung des Regimes ist normalerweise nur auf nationaler Ebene und begrenzt nur in wenigen Branchen.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Правила для авторов

К публикации в научном журнале «Вестник общественных и гуманитарных наук» принимаются статьи, авторами которых являются академические ученые, преподаватели вузов, докторанты и аспиранты. Статьи студентов не принимаются даже в соавторстве с кандидатами и докторами наук. Предоставляемые материалы должны быть самостоятельными авторскими произведениями, отвечающими критериям научности, либо представлять собой самостоятельное экспертное заключение по проблеме.

Алгоритм работы со статьей

1. Статья загружается на сайт журнала! Статья загружается двумя файлами. В основной файл грузится статья, в дополнительный файл грузятся одним документом «Источники и литература» и «Информация об авторе (авторах)».

2. При загрузке происходит автоматическая проверка на антиплагиат. К публикации принимаются работы, проверенные с помощью системы АНТИПЛАГИАТ, с оригинальностью не менее 75 %. Все статьи публикуются в авторской редакции. Рекомендуемый объем текста от 12 000 до 36 000 печатных знаков с пробелами. **Учитывается объем статьи, без аннотаций на русском и английском языках, без списка литературы и информации об авторах. Если оригинальность менее 75 %, статья отправляется на доработку.**

3. В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию.

4. Технический редактор в течение 7 дней проверяет статью, делает замечания автору. Статья отправляется автору на доработку.

5. После исправления замечаний автор статью загружает заново на сайт.

6. Технический редактор проверяет повторно статью, выносит заключение: отправить статью повторно на доработку или рекомендовать к рецензированию.

7. Рецензирование осуществляют 2 рецензента. В случае возникновения спорной ситуации Редакционная коллегия вправе привлекать внешнего эксперта.

8. В случае двух отрицательных рецензий статья отклоняется без права повторной подачи материала. Редакционная коллегия не вступает с авторами в переписку и полемику.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. УДК.
2. Фамилия и инициалы автора (авторов).
3. Название статьи.

4. **Аннотация** (объем от 150 до 200 слов):

- предмет,
- методы,
- результаты работы,
- выводы.

Аннотация не должна дословно повторять текст статьи.

5. **Ключевые слова.** Не менее 10 слов (словосочетание считается за 1 слово). Не должны повторять название статьи.

6. **Конфликт интересов.**

7. **Источники финансирования.**

8. **Для цитирования.**

9. **Пункты 2 – 8 повторяются на английском языке.**

10. **Текст статьи:**

Введение.

- актуальность,
- степень изученности темы (обзор литературы по теме),
- объект,
- предмет,
- цель,
- методология и методы

Результаты исследования

Выводы

Данная часть представляет собой обоснованные выводы, сделанные путем анализа полученных результатов. В ней необходимо отразить, достигнута ли поставленная цель (подтверждение гипотезы). Обобщенное представление результатов исследования. Теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

11. **Источники и литература.** В списке указываются только те источники, на которые есть ссылки в тексте статьи. Не менее **10 источников.**

10. **Информация об авторе** (авторах), включая расшифровку ФИО, место работы, должность, e-mail, ORCID автора. Если работа в соавторстве (не более 3 авторов), то указывать качественный вклад каждого автора. Дата поступления статьи в редакцию. Далее информация об авторах указывается на английском языке.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ

1. Текст статьи набирается шрифтом TimesNewRoman, размер шрифта 14,

межстрочный интервал – 1,5;

от 12 000 до 36 000 печатных знаков с пробелами.

Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 1,25 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц).

Требования к оформлению текста:

Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках – лапками (“ ”).

Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.

Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).

Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., А. Е. Сидоров. Неправильно: А.Е. Сидоров.

Фотографии, диаграммы, рисунки в формате TIF, JPG, PNG. Графики в программе Excel.

2. Заголовок статьи необходимо предоставить на русском языке, прописными буквами, размер шрифта – 14, жирный, по центру.

3. Инициалы и фамилия автора – строчными буквами, размер шрифта – 14, полужирный, курсив.

4. Аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках).

5. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется в алфавитном порядке, **предваряется словом «Источники и литература»**. Ссылки на научные источники из Интернета допускаются и должны быть оформлены в соответствии с требованиями следующих стандартов:

Цитируемая литература указывается в квадратных скобках: [44, с. 25– 26].

ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления

ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ:

1. Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000. 264 с.

2. Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Составитель Д. В. Громов; отв. ред. Н. Л. Пушкарева. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009. 340 с.

3. Краснова О.В. Современные методы исследования психологических особенностей подростков // Психологическая наука и образование. 2006. Том 11. № 2. С. 31–38.

4. Беликов С. В. Бритоголовые. Всё о скинхедах. Эксклюзивные материалы. Доступно по: <https://www.litmir.me/br/?b=2908&p=1> Ссылка активна на 10.11.2021.

5. Шиллер В.В., Шапкина Е.В., Огнев Д.А., Валиуллина Е.В., Боровикова З.В., Старостин А.Н. Региональный мониторинг экстремистских настроений и проявлений: принципы, методы, практика. Кемерово, 2019. 151 с.

Подготовка статей

Для представления статьи авторы должны подтвер-

дить нижеследующие пункты. Рукопись может быть возвращена авторам, если она им не соответствует.

Эта статья ранее не была опубликована, а также не представлена для рассмотрения и публикации в другом журнале (или дано объяснение этого в Комментариях для редактора).

Файл отправляемой статьи представлен в формате документа OpenOffice, Microsoft Word, RTF или WordPerfect.

Приведены полные интернет-адреса (URL) для ссылок там, где это возможно.

Текст набран с полуторным межстрочным интервалом; используется кегль шрифта в 14 пунктов; для выделения используется курсив, а не подчеркивание (за исключением интернет-адресов); все иллюстрации, графики и таблицы расположены в соответствующих местах в тексте, а не в конце документа.

Текст соответствует стилистическим и библиографическим требованиям, описанным в Руководстве для авторов, расположенном на странице «О журнале».

Если вы отправляете статью в рецензируемый раздел журнала, то выполнены требования документа Обеспечение слепого рецензирования.

Авторские права

Авторы, публикующие в данном журнале, соглашаются со следующим:

Авторы сохраняют за собой авторские права на работу и предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Авторы сохраняют право заключать отдельные контрактные договорённости, касающиеся не-эксклюзивного распространения версии работы в опубликованном здесь виде (например, размещение ее в институтском хранилище, публикацию в книге), со ссылкой на ее оригинальную публикацию в этом журнале.

Авторы имеют право размещать их работу в сети Интернет (например, в институтском хранилище или персональном сайте) до и во время процесса рассмотрения ее данным журналом, так как это может привести к продуктивному обсуждению и большему количеству ссылок на данную работу (См. The Effect of Open Access).

Приватность

Имена и адреса электронной почты, введенные на сайте этого журнала, будут использованы исключительно для целей, обозначенных этим журналом, и не будут использованы для каких-либо других целей или предоставлены другим лицам и организациям.